

Николай Шмелёв



БЕЗМОЛВИЕ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Неопределённое время в истории Земли. Стремительно, словно молния, дискообразный аппарат оторвался от земли и, в ту же секунду, растворился в небе. Ещё не успели осесть клубы поднятой пыли, как «Виман» сделал полный виток вокруг планеты. Пилот проверял летательный аппарат во всех режимах: то резко снижал скорость, до полной остановки, то также резко набирал её. В запредельных, для современного понимания, режимах, он неожиданно менял углы атаки, внезапно уходя в сторону...

Николай Шмелёв
Безмолвие полной Луны

Неопределённое время в истории Земли.

Стремительно, словно молния, дискообразный аппарат оторвался от земли и, в ту же секунду, растворился в небе. Ещё не успели осесть клубы поднятой пыли, как «Виман» сделал полный виток вокруг планеты. Пилот проверял летательный аппарат во всех режимах: то резко снижал скорость, до полной остановки, то также резко набирал её. В запредельных, для современного понимания, режимах, он неожиданно менял углы атаки, внезапно уходя в сторону. Испытания шли по обычному графику, как вдруг что-то пошло не так: сорвавшись в крутое пике, «Виман» на полной скорости врезался в землю, зарывшись в неё на несколько метров.

Советское время.

Середина шестидесятых годов XX — го века. НИИ ядерной физики при секретной военной базе.

Институт построили прямо на месте неординарной находки. Интересовались учёные, не только ядерными проблемами. Как сказал руководитель проекта: «Всё имеет ядерную природу» и поэтому, НИИ бы стоило назвать университетом, так как не было, казалось, науки, которой бы не касались крутолобые учёные, в его стенах.

Седовласый профессор уже продолжительное время занимался изучением индийского эпоса в оригинале, для чего, ему даже пришлось усвоить санскрит. Он не раз жаловался на то, что это обучение стоило ему нескольких лет жизни, но генерала, курирующего проект, этим не прошибёшь. Военный, есть военный. Приказ, есть приказ. Первоисточники любезно предоставила Индира Ганди и, как сказал, один осведомлённый дипломат, вместе с эпосом втюхала целую кучу индийских фильмов. Не безвозмездно, конечно же. Плюс, на индусских чайных фабриках стали усерднее мести полы, чтобы полки советских магазинов не пустовали. Профессор штудировал рукописи, генерал орал на медлительность работ, а рядовые сотрудники НИИ потихоньку закладывали за воротник. Руководство не отставало.

Каких только схем летательных аппаратов в эпосе не было: Трипура, Шакуна, Рукма, Сундара — голова пухла у бедного учёного. Но самое обидное было то, что язык профессор худо-бедно освоил, а вот найденный аппарат не подходил ни под одно из описаний, подробно изложенных в древних манускриптах. И на счёт чертежей, профессор испытывал некоторое смятение. Его смущал футуристический вид отдельных образцов: или они изначально так конструировались, или их так изобразил древний художник, руководствуясь своими зрительными образами, основанными на видимой им действительности — окружающей летописца картине бытия. Как сказал один коллега профессора: «Если самолёт можно сравнить с птицей, то этак и ракету можно сравнить с...».

Наступило время первых испытаний. Предусмотрели, казалось бы всё, но, не учли главного: ни ускорение, ни гравитацию. Стремительным вихрем взлетев в небо, виман вернулся неуправляемым, на полном ходу врезавшись в землю. Закопавшись в неё на

несколько метров, он теперь покоился на территории союзной республики, мирные граждане, которой, даже не подозревали об инциденте. Лётчики-испытатели погибли ещё в первую секунду полёта, не выдержав колоссальную пиковую перегрузку. Их буквально размазало по стенкам, как при мощном взрыве.

Союзная республика. 1970 год.

Прямо над воронкой возвели НИИ. Неподалёку построили атомную электростанцию. Профессора перевели сюда же, а курировавшего проект генерала — на север: настолько далеко, насколько позволяли тогдашние снежные границы. Важные правительственные задания всегда чреватые, как стремительным взлётом, так и сокрушительным падением. Профессора перевели в союзную республику потому, что заменить его было просто нечем. Во-первых, он долго и нудно обучался специфическим научным дисциплинам, а во-вторых, он знал санскрит. Не выписывать же из-за границы тамошнего профессора! Русскому языку его уже, скорее всего — не обучишь. Тамошняя профессура поголовно штудировала английский и то — кое-как. Нужен переводчик, а это лишние уши. Тем более, что ни тот, ни другой не являлись носителями языка, а это создавало известный барьер. Вроде бы говорят одинаково, но, не понимают друг друга. И, наконец, в-третьих — это согласуется со вторым пунктом: чем меньше народа знает о проекте, тем надёжнее скрыта тайна.

В связи с международной обстановкой, такой летательный аппарат государству был просто необходим. Он давал фору не только истребителям четвёртого поколения с двумя плюсами — пятое поколение выглядит детской игрушкой, необструганной и необработанной напильником, хоть ни того, ни другого ещё и в конструкторских проектах немногочисленных КБ ещё не было. Как сказал один учёный в стенах секретного НИИ, такой «Виман» может один обеспечить электроэнергией целый город...

При испытаниях 1986 года, перегрев реактора «Вимана» спровоцировал обратную связь, вызвав в реакторе станции аварийную ситуацию, что привело к катастрофе.

Вскоре, после этих событий, умер профессор. Прошло ещё немного времени и его могилу позабыли. Этому способствовала, к тому же, особенность мёртвого города. Это — в частности, а обширная зона отчуждения — в целом. Записи пропали и тайну их исчезновения, профессор унёс с собой в могилу. Знающие люди говорят, что не только тайну — он ещё, кое-что, забрал в мир иной: в прямом и переносном смысле. Памятник профессор заказал себе заранее... Покоится учёный на одном из заброшенных кладбищ. Весь гранит и мрамор, с дореволюционных погостов, благодарные потомки растащили на строительство новой жизни. Теперь взялись за новые погребения, образованные до развала СССР и где теперь лежит гранит с могилы учёного — никто не знает. Может быть, он лёг в фундамент новомодного особняка или покосившегося сарая, а может — затыкает какую-нибудь дыру, в полуразвалившейся стене. Не исключено, так же, что стоит гранитный обелиск на другой могиле, с перебитыми данными, которые классифицируют нового владельца по всем правилам кладбищенского искусства. Практика не нова. Ещё древние египтяне прибегали к подобным манипуляциям, а уж фараоны, просто соревновались, друг с другом, в количестве и качестве приписок. Остаётся только удивляться тому, что до нашего времени дошли сведения о царственных особах, живших в период древнего царства. Видимо, гранит

настолько крепок, что медным зубилом не стешешь такое количество информации, за здорово живёшь. Пока правил фараон, резчики и художники украшали стены дворцов и храмов, сюжетами и описаниями из его жизни. Следовательно — последующему царю нужно примерно столько же времени, чтобы уничтожить эти творения. А о себе когда писать?

Две тощих вороны, дерясь и перекликаясь между собой, взлетели с незаметного кладбищенского бугорка и взяли курс на юг. Одна предлагала подруге лететь на север, но та отказалась, по неизвестной причине. Кое-как придя к компромиссу, вороны полетели на восток. С противным карканьем, они скрылись из вида.

Наши дни. Неопределённое место средней полосы России.

Со стороны реки дул промозглый ветер. Ворон ёжился от холода, кутаясь в поношенную куртку и смотрел в ночное небо, на котором сияла полная Луна. Своим сиянием она заглушала близлежащие звёзды, но, одна из них играла переменным блеском, ничуть его не потеряв, несмотря на близость спутника Земли. Сзади подошли Лис со Шмелём, неся в своих карманах бутылки с согревающей жидкостью. Ворон имел классическую внешность, не оставляющую возможность на ошибку в определение его принадлежности к этому отряду пернатых. Тёмные волосы и в меру горбатый нос, подчёркивали это сходство ещё больше. Лис был просто рыжим, но не это дало определение его кличке — он был потрясающе схож со сказочной «Лисой Патрикеевной», включая острый нос. Кто-то настаивал, в своё время, именовать его Буратино, но, это предложение не прижилось. У третьего просто фамилия такая...

— Где будем употреблять, — спросил Ворон Лиса, — а, Константин Петрович?

— У Шмеля спроси — он всё знает...

Шмель пожал плечами и равнодушно ответил на вызов:

— Ну, всё не всё, а вот здесь культурно отдыхать негде. Сидеть на холодном бетоне чревато для здоровья.

— Никуда тащиться неохота, — возразил Ворон. — Может быть, просто — выпьем стоя?

По ледяному насту, укрывшего промёрзшую бетонную набережную, ветер гнал снежную позёмку. Причудливо завихряясь, белые ленты, как змеи, уносились вдаль, тут же заменяясь новыми. Их задувало под штаны, что являлось самым неприятным событием сегодняшнего вечера. Поднятый вверх, снег слепил глаза и опрокидывал пустые пластиковые стаканы. Устав ловить посуду, Лис предложил:

— Полный дискомфорт, а стаканы необходимо утяжелить, а то улетят.

— Кинь камешки на дно, — равнодушно посоветовал Шмель.

— Фантазёр — такую идиллию разрушил! — недовольно отозвался Костя. — Я имел ввиду жидкий утяжелитель.

— Какие мы брезгливые.

— Скорее — неторопливые, — поправил товарища Ворон.

После получаса зимнего стояния на открытом пространстве, продуваемого всеми ветрами, Лис не выдержал и в сердцах сказал:

— Ты был прав, насчёт неуютности пространства зимней набережной. Хуже — только

на крыше, а у вас носы красные, как огурцы: то ли от мороза, то ли от злоупотреблений...

Шмель усмехнулся и рассказал коротенькую историю про настоящего Карлсона:

— Зимой — да, на крыше не посидишь, но, я знаю одного «Плюшкина» современного разлива. Одно время, он всё лето жил в палатке, поставленной на крыше гаража.

— Бомж? — уточнил Ворон.

— В том-то и дело, что нет. Он домой тащит всякое дерьмо и соседи уже настроены решительно дать отпор антисанитарному режиму, а сам он говорит, что его тараканы из дома выгнали. Продукты требуют холода, для своего хранения. Но не это забавно. Разносил он как-то чай и бутерброды с лососем, которые у местных торговцев сувенирами, пользовались известной долей популярности, пока не выяснилось происхождение их появления в сфере услуг коробейника.

— Подкараулили на свалке? — засмеялся Лис.

— Проще, — махнул рукой Шмель. — Совсем просто. Один раз, на помойку случился слишком большой выброс красной рыбы: то ли просроченной, то ли контрафактной, но — очень много. Лето. Без холодильника всё хранить просто немыслимо, а в него, всё — просто не умещается. А жаба душит... Забили они с товарищем гараж, по самый не балуй! Запашок, из ненавязчивого, постепенно перерастал в назойливый и один любопытный проверил, в чём, собственно, дело. А дело пахло тухлятиной. Не знаю, чем они обрабатывали рыбу, прежде чем подать её к столу царственных особ от сувенирного бизнеса, но, до этого случая, никто не жаловался на качество обслуживания и самого товара. Кроме меня, когда я появлялся в тех местах. Я настаивал на разносе более качественного чая, а он и тот, что приносил, видимо, находил там же — на свалке.

— Ну, а дальше что было? — поинтересовался Ворон.

— Да ничего особенного. Пришлось добровольному проверяющему донести факты до потребителей. Не знаю, сколько долго Плюшкин не появлялся на глаза потерпевшим клиентам... Умолчали они и о том, сколько долго его били и били ли вообще... Вот, собственно и всё...

Вскоре подошли остальные — неожиданные, но, вполне предсказуемые товарищи: Бегемот, Чингачгук, Кот, Жук и Крот. Пришла и Барбариска, которая по паспорту именовалась Лариса. Она же — Карамелька, в зависимости от настроения компании. В руках она держала какой-то свёрток, смахивающий на старую карту.

— Что приволокла-то, Ларисонька? — не удержался от едкого вопроса Ворон.

— Карта, где нанесена информация о местонахождении разбитого «Вимана», — ответила Барбариска, ничуть не смутившись, от насмешливого тона вопрошающего.

— Ну, и где он покоится? — усмехнулся Шмель, обалдев от неожиданного поворота событий.

— В Припяти. Под зданием КБО.

— Чего? — скривился в недоверчивой улыбке Лис и обращаясь к Ворону, окончательно рассмеялся. — Ты слышал, Владимир Кузьмич?

— Не глухой, — в свою очередь засмеялся тот, радуясь неожиданно пришедшему маразму со стороны.

Лариса нахмурилась и обиженно парировала нападки товарищей:

— КБО специально выстроили над найденным летательным аппаратом.

— Тогда — на хрена нужна карта? — недовольно проворчал Шмель. — Где находится это КБО и так все знают.

Частично, идиллия таинственности была разрушена, но, Ларису это не смутило.

— Тут есть ещё одни сведения — о другом объекте, — добавила она к сказанному.

Подошедшие товарищи, видимо, уже будучи ознакомленные с манускриптом, в полемику пока не вступали, предпочитая слушать перебранку, но Лис был несогласен оставаться в неведении и спросил:

— О каком?

— О большом, который сейчас находится под стройкой, — ответила Барбариска. — Правда, он совсем огромный космический объект, судя по данным записей в карте, зато находится на территории нашей страны. Им можно заняться немедленно, в отличие от «Вимана», поход к которому лучше отложить до весны.

Друзья переглянулись и схватились руками за головы, а Ворон со стоном спросил возмутительницу спокойствия:

— И ты веришь этим каракулям?

— Верю! — зло отозвалась Лариса. — Если бы ты знал, чего мне стоило их раздобыть. Посмотри, какая бумага старая...

Ворон только пожал плечами, а Шмель лениво взглянув на свёрнутый рулон, назидательно сказал:

— Карта старится очень просто и имеется множество способов придать бумаге древность, даже не имея никаких художественных навыков. Только с помощью подручных средств, имеющихся дома у каждого. Самый простой — это вымачивание свеженарисованной карты в крепком растворе чая. Бумага получается изумительного жёлто-коричневого цвета. Лист может предварительно измяться или быть сложен в несколько раз. В последнем случае, имеет смысл слегка прожечь измятости над огнём зажигалки.

— Обязательно зажигалкой? — уточнил Чингачгук.

— Нет, Лейб Львович — не обязательно! А вообще — не умничай. Можешь палить края, хоть над горящей спичкой, хоть над свечкой, хоть над газовой конфоркой.

— А запах тлена? — вмешался Бегемот, почёсывая внушительный живот.

— Ну, Мотя, с этим конечно сложнее, но и в этом случае у профессионалов имеются свои рецепты. Ещё лучше — взять прогнившую бумагу на заброшенном складе. Да она и сама, после определённого времени хранения в земле, будет иметь роскошный запах. Это недолго. Кстати, примерно по таким рецептам старят картины — подделки. Я это в журнале вычитал. Берётся просто старая картина, но, не имеющая никакой ценности. Ну, и так далее...

Тут уже напрягся Крот, имевший скрытный и молчаливый характер. Он не остался в стороне от охвативших всех сомнений. Почесав рукой затылок, Виктор тихо спросил:

— А собственно, кто сказал про то, что карта обязательно должна быть старой? Речь идёт о событиях, имевших место в не таком далёком прошлом. Если они вообще имели место...

Про Бегемота стоит сказать отдельно. При виде его, у народа перед глазами сразу же встаёт сумбур, состоящий из дурацких мыслеформ: кому мерещится неминуемая продразвёрстка, кому провалившаяся продовольственная программа, касающаяся половины страны, а кому плачевная судьба унитаза. Белый фаянс безразличен к стонам народа, как и презренный металл, который необходим для того, чтобы прокормить такую морду.

Народ гудел, переваривая информацию. Самое главное, в любом деле, если хочешь убедить соратников в своей правоте, так это посеять в их душах зёрна сомнения. Похоже,

Ларисе это удалось и уже никто не был твёрдо уверен в том, что это чистой воды вымысел. Мысли у нетрезвого люда накатывались одна на другую, переплетаясь между собой и окончательно запутались, как рыба в сетях. Барбариска торжествовала, чем вывела из себя Ворона. Применяв все приёмы нецензурной брани, он смешал стили разных народов, в результате чего положил начало международному языку. Во всяком случае, внёс свой вклад в, так и не состоявшийся, эсперанто. Так как этому языку никто обучаться не желал, можно было считать эсперанто умершим, а язык Владимира Кузьмича — рождением нового. Тем более, что серьёзного обучения он не требовал. Так, пара десятков слов и все всё поймут. Это даже меньше, чем у знаменитой Элочки Людоедочки Ильфа и Петрова. Тут уже не выдержал Шмель:

— Я смотрю, у вас проскальзывает тупая уверенность в успехе там, где должны рождаться тени сомнения. Вместо проблесков сознания появилось безудержное безрассудство, граничащее с необузданной удалью и всё вместе — питаемое винными парами.

Тут уже взвинтилась Барбариска, вереща, как торговка в базарный день. Она и без нервотрёпки имела неуравновешенный характер и в отношении настроения, являла собой прообраз переменного тока. Отрицательные эмоции сменялись положительными, так же неожиданно, как погода в Альпах. Затем всё происходило в обратном порядке и таким образом — несколько циклов за день. Ворон давно бы звал её дросселем, но, это было мужское имя, если подобное сравнение применимо к человеку и электротехнической принадлежности. Жук тоже гудел, как трансформатор, за что и получил своё прозвище. Бегемот пыхтел, как самовар и, вовсе даже не электрический:

— Так и начинаются подобные авантюры.

Понемногу страсти улеглись и все потихоньку успокоились. Товарищи понимали: чтобы подтвердить или опровергнуть правдивость манускрипта, необходимо проверить стройку, на предмет наличия под ней секретного объекта. Это можно было сделать, не дожидаясь весны, так как стройка находилась на родной территории. Торопиться некуда и тащить большое количество барахла на себе — не обязательно. Разведка — не марш-бросок, с полной выкладкой.

* * *

В эту ночь Ворону снился необычный сон. В своих сновидениях он просматривал картинки изгнания тараканами современного Плюшкина. Рыжая толпа набросилась на него и посредством избиения пыталась выселить из квартиры. В битве, на стороне тараканов, приняли участие клопы и помогали соседям, как могли. На помощь своим родственникам пришли даже мадагаскарские товарищи из близлежащего зоомагазина. Изгнание из родных пенатов проходило под бравурные крики и нецензурные выражения. Тащили хозяина квартиры на аркане, размахивая усами и надавав ему тумачков, выволокли на лестничную клетку, где, надавав пинков, спустили с лестничного марша.

Как отмечали одни невольные свидетели, из числа соседей Плюшкина, даже не подумавших вступить на его защиту, в драке были замечены крысы с мышами. Другие их поправили, утверждая то, что эти грызуны вместе не живут — у них одинаковая пищевая ниша. Первые возражали: «Почему тогда клопы соседствуют с тараканами?» Им отвечали:

«Потому что кулинарные пристрастия разные! Тараканы хотя и обзывают клопов кровососами, но терпят их присутствие. Последние, в свою очередь, называют усатых падальщиками, однако, в открытую конфронтацию не вступают».

Тараканы обиделись на неблагозвучный термин, назвав себя ассенизаторами — борцами за чистоту, а клопы считали себя дальними родственниками орлов, только сильно измельчавшими. Самый главный из них, так вообще, назвал своей родиной Трансильванию. Половина соседей намекнула, что таких графьёв, на болоте — целая туча. Другая возразила: «Не графьёв, а графинь!» «Демагогия! — ответил голос, откуда-то издалека. — И вообще — кто сказал, что орлы пьют одну кровь?»

Глава первая

Мифическая рыбалка

С выходом на разведку в зимнее время ничего не получилось: почти никто не смог найти уважительную причину уйти из дома на неопределённое время — неизвестно куда. В тёплое время года сталкерские похождения ещё можно свалить на мифическую рыбалку, а вот зимой с этим сложнее. Половина концессионеров зимними рыбаками не являлись, а вторая, грешащая этим занятием, не была понята по-достоинству. Все домочадцы прекрасно осведомлены о качестве зимнего улова — две-три синюшные головы по десять грамм каждая, а то и все вместе взятые. Больше трёх дней нечего делать. Это супругами считалось достаточным, чтобы супруги проветрили мозги. Даже громоздкая экипировка здесь не при чём — её можно просто-напросто свалить у знакомого в сарае. И с уловом заморачиваться не стоит. Можно запросто прийти пустым, не рыская по рыбным магазинам в поисках карпов, которые зимой не ловятся категорически — спят, зарывшись в ил. Безклёвье в снежную пору — дело обычное. Но, как ни странно, именно в месяцы морозов вторые половины ревнивей относятся к длительному отсутствию своих противоположных двойников. Так, постепенно, круговорот бытия засосал членов предприятия, усыпив рутиной повседневных монотонных дел. Пролетел Новый год, ещё что-то, ещё... Тепло родного коричневого дивана убаюкало своей верностью и постоянством...

Наступила ранняя весна. Яркое солнце уже обнадёживающе припекало, не оставляя сомнений в том, что белая зима позади. Казалось, все уже позабыли о предстоящей эпопее, но, только не самый активный член. Оказалось, Барбариска весь остаток зимы вынашивала планы о походе на «Виман» и кое-кто уже всерьёз стал опасаться за душевное здоровье организатора.

На оттаявшей набережной, под напором тёплых лучей дневного светила освободившейся от снега, собрался очередной консилиум. Напрасно Лариса думала, что сбежавшийся, на её призыв, народ, только и думает о том — как бы пойти на поиски гипотетического летательного аппарата. Они слетелись сюда совсем по другому поводу и этот повод эксплуатируют на всю катушку. Барбариска было намекнула на то, что пора бы и в путь, но, Шмель ей выдал короткую справку:

— У новенького японского трактора, после того, как он намотал на каждую гусеницу по несколько тонн весенней грязи, тут же накрылась трансмиссия. Японец больше времени проводил в ремонтном боксе, чем на полях. То есть, надо малость обождать — летняя кампания ещё не началась.

Лариска призадумалась и вздохнув, призналась:

— Люблю весеннюю пору: светит солнце, набухают почки...

— И печень расширяется, от радужного настроения, подкреплённого креплёнными напитками, — добавил Бегемот.

Затем собравшиеся обсудили погоду, перспективы на тёплые времена и чуть было не заскучали, но, заметили зимнего рыболова-любителя. Обсудили и его, бесцельно носившегося по льду реки: то с буром, то с удочкой. Все потуги рыбака оказались напрасными, так как рыба в этой местности клевать отказывалась категорически. Может, даже статья, что её тут и нет вовсе — ещё не вернулась из зимних ям, а может быть просто привередничает... Прослушали рассказ о том, как Бегемот устраивался на работу: «Я пс

поводу вашего объявления в газете, насчёт работы грузчиком». «В какой газете? — не понял работодатель. «Монинг стар»! — разозлился соискатель. — В нашей, естественно. Затрапезно-рекламной, где все ищут себе труд по знаниям, а если не по-знаниям, то по-плечу. Ну, мне-то это по»... «В газете, — задумчиво промямлил начальник, обращаясь к своему коллеге. — А на хрена мы его давали, объявление, то бишь? И зачем нам грузчик?» Подчинённый ответил исчерпывающе: «Ты, пьяный, начитался про апельсины в бочках у Ильфа и Петрова, а напившись, сказал, что самому тебе грузить, как-то не к лицу».

Когда все отсмеялись, Крот задал вполне закономерный вопрос:

— Ну и что, Мотя — взяли?

— Нет. Они как поглядели на мою комплекцию, так прямо и сказали, что если бы и нужен был грузчик, то с такими габаритами, мне с работой не справиться.

— Не получилось трудового подвига, да Моть? — посочувствовал Ворон, ухмыляясь всё шире и шире.

— Ну и пёс с ним! — отмахнулся Бегемот.

— Подвиг на то и подвиг! — поддержал его Чингачгук. — Он материально не оплачивается, особенно трудовой, но морально поощряется. Дадут тебе лавровый венок к супу. Ещё, может быть, чего-нибудь...

— Почётную грамоту, на худой конец, — выдвинул свою версию Лис.

— Вот именно, что на худой...

Шмель посмеялся вместе со всеми и рассказал, какие нелепые объявления наклеиваются на заборы и прочие доступные места. Начал он не спеша, смакуя каждое слово:

— На заборе висела приклеенная зазываловка: «Опытный электрик сделает всё: проведёт проводку, починит розетку и повесит люстру. В общем — все электротехнические работы». Рядом висело другое объявление: «Опытный водопроводчик выполнит любые сантехнические работы, включая: устранение протечек и замена прокладок!» Ниже, от руки, был приписан следующий текст: «Опытный гинеколог сделает тоже самое!».

Кот поднапрягся и выдал заключение на печатающиеся объявления:

— В связи с неурожаем зерновых культур, срочно требуется талантливый оратор, для работы на макаронной линии при мукомольном заводе.

Этот персонаж был достаточно высокого роста и упитан, как мартовский кот, только-только выбравшийся на крышу после зимней спячки и такой же полноценной кормёжки.

— Не только названия, но и сопровождающие их рисунки, иногда вызывают, по крайней мере, удивление, — высказал Жук, как прожужжав, не свойственную, для себя, тираду. — Например название: «Городское ритуальное агентство» и чёрный контур парящего орла сбоку. Ничего не напоминает?

— «Где будут трупы, там соберутся орлы», — процитировал Ворон Библию.

— Сотрудники агентства что — сами собираются трупы обглаживать? — усмехнулся Жук. — В таком случае, конторе требуется название, соответствующее изображённому символу. Скажем так — «Стервятник».

— На Тибете есть такое агентство, — вмешался Шмель. — Полулегальное. Тамошние монахи умерших не в землю закапывают, а специально скармливают падальщикам. И смотреть, на это зрелище, вроде бы нельзя. А грифы слетаются со всей округи, подкармливаемые могильщиками.

Разговор ещё долго теплился, поддерживаемый горячительными напитками местного

значения и Лариса уже начинала нервничать. То, что её никто не слушал и, вроде бы, не собирався вникать в суть её проблемы, сильно раздражало Барбариску. Она понимала, что народ уже не молодой и уставший от таких походов, но закопанный космический корабль не давал покоя. Не приносил успокоение и треклятый «Виман», так же покоившийся глубоко под землёй. Успокаивала только мысль о том, что к обоим объектам должны быть выкопаны подступы, для комплексного изучения неведомой техники.

По небу плыли невесомые облака, подгоняемые лёгким ветерком. Солнце припекало и грустное зимнее настроение улетучилось, оставшись где-то глубоко в памяти, которая заталкивала эти воспоминания всё глубже и глубже. Остатки грязного снега и льда, местами ещё продолжали лежать по углам бетонной набережной, не желая сдаваться настойчивому напору тёплых лучей солнца. Пожухлая прошлогодняя трава сохла и сквозь неё уже готовилась проклюнуться молодая зелень. Настроение у собравшихся, было по-весеннему радостное...

* * *

Как ни старались товарищи идти в поход налегке, не полагаясь на самодостаточность — рюкзаки получились весьма увесистыми. Принцип «всё своё ношу с собой» взял вверх. Чья-то здоровая голова предложила, в таком случае, маскироваться под туристов. Другая, не менее продвинутая, ответила: «Мы и так выглядим туристами». Барбариска ликовала: «Наконец-то!» Народ, в целом, был несколько иного мнения: «Вот, пипец-то!» И только один Чингачгук постоянно ныл: «Меня не отпускает ощущение, что для нас будет нелётная погода: у «Вимана» двойное управление — ручное и мысленное. Ну, или почти мысленное: мьюлесенсорное — от нательных датчиков». «Значит не летаем», — раздалось чьё-то невнятное бормотание.

— Надо Коту пришпандорить датчик в одно место, — предложил Бегемот, пыхтя под увесистой поклажей.

— Он нас и привезёт в Голландию, аккурат в Квартал Красных Фонарей, — мрачно возразил Крот, не представляя себе, как он будет отчитываться дома, после того, как эпопея затянется на неопределённое время.

Распаковывая и перебирая шмотки на очередной стоянке, Ворон заметил у Чингачгука хитрый утыг. Если сказать, что он обалдел, значит — не сказать ничего. На молчаливый вопрос, когда Ворон тыкал пальцем в приспособление, которое нужно в походе, как пингвину галстук, Лейб ответил просто:

— Химический утыг для автономного пользования на природе.

— Почему не угольный? — хором спросили все, кому было не лень.

— Он слишком массивный, чтобы таскать его с собой в рюкзаке.

— Утыг! — воскликнул Шмель. — Интеллигент, хренов...

— Всё гениальное просто, — добавил Лис. — Кладёшь брюки между двух матрасов на ночь — получается вполне приличное проглаживание.

Бегемот усмехнулся и рассказал коротенькую историю:

— Один придурок это услышал и положил брюки под матрас, а под ним металлическая сетка пружинной кровати. Утром, напялив спросонья брюки, он выглядел слишком экстравагантно, особенно по тем, советским, временам.

Кот скептически осмотрел утюг и спросил:

— А на каких компонентах в нём происходит химическая реакция?

— А кто его знает, — вяло отмахнулся Чингачгук. — Гладит, да и ладно.

— Реакция соляной кислоты с цинком, наверное, — предположил Жук.

— Ты что — обалдел?! — покрутил Крот у виска пальцем. — Я один раз травил соляную кислоту цинком: густые клубы белого дыма, коим является выделяемый, при реакции, водород, поднимались в небо... Я только и делал, что кричал — с «бычками» не подходить! Бросишь спичку — содержимое всего корыта будет у всех на ушах в радиусе десяти метров.

Шмель засмеялся и поведал свою историю, про вольное обращение с гремучими газами:

— Несмотря на меры предосторожности, в виде отверстия в люке, метан и сероводород часто скапливаются в колодцах, иногда в больших количествах. Связано это с тем, что в отверстие частенько забивается грязью... Рабочие, обслуживающие колодцы, пользуются простым проверенным способом: открывается люк и с безопасного расстояния бросается горящая спичка. При этом рабочие ещё и отворачиваются. В тот раз что-то пошло не так, как будто какая-то демоническая сила дала команду — трое любопытных склонили головы над бездной канализационного коллектора. Вниз так же полетел огонёк на тонкой лучинке... Рабочие практически бесплатно побрились и подстриглись — всего по цене одной маленькой спички... Взрыв сероводорода в канализационном колодце, вкупе с метаном, мог бы выбить не только глаза, но и зубы. Повезло... Осталось целым и то, и другое.

— В таких местах полезен резиновый костюм и аппарат с замкнутой системой дыхания, — выдал своё заключение Бегемот.

— Да на тебя ни один костюм не налезет, — засмеялся Кот, представив себе Мотю в пожарном облачении и проведя параллели с резиновым колом.

— Один молодой пожарник попытался заныкать кусок сала в регенеративном патроне, — для чего-то сказал Крот.

— Ну и что? — равнодушно пожал плечами Лис.

— Регенерация, как чистый кислород, от соприкосновения с маслом взрывается.

Поезд, монотонно стуча колёсами по стыкам рельс, увозил группу псевдотуристов всё дальше и дальше. Многие усмехались, вспоминая о несостоявшейся рыбалке, а кое-кто, всё-таки прихватил с собой в поездку рыболовные снасти. Комплект был далеко не полным, но это обстоятельство не смущало потенциальных рыболовов — подходящее полено, в качестве удилица, можно найти и на берегу. Подойдёт и берёзовое...

Барбариска всю дорогу крутила в руках свою карту и Ворон не выдержал:

— Ну давай, хитрюга, рассказывай, что удалось выяснить за прошедшее время.

Лариса задумалась и начала повествование своего расследования:

— Стройку возводили над покоившимся, под землёй, громадным космическим кораблём: то ли случайно, то ли зная заранее. Несколько этажей подземных гаражей приводили к выходу. Позже выяснилось, что действительно — стройка затевалась с целью раскопок. Кто-то узнал об этом и о том, что под стройкой находится огромный объект, совершенно неуправляемый, а соответственно, непригодный к использованию. Чей он: земной или инопланетный — выяснить не удалось. Перед входом установили автономный генератор и где только можно, протянули гирлянду ламп. Собственного освещения, на корабле не было. На его борту происходили странные вещи. Пропадали люди и теперь, он охраняется специальным ведомством. Так что за здорово живёшь, туда не пробраться.

— А может — всё-таки попробовать? — загорелся Шмель.

— Во внутренние помещения ведёт длинный вертикальный коридор, по прозвищу «Мясорубка», — грустно вздохнула Лариса.

— Это что — прикол или проводятся параллели с известным фильмом? — уточнил Ворон, скептически усмехнувшись.

— Хуже! Сначала ты попадаешь в коридор под названием «Барбекю». Он полностью под контролем огнемёта, а сам огнемёт, полностью под контролем военных. Притом, кругом колючая проволока под высоким напряжением и сигнализацией. Даже если допустить чудо и ты проходишь импровизированную кухню, дальше придётся преодолевать «Мясорубку». Как было сказано — лаз вертикальный. При спуске вниз, как только твои ноги показываются из люка, они крошатся в винегрет станковым пулемётом, вместе со всем остальным, которое само упадёт вниз — под крупнокалиберные пули. Пулемёт заранее пристрелян в одну точку. Это самая любимая и предельно эффективная тактика военных. Конечно, при условии, что объявлена тревога. Но, всё-равно — сигнализация повсюду.

— Весело! — воскликнул Кот. — И чего же мы туда едем?

— Проверить, всё-таки, надо...

Зелёный, как гусеница, поезд, извиваясь, продолжал путь. Товарищи скучали от длительного путешествия, а душе не давал покоя станковый пулемёт, охраняющий секретную точку. Огнемёт, так же, не вносил успокоения. Никто не хотел почувствовать себя: ни шашлыком, ни рубленным биточком, падающим на сковородку.

Настроение, после таких известий, оказалось подавленным и Бегемот достал подогрев. Ворон посмотрел на него скептически и предупредил:

— Эту гадость не пей, иначе твоя жизнь не будет стоить ломанного гроша! Кроту можешь налить... Жуку — тоже... А-а-а! Наливай и мне...

* * *

Ночью, под стук колёс, Ворону снился кошмар, в котором нашлось место всем перечисленным накануне напастям, включая: винегрет, огнемёт и пулемёт. Мангал, на котором жарились аппетитные шашлыки и Барбариска, в поварском колпаке и запачканном кровью переднике. Красная колбаса довершала натюрморт.

Глава вторая

Псевдотуризм и мифическое строительство

Под монотонное гудение вокзального репродуктора, вещающего расписание движения на ближайшее время, товарищи сошли на перрон. Как ни странно это показалось, людей с рюкзаками оказалось больше, чем ожидалось увидеть. Следуя карте, все прибывшие туристы направились в противоположную, стройке, сторону и только один имел схожее, со сталкерами, направление. По дороге разговорились и тут выяснилась странная деталь — попутчик здесь не первый раз и, так же, не в первый раз пытается обследовать стройку. До сих пор у него это не очень получалось и он отчаянно нуждался в помощниках. Звали новоявленного приятеля Витя Терминатор. Родственные души сразу же потянулись друг к другу, повинувшись неведомому порыву и уже через полчаса, Терминатор рассказал всё, что знал о секретном объекте. Был он тощий, как глиста и в связи с этим, все Витины движения отличались плавностью балерона. Гибкостью — тоже.

— Эту стройку ведут не первый год, — поведал Виктор. — Я не знаю: то ли специально её затягивают, то ли средства выделяются плохо. И то сказать, вы тут люди новые и не слышали историю про заблудившегося строителя. На него понадеешься, а он...

— В каком смысле? — заинтересовался Ворон.

— Да — в прямом. Я начальственные кадры имею ввиду, как они с местным контингентом мучаются. Всюду требуются рабочие без вредных привычек, то есть — непьющие. А где их взять? Вон, на соседней стройке подсобник в арматуре заблудился...

По рассказу Терминатора, рабочий, окончательно запутавшись в скелетах колонны, сваренных из толстой арматуры, орал оперным голосом, взывая о помощи. Среди свай, долго гуляло эхо, разнося по окрестностям крик отчаянья. Несмотря на штормовое предупреждение, крановщик решил заночевать в кабинке крана, опасаясь спускаться на грешную землю. Под утро раздался истошный вопль: «Поберегись!» Пленник железобетонной ловушки притих, от неожиданности и, как-то сразу обмяк, непроизвольно справив нужду, не снимая исподнего — вероятно из солидарности с крановщиком. В будке сторожа собутыльники только покачали головами:

— Крановщик балует...

— Угу — приспичило...

Крановщик попал, таки, в пролетающую под стрелой крана стаю ворон. Всем — не всем, но одной, хорошо досталось на орехи. Она только что проснулась и ещё плохо соображала после ночной спячки, поэтому предельно растерялась, падая вниз. «Вот! — злорадствовал крановщик. — Не всё вам на нас гадить!» Ворона еле успела увернуться от столба, встретившегося на пути тяжёлого планирования. Затем была месть пернатых. Они вычислили легковую машину крановщика и обгадили её. Какие пищевые добавки вороны принимали — неизвестно. Ясно только одно — добавки способствовали повышенной концентрации аммиака в птичьем помёте. В результате, когда авто в последствии помыли, его покраска напоминала окрас ягуара, только красного в белое пятнышко.

Дальнейший путь лежал через строительную площадку. Такого лабиринта, изобилующего многочисленными переходами, коим предназначалось стать подземными гаражами, наши герои ещё не видели.

— Пять уровней вниз — не меньше, — авторитетно заявил Ворон.

— Здесь хорошо в пейнтбол играть, — поддержал его Шмель. — Или в страйкбол.

— Пока здесь только гадят, — с досадой воскликнул Лис, вытирая подошву ботинка об свежую зелень. — И хорошо, так...

— Что-то непохож этот объект на сильно охраняемый, — насторожилась Лариса.

— Это не та стройка, — пояснил Терминатор. — Наша намного дальше.

Барбариска успокоилась, вытирая со лба испарину, выступившую от волнения. Она уже было распрощалась со своей мечтой, списав все добытые сведения на местный фольклор. Бывают мечты детские, бывают вполне взрослые, а бывают и...

Терминатор приостановил шаг и сказал:

— Это строительство тоже славится своими героями и даже поговаривают, что отсюда есть встречный выход к закопанному объекту. Все чудачества местного персонала, состоящего из различных рабочих специальностей, иногда списывают на близость аномального поля.

Виктор ещё немного постоял и поведал короткую историю про эту стройку:

— Небольшая новенькая бетономешалка, ещё не испорченная гадким цементом, перемешивала в своём чреве созревающее бражное сусло. Под ней горел сильный костёр, ускоряя созревание вожделённого продукта. Бригадир с завистью поглядел на приехавший бетоновоз, который сливал четыре с половиной куба бетона в котлован. Слушая шелест раствора, а потом, прислушиваясь к звону струи воды, которой водитель промывал миксер от остатков цемента, бригадира неожиданно, но вполне предсказуемо, посетил приступ энуреза. Вприпрыжку, он умчался в сторону деревянного строения, на ходу расстёгивая ширинку. Покрашенный белой известью, сортир сильно пах, воняя составляющими, этот запах, компонентами. Как раз в это время, на площадку въехала машина начальника стройки. Персональный водитель припарковал дорогой мерседес так, что он наглухо перегородил выход из сортира. Ничего не подозревающий бригадир попытался распахнуть калитку уборной, намереваясь покинуть дурно пахнущее помещение, но, столкнулся с невидимой и непреодолимой преградой. Попробовав открыть дверь ещё раз, он услышал до боли знакомый голос:

— Ты у меня постучи по машине этой деревяшкой, я тебе по голове постучу, а ты за «Мерсюк» в жизнь не расплатишься!

Бригадир узнал голос начальника и вслед за энурезом, его тут же посетил приступ поноса, который подчинённый благоразумно решил переждать над вырезанным, в полу, сердцем.

— Зачем туалет покрасили известью? — спросил начальник случайно проходившего мимо работника. — Да ещё белую полосу по земле провели...

— Для красоты, наверное, — растерянно ответил рабочий, разведя руки в стороны.

Начальник обречённо махнул рукой и пошёл в сторону интересующего его объекта. Этим объектом была новенький миксер, для перемешивания раствора.

— Что это, — спросил он подошедшего новичка, суетившегося разнорабочим, указывая рукой на работающую бетономешалку, — и для чего костёр?

— Не знаю, — пожал юноша плечами. — Бетономешалку только вчера со склада привезли — наверное, промывают спецраствором. Ну, а огнём, скорее всего, консервирующую смазку обжигают.

— Ну ладно — некогда мне. Давай сливай это дерьмо на лужайку, да грузи агрегат в самосвал и ко мне — на личный участок.

Когда стих звук уезжающего автомобиля, бригадир осторожно приоткрыл дверь туалета и робко выглянул наружу, осматривая окрестности. Открывшаяся картина заставила замереть дыхание, сердце съёжиться, а душе уйти в пятки — от новенькой бетономешалки и след простыл. От земли, поросшей пожухлой прошлогодней травой, валил густой вонючий пар, а из её недр доносилось странное попискивание. На дневном небе, в северном направлении, отлично просматривался диск полной Луны. Протяжный вой, полный душевных страданий, огласил ненавистную окрестность. Охреневший бригадир, стоя на коленях, вдыхал поднимающиеся от земли пары. Они не оставляли сомнений в своей принадлежности к группе сырья — производных этанола и строитель выл на Луну... При виде этой картины, одни рабочие робко жалась к бетонным стенам недостроенного здания, другие просто разбежались, а кто-то умчался звонить в полицию. Самый умный позвонил в психушку, но другой, самый продвинутый индивид, позвонил в «Общество исследований аномальных явлений», заявив, что их бригадир — оборотень. «Тогда я побежал звонить в «Общество защиты животных», — ответил ему другой. — А то сейчас приедут компетентные органы и накостыляют, ни в чём неповинной скотине!» «Зачем бежать? — спросил оппонент. — Звякни по сотовому телефону!» «Что я — дурак?! Тут сразу будет известен крайний, то есть — я! И затаскают, потом, если что пойдёт не так... А по городскому позвонишь и... ищи свищи стрелочника! «Там заставят назвать свою фамилию, — неуверенно возразил коллега-строитель». «Ха! Ну и что? Представишься, хоть папой римским!» Кто-то: то ли в шутку, то ли всерьёз, утверждал, что пьяные хомяки набили морду полевым мышам.

— Почему это они набили, а не наоборот? — усомнилась Барбариска, приняв всё за чистую монету.

— Потому что рыжие хомяки крупнее серых соседей — до пятидесяти сантиметров достигают, — пояснил Терминатор, умудрившись, при этом, ни разу не улыбнуться.

За разговором миновали недостроенное здание, которому, судя по внешнему виду, предполагалось быть из стекла и бетона.

— Идея строительства из стали, стекла и бетона, по принципу крыла стрекозы, очень привлекательна для паппараца, — заметил Чингачгук.

— Чем? — не поняла Лариса.

— Ну как же — всё, как на ладони: от голой секретарши на столе, до одинокого престарелого начальника...

— Мне тоже это не нравится — я люблю покурить у окна, — добавил свою точку зрения Бегемот. — Я не хочу, чтобы мои грязные семейные трусы разглядывало пол-улицы.

Терминатор добавил от себя:

— В соседнем городе построили подобное здание. Прохожие по-достоинству оценили голого начальника и секретаршу на столе. Сделав памятные снимки на цифровые носители, паппараца-любители обогатили информационное пространство всемирной паутины свежими материалами сексуального плана. Вопреки здравому смыслу, большинство корреспондентов ставило на передний план не интересующие народ объекты, а собственные физиономии, как-будто они сами только что от секретарши... Да и сценарии не отличались разнообразием...

Красное зарево заката уже окрасило макушки деревьев в оранжевый цвет и наступил психологический момент для поиска ночлега. Совместным голосованием было принято решение разместиться табором в ближайшем леске — подальше от стройки и поближе к

небольшой речке. Её серебристая нитка тоже покрылась вечерним румянцем заходящего светила и терялась где-то среди невысокой прибрежной поросли. Надеяться на улов в речке местного значения не приходилось, но Шмель решил с утра пораньше попробовать своё рыбацкое счастье.

Костёр весело потрескивал сухими дровами и длинные тени от огня мелькали на ближайших деревьях. Создавая причудливые контуры на древесных стволах, тени переплетались между собой и: то удлиняясь, то укорачиваясь — повторяли свою игру в бесконечном танце. В котелке варилась нехитрая похлёбка и товарищи разделились на два противоположных лагеря: тех, кому она была нужна и тех, кому не упиралась в желудок. Бесконечные споры о пользе горячей закуски постепенно стихли сами собой, а ножи уже всюю вскрывали консервные банки. Запах содержимого разносился по округе, привлекая бродячих собак и не давая уснуть уже кемарившим воронам. Чайки, неведь откуда взявшиеся на такой маленькой речке, тоже не находили покоя. Им давно пора спать, а тут такой запах...

Бегемот поднял гранёный стакан, который он предпочитал алюминиевой кружке и огласил приговор:

— Ударно-звуковая доза!

— Это как? — не понял Терминатор, крайне удивившись такому определению.

— Так, — пояснил Мотя. — Опрокидываешь полный стакан, с последующим громким кряком, чтобы дамы, мягко говоря, опешили... Или оторопели... Неважно, короче. Главное — наличие у них сменного нижнего белья. Сухого, естественно.

— Знаем мы эти игры, — подал голос Ворон. — После таких доз, в недалёком времени, останется только контрольный стакан в голову и баиньки, не обременяя себя ненужной болтовнёй.

— А может Моте не хочется попусту болтать, — вмешался Жук. — И развлекаться не хочется. Он по-своему справляется с житейскими трудностями.

— Да с такой мордой, таких стаканов — нужно прорва! — заметил Крот.

— Каждый развлекается по-своему, — поведал Шмель свою короткую историю, как выходят из трудных ситуаций. — Однажды, когда куда-то запропастилась курительная трубка, он у глиняной свистульки, маскирующей под пузатую птичку, отломил голову и набил внутренности махоркой. Дым стоял коромыслом, вперемежку с жалобным попискиванием свистульки, служившей в данный момент этой самой трубкой. Когда самосад в табачной камере закончился, Шмель дунул в свистульку так, что остатки пепла разлетелись в разные стороны на несколько метров, под разбойничий посвист детской игрушки.

— Ты чему ребёнка учишь — скотина?! — раздался женский голос.

— Вонь, поди, стояла несусветная! — посочувствовал Бегемот, брезгливо поморщившись.

— Вонь стоит тогда, когда куришь самокрутку в газете, — возразил Шмель. — От «козьей ножки» тот ещё запашок: свинец, смолы целлюлозы — да чего там только нет. Сама махорка почти без запаха, когда шмаляешь её в трубке — медицинское растение. Махорку выращивают для нужд медицины. Из никотина производят лекарства для склеротиков, атеросклеротиков и прочих нуждающихся. Так же из неё извлекают лимонную кислоту для пищевой и химической промышленности. Впрочем, в том числе, опять для той же медицины.

— А химики-то каким боком этого касаются? — не понял Крот.

— Отбеливатель: краски, лекарства и прочие бублики, которые изначально выгоняются неочищенными и требуют доработки. Кому-то нужен товарный вид, например, белой глине. Ну и так далее.

— А как быть с ароматом? — не выдержал Жук. — Табачные смеси состояются из нескольких сортов, бывает, что доходит до сорока видов.

Шмель сплюнул и резко возразил:

— Я же тебе говорю — меня не интересуют вкусовые ощущения! Махорка славится крепостью, а если тебе нужен аромат, то специально для тебя я могу набить трубку, предварительно смешав табак с газетной крошкой... Куриный помёт тоже не помешает...

Глубокая ночь опустилась на засыпающий бивак. Глаза слипались и разговор больше не клеился. Красные угли прогорающего костра перешли в стадию тления и народ уже видел первые сны. Все, кроме Лиса и Кота. Последний никак не желал утомиться и постоянно порывался завязать разговор по-новому. Когда Кот поднимал пьяную голову и нечленораздельным мычанием пытался встрять в несуществующий разговор, Лис громыхал перед его носом детской погремушкой, успокаивая и убаюкивая — одновременно. Наконец-то это возымело должное действие и через несколько минут Кот здоровым храпом нарушал покой всей стоянки и ближайших окрестностей.

* * *

Ворону снился сон, как он на стадионе смотрит футбольный матч. Арбитр с детской свистулькой, расписанной гуашью, замешанной на клее ПВА и покрытой прозрачной глазурью, носился по полю, как сайгак. Весёлая трель не прекращалась ни на секунду. Краски на птичке-свистульке радовали глаз яркостью и полнотой содержания... Красные, синие, жёлтые и зелёные, они вносили детскую весёлость в сугубо мужской праздник с мячом. Впрочем, в последнее время женщины всё чаще наблюдаются на трибунах стадионов.

* * *

Бегемоту приснился не менее яркий сон про то, как он служит в ГИБДД. Ночью они, с напарником, тормознули «Виман» на обочине.

— Это что — самоделка? — спросил Бегемот у членов экипажа.

— Нет, — растерянно отвечали гости из галактической глубинки.

— Тогда почему не летите? — был задан вполне закономерный вопрос.

Космические гости переглянулись и самый головастый ответил:

— Все три грооусилителя спёрли, пока мы трансурановую заправку искали. Только отвлеклись...

— Ваши права и техталон, — вмешался Мотин напарник. — Накладная на груз.

— Разрешение континуума в порядке! — оправдывались пришельцы, строя скорбные лица, которые и без гримас выглядели потрясающе.

Затем было дружеское застолье и Бегемот начал опасаться, что с такими огромными головами, как у гостей, не поможет никакой контрольный стакан и нектара может не

хватить. Но его опасения оказались напрасными...

Утром предстала картина маслом — развороченный тир и обалдевший начальник. Во дворе служебного гаража стоял «Виман». «Ваджра», от произведённого выстрела по мишени, ещё продолжала дымиться. «Что делать с блюдцеподобным транспортом, у которого на борту ещё и неприличное слово написано? Ничем не смывается...»

— Может, название тарелки как-нибудь связать с Йошкар-Олинским подразделением? — наивно поинтересовался Мотя у шефа, но он только махнул рукой и пошёл советоваться с вышестоящим начальством.

— Ё-моё! — возбуждённо обратился напарник к Бегемоту. — Как они на полицейском «Уазике» будут домой возвращаться?

— А кто их в космосе остановит?

— Они же не смогут на старом железе пройти тридцать третью параллель подпространства!

— В обход пойдут...

— Ты что — спятил?! — возразил напарник. — Это какой крюк делать придётся, а в тех местах ни одной заправки!

Вернулся начальник и задал, вполне, невинный вопрос, тыча пальцем в сторону «Вимана»:

— А он заводится?

Стражи порядка переглянулись и пожали плечами, пребывая в полной растерянности от полной неопределённости. Затем Бегемот достал «кривой стартер» и попробовал вручную завести летательный аппарат. Он, с напарником, по очереди крутили кривую железяку, до изнеможения. Пот градом сыпался на землю но «Виман» оставался глух к стонам народа. Затем, на подмогу, прибыл весь полк и ещё полночи толпа в форме пыталась с толчка завести непослушную технику...

Гости из космоса страдали с похмелья, возвращаясь к себе на родину.

— Поменяли бластеры на полосатые палки, — пожал плечами один из пилотов, теперь управляющий полицейским «Уазиком».

— Ну, а что? — ответил ему второй, разглядывая в руках странное приспособление. — Тоже светятся, только бестолково как-то... Свистки в комплекте. Заверили, что ими можно ещё каких-то акул отгонять.

На территорию межгалактической базы въехал полицейский «Уазик», сверкая мигалками, как проблесковыми навигационными огнями. Начальник комплекса с удивлением разглядывал своих подчинённых.

— Вы это откуда такие красивые? — спросил он, косясь на инопланетную технику.

— С Земли, — с невинным выражением лиц ответили вновь прибывшие. — Вот — махнулись — не глядя...

Начальник сурово сдвинул подобие бровей и строго сказал:

— Ну, это уже контакт четвёртого рода, когда обмениваются вещами, а подобное запрещено правилами континуума!

— Земляне заверили, что такие обычаи у североамериканских индейцев.

— Но вас посылали совсем в другое место!

— Нас там обозвали шайтанами и послали на запад.

— А при чём тут индейцы? — не понял старший.

— Аборигены сказали, что в детстве, про индейцев, у них были самые любимые

фильмы.

— Вы мне совсем голову заморочили.

Голова, имевшая размер в одну треть части тела, распухла ещё больше, когда её владелец рассматривал полосатые палки и двигатель машины...

* * *

Шмелю снился не менее живописный сон про то, как у них кончились все деньги и настала пора идти побираться. Вот и нищета постучалась в двери... Он устроил общее построение и сказал:

— Жук, пойдёшь гражданским активистом.

— Чаво?

— Чаво-чаво! Возьми стеклянный ящик и вопрошай прохожих подать что-нибудь. Только не вопи: «Подайте на опохмелку!», а придумай какой-нибудь благородный предлог. Тактика классическая — проси жалостливо.

— А чего сразу я-то? — возмутился Жук.

— Потому что у других будут иные дела, касающиеся пополнения похудевшей казны нашего предприятия, — нисколько не смутившись, пояснил Шмель.

— А им что делать? — спросил Ворон, указывая рукой на остальных концессионеров.

— Терминатор, своим видом, будет давить на соплю, заодно пытаясь вышибить слезу, из потенциальных жертв обмана. Прохожих, то есть... Бегемот будет ссылаться на то, что с голода пухнет...

На центральной улице небольшого провинциального городка странная компания просила милостыню, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства, в результате которых вернуться домой не было никакой возможности.

— Помогите люди добрые, кто чем может! — вопрошал Лис, строя скорбное лицо, полное вселенской печали.

— Отстали от звездолёта, — жалобно вторил ему Ворон.

— Подайте малую толику, а то трубы горят! — не отставал Бегемот от общего хора.

— Какие, — наивно спросила проходившая мимо провинциалка., усиленно хлопая ресницами, — где горят?

О чём подумали спутники мадам, догадались все окружающие.

— В звездолёте, — не растерялся Шмель, показывая Бегемоту кулак за несанкционированные реплики в диалоге с потенциальными подателями денежных средств. — Подайте на восстановление циркониевого покрытия дюз двигательной установки.

— Так вы же отстали от корабля? — с подозрением спросила дама.

— Тем более! Представляете, сколько средств нужно собрать на постройку нового, а время относительно. Дождутся ли родные нас домой...

— У меня столько нет...

— Ничего — давай сколько есть, — великодушно согласился Чингачгук. — Построим какой-нибудь межзвёздный самокат...

— Почём цирконий для инопланетного народа?! — донёсся откуда-то издалека надрывный голос...

Костёр давно потух. Зябко ёжась от утренней прохлады, проснувшийся Ворон долго соображал, где он находится. Освобождаясь от остатков сна, сознание постепенно возвращалось к действительности, выстраивая в памяти картину предшествующих событий.

Подкинув в золу кострища несколько сухих поленьев, Владимир заново разжёт костёр и повесил чайник над огнём. Солнце поднялось уже достаточно высоко, но народ не желал просыпаться, пребывая в состоянии активных сновидений. Со стороны реки раздавался трёхэтажный мат и Ворон решил проверить, в чём там, собственно, дело. Оказалось, что Шмель пытался рыбачить. Окончательно запутавшись в непослушных снастях, он громко проклинал непокорную леску, тупые крючки и не менее тупую рыбу, не желавшую на них садиться.

— Бросил бы ты это занятие! — великодушно предложил Вова. — Что нам с килькой делать?

— Уху бы сварили, — возразил Шмель, но, тут же согласился с другом.

Распутывать снасти азарта не было и он был готов остаться без ухи. Выдающихся трофеев ожидать не приходилось, так что интерес к рыбалке быстро остыл, к тому же, над костром уже согревался бодрящий чай. Полоумный ёрш, умудрившийся укусить насадку, был отправлен восвояси. Попав в воду, родную среду своего обитания, он быстро оклемался и пустился наутёк. Леска запуталась окончательно и на этот раз — безнадёжно.

— Да-а-а, — сочувственно протянул Ворон, одновременно покачивая головой. — В наше время, с развитием химической промышленности, рыбалка уже не та, что была раньше. Пошло сплошное засорение водного бассейна.

— Загрязнению водоёмов усиленно способствуют дикие млекопитающие, — не согласился с ним Шмель. — Не только химией загадили все речки и озёра.

— Это кто — животные, что ли? — не понял Вова.

— Можно сказать и так...

— А-а-а, ты имел ввиду людей, которые гадят под себя. Во всём виноват несознательный человек.

Шмель пожал плечами от неопределённости и спросил:

— А ты знаешь о том, что до революции, в кабаках, когда подзывали полового, не всегда кричали: «Человек!» Это звание нужно было ещё заслужить у завсегдатаев заведения. Кстати, насчёт химической промышленности: Пётр Первый запрещал вымачивать в речках лыко, из которого крестьяне плели себе лапти и прочие лубяные изделия. Особенно это касалось малых водоёмов, в которых, после поступления сока деревьев, дохла вся рыба — напрочь.

— Да уж, — согласился Вова. — Тротила не надо, чтобы погубить всё живое.

— Ха! У нас на корабле против диверсантов использовались гранаты РПГ — 41, то есть ручные противотанковые гранаты 1941 года разработки. В малой речке, после её использования, может образоваться новый омут. При броске гранаты за борт корабля, который имел водоизмещение около семи тысяч тонн, тот трясся, как паралитик. А один знакомый мужик рассказывал, что давным-давно разжился для рыбалки «лимонкой» — оборонительной гранатой Ф — 1. Бока у неё дюже рифлёные. Не предупредив своих корешей, сидящих на берегу и готовящих похлёбку, он запустил гранату в омут, а сам залёг.

Хорошо, что мужики сидели за бугорком. По словам мужика, осколки вылетали из воды со свистом, а извлечённая на берег рыба, ими была вся посечена...

Ворон скептически осмотрел обувь на ногах Шмеля и выдал своё мнение, относительно удобства последней:

— Для рыбалки, у тебя короткие резиновые сапоги.

— А какие они должны быть?

— До колена и выше...

— До колена и ниже впечатляет другое, — возразил Шмель. — А насчёт мерил, упирающихся в пах, в пруду столько рыбы — нет!

Плюнув на рыбалку, друзья вернулись к костру, возле которого попутчики уже продирали глаза. Всех разбудил едкий дым. Он стелился по земле, обволакивая каждого спящего по очереди. Ворча и плюясь, проклиная дым и все костры в мире, народ возвращался к нормальному состоянию.

Потягивая чай, товарищи обратили внимание на странную компанию. Со стороны речки в сторону лагеря направлялись три туриста, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Витя Терминатор с удивлением узнал в пришедших своих старых знакомых. После короткого представления вновь прибывших основной группе, выяснились некоторые черты их характера. Новые знакомые оказались один другого интереснее, если не сказать больше — забавнее. Судя по мужественным лицам и бронзовому загару, они повидали всякого, в своих сталкерских похождениях. Оказалось, что они, как и Терминатор, не первый год ищут лаз под стройкой. Кое-что уже удалось выяснить за эти годы, но не всё было гладко. Витёк заверил, что все подробности будут озвучены после.

Первый, из представленных — Лёша Диплодок. Вегетарианец и в возрасте, отсюда ассоциации с ископаемым травоядным ящером.

Чингачгук нагнулся к Коту и прошептал:

— Слышь, Вась, мне кажется — вегетарианцы должны плавать лучше всеядных.

— Это почему?

— Потому! Питаться одними опилками...

— А-а-а, — неизвестно чему обрадовался Кот. — В таком случае, у них и в туалете возникает большая проблема с избавлением излишеств из унитаза. Плавая, они не желают покидать нужник, даже под напором воды, разбавленной кислотой.

Крот, прислушиваясь к разговору друзей, ничего не понял, но на всякий случай посочувствовал:

— Вегетарианец. Тяжело, наверное, жить на одной растительной пище. Весь день жевать просто некогда, да и где взять столько денег на приобретение овощей, фруктов и орехов.

Ворон сплюнул и усмехнувшись, высказал Вите всё, что он о нём думал:

— Неужели ты думаешь, что для тебя друзья не порубят топором долбаный помидор?! К тому же, вегетарианцы бывают разные: полностью травоядные и умеренные, у которых в рационе присутствуют яйца, молоко и прочие продукты, не относящиеся к мясным. Первым всего тяжелей.

Вторым пришедшим был Гена Лектор. Как по секрету рассказал Терминатор, он дохлого задолбает своими нравоучительными разговорами.

— Вот! — смеясь, сказал Шмель Кроту. — Вот интеллект! А ты даже сам с собой поговорить не можешь!

— Почему? — обиделся Виктор.

— Потому что не о чем...

Народ отсмеялся и ему представили третьего, из пришедших.

— И наконец — Федя Мастодронт, — закончил представление Терминатор. — Старый и опытный. Предельно осторожный, он не раз выручал своих товарищей в сложных жизненных ситуациях.

После уточнения небольших подробностей, выяснилось, что стройка находится в значительном удалении от города и было принято решение вначале посетить близлежащие магазины, чтобы пополнить запасы на всех уровнях.

Кряхтя и охая, народ начал потихоньку собираться, перенося базу ближе к городу. Остановившись на новом месте, товарищи побросали рюкзаки в кучу, оставив их под присмотром Терминатора, который, к тому же, остался ещё и за кашевара, а сами отправились в город за покупками. Заодно, решили провести маленькую экскурсию.

Глава третья

Сувенирный бизнес и современный постмодернизм

В город товарищи пошли разномастной толпой, не обременяя себя фешенебельным видом. Ни смокингов, ни бабочек — они собирались демонстрировать потрёпанные, штопанные-перештопанные шмотки. Сев на пригородный автобус, сталкеры отправились в центр старого города, так как в новом, всё-равно, делать было нечего. Южный городок встретил теплом, которое, казалось, исходило от каждого дома. Все развлечения и рыночные точки в таких поселениях всегда сосредоточены в одном месте, не разбредаясь по большой территории. Первое, что увидели наши туристы, были сувенирные лавки. Осмотрев лотки с предлагаемым товаром, Лис не удержался от комментария, по поводу увиденного:

— Сувенирный бизнес не стоит на одном месте. Теперь, известная шкатулка «чёрт из табакерки» приобрела новые подлые черты. После того, как трясущаяся голова на дрожащей проволоке успокаивается, вместе с объектом насмешки, срабатывает таймер. Сувенирная голова: или взрывается полностью, или у неё изо-рта вылетает струя несмываемой оранжевой краски. Краситель применяется в банковских хранилищах, для предотвращения хищения наличности. Заодно и шельму метит.

— Ну, а турист-то тут при чём? — проворчал Жук. — По-твоему выходит, что он тоже шельма?

— Конечно! Где он в наше время столько бабла натырил, чтобы по заграницам мотаться?

— А при чём тут заграница?

— Ни при чём! — отмахнулся Лис от назойливого собеседника. — Сейчас более-менее дальняя поездка приравнивается к заграничной.

Пока эти двое препирались между собой, остальные рассматривали сувениры, щедро представленные на потребу иногородних. Ворону особенно понравилась матрёшка. Когда она раскрывались, то из неё, как черти из табакерки, высыпались другие — мал мала меньше. Но не это его порадовало — кто не видел классическое изделие русских мастеров. Правда, наши умельцы позаимствовали идею у своих японских коллег, но, это к делу не относится. Ворону понравилась нестандартная роспись, к которой обратился художник. Мастеру, видимо, до смерти надоели однообразные рожи, которые он, изо дня в день, наносил на деревяшки. В этом наборе — всё было нестандартно. Главная матрона, в красном платке, имела классическое лицо, с лёгкой улыбочкой. Ничего необычного в её облике не наблюдалось. Разве что связка ключей на большом кольце, как раз умещающегося в кулаке, издали смахивала на шипованный кастет, но вот остальные персонажи заставили зрителей улыбнуться. Вторая матрёшка излучала космическое спокойствие и, даже надменность, накрывшись звёздчато-полосатой шалью, очень похожей на флаг иностранного государства, а третья — излишнюю весёлость, как после хорошей попойки на свадьбе. Смысловые потуги во взгляде отсутствовали. В левой руке матрёшка держала стакан, а в правой, большую бутыль. Лиловая косынка, на ней, висела набекрень. Четвёртая тётенька имела очень радостную физиономию, весёлые косички и синяк под глазом. Платок отсутствовал. «Где-то я уже видел, эту рожу, — подумал Ворон. — Точно — кажется, это чей-то аватар в сети». У пятой матрёшки лицо выражало вселенскую грусть. Ипохондрия чувствовалась во всём, а вот у шестой фигуры, была откровенно уголовно-протокольная морда, с бычком «Беломор-

Канала» в пасти. За спиной она прятала большой нож, что любезно продемонстрировал продавец. Вместо платка у неё на голове была надета кепка, надвинутая на глаза. Ну, у седьмого изделия, лицо было просто злое... Даже злобное — как у цепной собаки. И цепь на шее. Золотая. На ювелирном изделии висел массивный фетиш во всё пузо. Каждый палец новорусской матрёшки был украшен дорогим перстнем. Перстни сверкали всеми цветами радуги: синие, красные, зелёные — всё смешалось в одну кучу. Присутствовали и банальные бриллианты. Эта красочная феерия выгодно отличалась от чёрного фона, которым служил женский пиджак. Есть что охранять! На голове у неё, почему-то, была повязана красная пролетарская косынка. Восьмая матрёшка олицетворяла собой ужас в чистом виде, который свалился на хрупкую деревянную пустышку. Раскрытые, до полной орбиты, глаза, не внушали оптимизма на ближайшее будущее, делая современную действительность беспросветной мглой. Платочек на ней был траурный, то есть — чёрный. Самая маленькая деревянная фигурка являлась откровенным покемоном, в том виде, значение которого, придают этой форме молодёжной культуры. Острые акулий зубы, обнажённые в страшном оскале и прочие прелести подобных изображений — всё это было нанесено на заготовку старательно и с любовью. Даже красный платочек в белый горошек, с трогательно-романтическим узелком под подбородком. Данный набор, по словам продавца, шёл на «Ура!»

Мимо проехали две телеги с поющими цыганами.

— Стереосистема, — засмеялся Бегемот, покачав головой.

Оставив Ворона в раздумье, насчёт покупки матрёшки, товарищи прошли дальше, где располагался вернисаж. Здесь местные художники выставляли свои творения на продажу, а заодно на всеобщее обозрение. Как и в любом городе, в их рядах попадались мастера разного уровня, включая откровенных бездарей, возомнивших себя гениями. Шмель оценил полотна, висевшие на стене и равнодушно прокомментировал содержимое выставки:

— Детский лепет.

— А как быть с обнажённой фигурой? — с подвохом, спросил Чингачгук.

— С голой тёткой? — уточнил критик.

— Ну, да...

— Эх, Лейб! Как будто дети не выплёскивают на бумагу свои фантазии, — вздохнул Шмель.

— Точно — дом детского творчества, — подтвердил Кот, лениво усмехнувшись.

— Угу! — согласился Крот. — С сексуальным уклоном...

Барбариска нахмурилась и упрекнула спорщиков:

— У вас все мысли, только об этом...

Сталкерам надоел просмотр живописных полотен и они снова вспомнили, для чего выбрали в город, но, подвернувшаяся взгляду Шмеля картина, вдоволь его повеселила. Это был натюрморт. Простой — вобла с пивом. Вот только написан он был непросто. Сразу бросалось в глаза, что исполнял работу дилетант. Сушёная рыбина смотрела на зрителя иронично-проникновенным, живым взглядом, который проникал в самую душу, доставая до её сокровенных глубин. Чешуя воблы, подёрнутая солёной пеленой, резко контрастировала с глазом, не вписывающимся в общую картину мёртвого натюрморта...

Кружившаяся вокруг художников тётенька постоянно придиралась ко всяким мелочам: то ли пытаюсь сбить цену, то ли ей решительно нечего было делать.

— Почему на вашей картине у русалки акулий хвост? — вопрошала тётя очередную

жертву. — Причём — от «белой»...

— А вы в зеркало-то себя видели? — обозлился творческий работник.

— Вы имеете ввиду конкретно меня? — нахмурила брови назойливая покупательница.

— Да нет — женскую популяцию в целом...

Рядом крутились товарищи живописца, прислушиваясь к разговору и, согласно местной примете, загибая пальцы — кто во что горазд. Будет продажа у коллеги, будет простава. Выпивки, видимо, они желали больше собственной выгоды, поэтому один доморощенный художник чуть не вывихнул пальцы, которые сплелись в замысловатый клубок, издали напоминающий фигу. Рядом с ним топтался другой, старый и по всему видно — неформал. В солнечных очках отсутствовало одно из стёкол. Нашего героя это обстоятельство, по всей вероятности, не смущало: то ли по причине частичного ухода в астрал, то ли в связи с ухудшением зрения от старости, но — вид у него был умопомрачительный. Сказать прямо — живописный.

— Тебе бы к этому прикиду разноцветный «ирокез», — предложил тощий художник, с болезненным видом.

Он насмешливо всматривался в глупо улыбающуюся физиономию, усиленно соображая, что это за чудо-юда. Кто-то шепнул на ухо неформалу о его промашке. Старик снял очки и с удивлением поглядев на отсутствующее стекло, положил их в карман.

— Зря снял, — заметил тощий. — В очках ты выглядел умнее и, гораздо более, респектабельней.

— Правильно, — поддержал тощего толстый. — Они же солнцезащитные. Вот, только очко подвело.

— Нижнее?

— Стекло! Которое отсутствует.

— Пластмассовое, скорее всего, — лениво поправил толстого тощий.

Мимо прошёл мужик в солнцезащитных очках, с интересом рассматривая картины. Внимания художников он не привлёк, а толстый живописец сказал тощому:

— Оценивать работы через чёрную пластмассу! Нет, это не наш покупатель. Это такой же шарм, как если бы химзавод ввёл штатную должность дегустатора, на вкус определяющего качество денатурата.

— Закусывать только сыром, — подтвердил тощий. — Перед последующей дегустацией, тщательно прополоскать рот холодной водой.

— А чего это сегодня Кривой не пришёл? — опомнился толстый, недосчитавшись в стройных рядах потребительскую единицу.

— Сказал, что в завязке, а сегодня, в местном балагане-выставке, якобы, ожидается выпадение мощных вино-водочных осадков, после которых, охочие до халявы, уже сами выпадают в осадок.

В рядах художников образовалось некоторое замешательство: картину привередливой мадам не продали, денег не было, а гонец, посланный за горячительным, вернулся ни с чем. Как он сам сказал: «Денег не хватило!». Непризнанные гении начали скрести закрома, старательно выгребая всю, завалившуюся за подкладку, мелочь. Кооперация терпела крах, ибо, как гласит неписанный кодекс данного сообщества: «Не помажешь — не поедешь!» На эту тему не раз высказывался один из кооператоров, на данный момент выворачивающий пустые карманы: «Проклятье — так и спиться недолго!»

Тощий художник огляделся по сторонам и выдвинул предложение:

— Надо охаять чьи-нибудь картины — тогда обязательно купят.

— Специально — не получится, — возразил толстый. — Надо найти кого-то, кто искренне выразит своё возмущение.

— Вон идет Жорж, — показал тощий на приближающегося коллегу. — Он умеет наводить критику, до полного негодования критикуемого.

Не доходя до коллег, являющих собой полную противоположность друг другу, Жорж обратил внимание на свежие полотна, только что вынесенные на всеобщее обозрение. Имея вредный характер, он не заботился о продаже конкурента, а высказывал своё мнение исключительно из личных побуждений, связанных всё с той же вредностью и необузданным языком. Им Жорж молот, как помелом, не волнуясь за последствия. Подойдя ближе, он критически оглядел картины и начал издали — с колера и его несоответствии с нарисованной действительностью. Постепенно критика переросла в ожесточённый спор, которым Жорж упивался, как вампир кровью. Доведев хозяина полотен до белого каления, он напоследок заявил:

— В общем, твои картины полное «Г»!

— Чьи?! Мои?!

— Ну, не мои же...

С чувством выполненного долга Жорж удалился и подойдя к тощему художнику, сказал:

— Я никогда не довожу беседу до критической точки.

Толстый с тощим остались стоять с разинутыми ртами, так и не поняв: искренне он это заявил или приколотся.

— Думаешь, Васёк поставит Жоржу бутылку, если сейчас продаст? — задумчиво спросил тощий товарища.

Толстый усмехнулся и высказал своё мнение на этот счёт:

— Он ему без реализации товара, прямо сейчас поставит синяк под левым глазом или под правым. А может быть, и под обеими сразу.

Неожиданно, из-за угла появился их товарищ, принёсший скорбное известие: «Дуська померла!» На это он получил категорическую резолюцию: «Скидываться нечем!»

На сходку начали стекаться равнодушные, чьё внимание привлекло нервное волнение костяка сообщества.

— Что случилось? — спросил долговязый художник, подойдя к сходке.

— У нас минус один, — ответил ему тощий.

— Что-то, ты об этом так равнодушно говоришь, — скептически заметил второй подошедший.

— Ну, я не могу салют устроить!

— Неудобно? — спросил толстый, явно иронизируя.

— Денег нет, на петарды, — зло буркнул тощий собеседник.

— Цинично, — вяло прокомментировал ответ долговязый.

— Зато конкурента нет!

— Что ж — можно шампанское купить: и поминки, и салют, — предложил толстый коллега.

— Уже водку принесли, — сообщил радостную весть третий подошедший.

Тощий художник вздохнул и удовлетворённо сказал:

— И обломили, и обрадовали — на хрен не нужен этот газированный компот с добавкой технического спирта.

— И вообще! — уже зло заявил тонкий. — Помните фильм «Вий»? У них там на базаре в Киеве, все бабы — ведьмы...

Толстый усмехнулся и добавил:

— Ну, а если и ты вспомнишь этот эпизод, то в нём дано средство борьбы с ними: три раза перекреститься и плюнуть ведьме на хвост! Она, якобы, уже ничего с тобой сделать не сможет.

— Как определить, где у неё этот хвост?

— Плюй каждой в зад — авось, не промахнёшься!

В это время, не дожидаясь официальной тризны, старый художник и его товарищ ганашились по маленькой в углу сарая. Товарищ налил один стакан, а второй остался пустым. Его он хотел заполнить запивкой, но, не сделав этого, поторопил собутыльника с приёмом горячительной жидкости. Старый деловито схватился за пустой стакан и вздохнув — выдохнул. Не спеша, он опрокинул посуду, смакуя несуществующую жидкость, не забыв при этом крякнуть и поморщиться. У его товарища по совместной борьбе с «Зелёным змием», до полного уничтожения последнего, слов не было, зато на это событие отозвались окружающие.

— Старичок, — смеялся толстый. — Вместе со зрением, кажется, и вкусовые рецепторы начали атрофироваться.

— Главное — это участие, — поддакнул тощий. — Важен сам процесс, а не содержимое посуды. Возможность потискать гранёные бока стакана.

— Музыки не хватает, — вздохнул толстый и в его голосе проскользнули нотки сожаления.

— Да зачем она тебе нужна? — непонимающе возразил тощий.

— Как же — я и картины под неё пишу.

— Под музыку? — вмешался долговязый. — Она у тебя должна в душе играть, когда тыходишь к полотну и берёшь в руки кисти.

— А тараканов ты откуда завозишь, — спросил тощий, — в зоомагазине покупаешь?

Толстый задумался и почесав затылок, внёс своё мнение в обсуждаемую тему, пожав, при этом, плечами:

— Ну, я лично, столько насекомых в голове не подкармливаю... Да и провианта никакого не хватит...

Ещё одна картина привлекла Ворона нестандартностью решения и, даже, каким-то вызовом. На полотне был изображён букет сирени в трёхлитровой банке из-под солёных огурцов в натуральную величину. Ворон пригляделся пристальнее и обнаружил существенную деталь: какой-то шутник, безусловно, из числа художников, повесил на банку настоящую этикетку, описывающую все регалии и достоинства зелёных выходцев из Азии. Наклейка висела на соплях и на ней, так же, присутствовал срок годности. Особенно тщательно шутник подретушировал: «Употребить до:» и сегодняшняя дата. Владелец шедевра, в дупель пьяный, мотался неподалёку, ещё не зная о поминках и усиленно соображал, где бы ещё добавить горячительного, поэтому в упор не замечал подлой подставы.

Впрочем, не только вернисаж, но и лавки торговцев напоминали частную типографию. Все стены и деревянные будки сувенирщиков были расписаны краской из баллончиков. Красные и синие, жёлтые и зелёные линии переплетались между собой и друг с другом. Чёрной краской юные умельцы граффити нанесли надписи, писанные тарабарским языком и

украшенные незначительными дополнениями тёмно-синей краской. Уличные художники — граффитисты соперничали со своими коллегами-передвижниками. На одной будке красовалось НЛО — блюдцеобразный летательный аппарат, возможно инопланетного происхождения...

Ворон осмотрел испорченное имущество торговцев и стены дома, стоящего рядом. Вздохнув, он высказал свою точку зрения на современное молодёжное искусство:

— Раньше довольствовались литературой малой формы: напишут на сарае неприличное слово из небольшого количества букв и на этом успокаиваются. Теперь же пишут на стене целую тираду, не всегда ясно представляя себе, что это значит. Или понимая, но, только лично, не заботясь о чужом образовании.

— Отчего же! — возразил Лис. — Раньше в сортирах целые стихи писали.

— Так это ж в сортирах! — слишком эмоционально воскликнул Шмель. — Только там и раскручивались непризнанные писатели да поэты, на полную катушку, но не на стене парткома...

Уставший художник, забыв про свою банку из-под огурцов с торчащим веником сирени, в конце концов уснул рядом, на стульчике, сладко причмокивая во сне. Его товарищи вдоволь поглумились над ним, привязав к волосам на голове берцовую свиную кость, весьма солидных размеров. Выглядел новоявленный папуас, после салона красоты, очень впечатляюще.

— Ему бы ещё зубы напильником обточить до треугольной формы, — предложил тощий. — Как у акулы.

— И яблоки в уши вживить, — добавил толстый.

— Картина «Тыблоки на снегу» всем уже надоела, — вмешался толстый художник. — Необходимо, что-то новенькое.

— Тогда в дерьме, — предложил тощий. — В чёрно-коричневом, с корочкой...

— В этом случае подойдут яблоки сорта «Голден Делишес», — авторитетно заявил толстый. — «Слава Сапальта» тёмно-красные — не пойдут.

— Почему?

— Будут сливаться с грядкой.

— Рядом можно розу воткнуть — «Клайминг Айсберг», — предложил собеседник. — В этом случае, даже ваза не нужна — в корочку их... Будут торчать, как в застывшем цементе...

— Ты что? — возразил товарищ. — «Айсберг» плетистая роза — не воткнёшь, толком!

— Тогда «Ирен Дэнмарк»!

— И белоснежная «Вирджиния» будет неплохо контрастировать с...

Толстый посмотрел на картину, на которой цветочки неопределённого вида росли прямо на грядке и ткнув в неё пальцем, заявил:

— Мне это изображение, садово-огородную грядку, тоже — не напоминает...

Почивал уставший недолго, так как мимо проходили иностранцы. Их непонятная речь возымела, на спящего, магическое действие: они шли, а он проползал мимо, расставляя картины на новое место. Нет бы подползти поближе и присесть непосредственно перед работой, которая нуждается в корректировке своего положения на вертикальной плоскости — пьяному было необходимо тянуться к ней. От подобных противоречий его движения ещё больше указывали на нетрезвое состояние местного героя. Замутнённый взгляд, не обезображенный утонувшим интеллектом, скользил по картинам, некоторые из которых

стояли на боку, а другие, так и вовсе вверх ногами.

— Сам-сам! — слышались ободряющие возгласы, отнюдь не на аглицком языке. — Ты сможешь...

— Да-да! — раздался голос из толпы. — Это из пособия для медсестёр, работающих в полевых условиях. Как увидит «такую» морду...

Поверженный на землю порывался встать и справить нужду, прямо на месте. Его пыл остудили, на что он резко возразил:

— Я писать хочу!

— Дойди до туалета! — не менее резко, не соглашались блюстители цензуры. — Может тебе сюда утку принести?!

— По-Пекински! — выкрикнул один остряк и водоворот событий по-новой закрутил участников торгов в своё шумное русло.

— Когда эта пьянь ползла мимо туристов, ладонь необходимо было держать в правильном положении, как подаяние просят, — сделал заявление долговязый. — Глядишь, иностранцы и подали бы, чего-нибудь.

— Так он же в другую сторону, от них, тянулся! — возразил толстый. — Да и вообще, что они после этого о нас подумали и о нём, в частности?

— Что иностранные туристы подумали о нас, меня нисколько не волнует, — равнодушно ответил долговязый. — А вот о ползающем индивиде подумали бы то, что он окосел, от пьянства — вот и тянется не туда...

Рядом с выставкой-продажей самодельных художников, две девчушки кормили пиццей небольшую собачонку. Изобретение итальянцев вероятно было просроченным, так как девочки не ограничились парочкой кусочков, а планомерно скармливали животному всё кулинарное изделие. Толстый художник подошёл и тяжело вздохнув, сказал собачонке:

— Ну, чего вылупилась — подвинься, я рядом лягу!

Через некоторое время, когда кормильцы, с чувством выполненного долга, удалились, он опять подошёл к собаке и грозно сказал:

— Жульен — подвинься!

— Зачем ты её дёргаешь? — спросил его тощий коллега.

— Сейчас ещё пиццу принесут...

Жук с Кротом набрали на «цветочный ряд» художественных картин, выполненный в примитивной форме. Все цветы на картинах маляр намалевал просто, не заботясь о полутонах и на пастельно — уродливом фоне.

— Это что за обои? — презрительно скривился Крот. — Цветочная клумба, какая-то, на стене сортира.

— Чего тебе не нравится? — усмехнулся Жук. — Наклеил обои — даже править не надо. И так сойдёт! Главное, чтобы народу нравилось. Зачем ему в тонкостях колористики зрением ковыряться? А тут — всё просто и доходчиво...

— Да, — согласился Крот. — Такими картинами дырку на обоях хорошо закрывать. Почти незаметно будет. Остаётся только спросить: «Вам картины на подрамниках поставить или в рамках?»

— Чего уж там! — махнул рукой Жук. — Стоило ожидать ответ: «Несите прямо на бумаге, чтобы не закрывать дыру, а заклеить её!»

Он усмехнулся и добавил:

— Потом будут шарить по стене, в поисках шедевра и спрашивать друг друга: «А где

картина-то?!» И сами себе отвечать: «Где-то среди обоев затерялась!»

Тощий художник, подслушавший их разговор, только засмеялся и рассказал:

— Это что! Тут приходили с куском обоев и искали картину, которая подошла бы под цвет образца. И нашли, таки... До смешного: обои такого цвета, что по определению не могут подойти к «зелёнке», то есть к пейзажу, но, у нас есть один чел, который умудряется продавать всё дерьмо подряд — у него всё подошло!

Чингачгук и Кот, с не меньшим интересом, обсуждали другую картину, на которой был изображён солидный дуб во время грозы. Верхушка дерева оказалась сломана неизвестными силами, а всё полотно перерезала яркая молния, впрочем, выполненная халтурно. Автор явно не владел приёмами живописи, и в итоге, молния не получилась, а вышла полная фигня, покрашенная синей краской. Краем уха, оба ценителя слышали разговор завсегдаев вернисажа, о целесообразности таких рисунков и с удивлением обнаружили, что именно эту картину, часто покупают в подарок начальникам. Последние, видать, настолько соответствуют изобразительному намёку, что даже не догадываются об истинной подоплёке такого подарка.

Чингачгук криво улыбнулся и сказал Коту:

— Как в старом анекдоте: «Дуб ты, Василий Иванович!» «Да, Петька, я — крепкий!»

Кот, тоже усмехнувшись, добавил:

— Молния, вкупе со сломанной башкой дуба, вероятно, тоже несёт дополнительный смысл — начальник не просто недалёкий, но ещё и буян.

— А может быть, и другое — его тоже может настичь кара сверху... Он тут далеко не главный...

В самом дальнем углу вернисажа расположились интеллектуалы данного анклава. Их картины отличались некоторой долей сюрреализма и кто его знает, чем ещё. На одном полотне художник изобразил несколько бетонных плит, положенных одна на другую, вплотную к сломанной берёзе. По его задумке, последнюю плиту, вероятно, рабочие не удержали и она с размаха врезала по дереву. Берёза, в этом месте, переломилась и оказалась лежащей: верхушкой на земле, а остальной частью на брикете панелей. Высокий пенёк остался торчать на месте. Вплотную к нему подступал дуб, разметав корявые ветви во все стороны.

— Ну, это ни в какие ворота не лезет! — возмущённо проворчала Барбариска. — Извращенцы...

— Что «это» и что не лезет? — уточнил Ворон и тут же получил локтем в бок.

На следующей картине был изображён телеграфный столб, опутанный ветвями старого вяза. По столбу, кверху, забиралась виноградная лоза.

— Ну, точно — извращенцы! — в негодовании буркнула Лариска.

— А они утверждают, что «техноты», — возразил Шмель. — Техногенные катастрофы, катаклизмы и разруха, соседствующая с живой природой — всё вместе, воспето в живописной форме.

— Другое они воспевают! — недовольно огрызнулась Барбариска.

— Тебя покупать никто не заставляет, — вмешался Ворон и опять получил локтем в бок.

Обсуждение достоинства полотен техногенных извращенцев стало постепенно уходить в сторону, впрочем, не теряя заданной генеральной линии направленности, а бок Ворона расплывался синевой всё шире и шире. Бегемот прищурился и спросил Чингачгука:

— Помнишь старый фильм, как индеец телеграфный провод перерезал, предварительно привязав к нему шнурок, чтобы место повреждения можно было определить только с подозрительной трубой или залезая на каждый столб?

— Ну?

— Что ну? Чего племя собиралось делать?

— Грабить винный магазин! — не выдержал Чингачгук.

— Ну, это само собой, но сначала — к телеграфисткам. Молчаливые, понимаешь...

— Мотя, ты тоже туда же? — вздохнула Лариса.

— А куда же ещё?

Ворон обратил внимание на вполне безобидного ёжика. Колючий, изображённый на небольшой картинке, нёс на своём колючем горбу несусветное количество съестных припасов: яблоки, баклажаны и прочие дикие пряники русских лесов. Ворон указал Шмелю на фруктово-овощную грядку и на то, что художник не поскупился на дары природы. Шмель устало вздохнул и назидательно произнёс:

— Никогда, в живой природе, ты не увидишь ёжика с яблоками или грибами на спине. В дерьме — пожалуйста!

— Почему? — не понял Ворон.

— Потому что он по нему кувыркался!

— От удовольствия?

— От удара по рёбрам! — возразил Шмель. — Ёжику волки пинков надавали, за то, что колючий шарик съесть нельзя. Сами пострадали, но, против насилия устоять не смогли. Ещё и жалели, о невозможности затолкать ему мухомор в одно место...

— И вы туда же?! — вмешалась Лариска?

— Да нет! Я имел ввиду рот, а не то, что ты подумала. Ёж волкам враг, а не тренажёр...

Наконец-то одному из художников улыбнулась удача и он продал маленькую картинку. Такие обычно называются «пьяными», потому что идут, как правило, на пропой местному контингенту. Сколько таких «Пьяных лошадок» и котов подорвало здоровье творческой интеллигенции, подсчитать не имеется возможным, но, в данном случае, счастливчик был в «завязке». Продажа привлекла внимание определённых кругов и подвигла их на нездоровые подвижки. Один предложил тряхнуть везунчика, но толстый его остепенил:

— Он сейсмоустойчивый...

— Его пить никто не заставляет! — заявила оппозиция.

— Он сам в завязке, а это значит — никому ни капли, из трезвого бюджета!

— Скопидом...

— Ещё он крупную купюру менять не хочет — категорически, — добавил толстый. — Сами знаете — стоит её разменять и от денег не останется следа.

— Да нет! — возразил тощий. — В прошлый раз его в участке сильно поколотили за мелочь: делить-то может быть и удобно, а вот считать... Это грамотного искать, а с ним делиться надо...

Напротив вернисажа расположились палатки торговцев разнообразными шмотками и группа «мордописцев», предлагавших за умеренную плату портреты сомнительной схожести с оригиналом, томящегося на стульчике напротив в ожидании окончания работ. Возле одного лотка с платьями и портками состоялся спор двух супругов, постепенно переходящий в домашний скандал, вынесенный на улицу. Жена кричала о том, что из её гардероба ей нечего надеть. Муж мысленно оценил содержимое шкафа и горячо возразил:

— Тем, что у тебя есть, можно обмундировать женский батальон анархистов!

— Почему анархистов?

— Потому что они будут одеты, кто во что горазд! — раздражённо крикнул муж, резко размахивая руками.

Нервный тик посетил его правый глаз и щеку. У супруги случилось то же самое, только с противоположной стороны.

— Да ты просто денег пожалел на жену! — возопила вторая половина. — Я их от тебя почти не вижу!

— А тебе всегда их мало! — энергично парировал мужик. — Ты только о деньгах и думаешь! Когда зарплату задерживают, от тебя выполнения супружеского долга не дождёшься! Плюну на всё, да уеду на север — влюбляйся с деньгами! Выбирай любого: Вашингтон, Франклин и далее — по списку...

Товарищи не стали дослушивать до конца семейный скандал, а поспешили удалиться. Вскоре они проходили по смешанному базару, который включал в себя все наименования товаров, которые можно вынести из дома и продать: фрукты, овощи и рваные трусы. «Блошинный» рынок мирно соседствовал с цветочными рядами. Казалось, что они даже ассимилировались, один в другом, слившись воедино и, как в старые добрые времена, букет роз не купить без того, чтобы тебе, в качестве нагрузки, не впендюрили рваную резиновую прокладку.

Две дамы бальзаковского возраста совершали покупку цветочных корней и клубней в свои садовые участки. Пользы от цветов никакой, кроме красоты, поэтому некоторые мужья скептически относятся к таким приобретениям, считая их нецелесообразными. Но не все настроены так миролюбиво. Некоторые вторые половины мужского пола, забыв про философию, готовы к решительным враждебным действиям, считая выращивание цветочков на потребу души не просто нецелевыми расходами, а откровенным расточительством.

— Муж меня сегодня убьёт, за потраченные деньги и под мелодию: «Я их не молотом кую!» — заявила одна из дам своей подруге.

Шмель усмехнулся и заявил своим попутчикам:

— Меня тоже иногда достаёт садово — огородное товарищество «Неудачливый мичуринец», причём, у себя дома — на всех подоконниках.

Неожиданно, товарищи вспомнили про Ларису и про то, что давно не слышали её голоса.

— А где Лариска? — спросил Ворон, оглянувшись по сторонам. — Барбариска! Лариса! Карамелька, чтоб тебя! Где эта конфетка? Опять в какое-нибудь дерьмо вляпалась!

Лис скривился в презрительной ухмылке и, несколько презрительно, протянул:

— Лари-и-и-са... Тоже мне — Лара Крофт выискалась.

Пропащая вскоре нашлась рядом с лотками, на которых продавцы разложили всевозможные корнеплоды, оставшиеся от прошлогоднего урожая. Оказавшиеся невостребованными покупателями в начале сезона, они избежали участи гниения и теперь предлагались на продажу, пока не вырос новый урожай. Сами хозяева, видимо, предпочитали голодать, но получить за товар бумажные знаки или зажрались настолько, что доморощенный чёрно-фиолетовый баклажан уже в глотку не лез. Своё предположение высказал Жук, которое могло расставить все точки над «и»: «Они выращены на такой химии...»

— Ты где запропастилась? — спросил Шмель Ларису.

— Высматриваю себе свежие овощи. Снорков ищу...

Все молча переглянулись.

— Какие свежие овощи? — удивился Крот. — В эту пору, кроме редиски, свежего ничего не купишь. Нет ещё: ни моркови, ни кабачков, ни огурцов. Про тыкву и говорить нечего.

— Погоди ты со своим свежаком! — перебил его Ворон и переспросил Барбариску. — Кого ты ищешь?

— Не кого, а чего. Снорк — это сорт баклажанов. Чёрненькие, такие. Коротенькие и пузатенькие.

— Чего только не узнаешь, — усмехнулся Шмель, почёсывая затылок. — Представляю себе разговор двух старушек: «Захожу вчера к Петровне, а у неё полный огород снорков! Все грядки забиты...» «В противогасах, а, Семёновна?»

Лариса, вначале, ничего не ответила, но, подумав немного, сказала, тяжело вздохнув:

— Если авторы, работающие на молодёжную субкультуру, берут названия для своих героев из ботанических атласов — я не виновата.

Бегемот с интересом посмотрел на, предлагаемую торговцем, репу. Разглядывая неестественно огромный дар земли, он с уважением воскликнул:

— Ни хрена себе, репа — шире моей! Интересно, каким азотным удобрением её накачивали?

— Да не азотом, а радионуклидами, — пояснил Кот Моте так, чтобы не услышал торговец, но тот, всё-таки, услышал.

Выпячивая ухо, как радар, продавец ловил каждое слово и даже пытался читать по губам. Конкуренция на рынке предполагает знать всё, не только о товаре соперника по лотку, но и то, что думает о твоём товаре покупатель. Покупатель думал плохо и это огорчало работника рынка. В ответ на нападки, он эмоционально воскликнул:

— Слющай! Какие Ашоты, какие радиоточки? Сам виращивал! Сорт называется «Рюсский размер».

— Кот, покажи ему русский размер, — предложил товарищу Жук.

— Не вздумай, Василий Геннадьевич! — предупредил его Крот. — Примут за бутафорию и растащат на сувениры, предварительно порвав в клочья...

На рынке стоял ор — каждый пытался перекричать соперника. Оставалось удивляться тому, что они с утра пораньше приходили с голосами, полными силы. Как продавцы умудрялись к вечеру не охрипнуть, не мог сказать никто.

Барбариске приглянулась маленькая брошюра, содержащая описание приготовления нехитрых блюд и рецепты солений. Она её приобрела и засовывая в сумку, пояснила:

— Пригодится.

Затем, немного подумав, озвучила избитую поговорку:

— Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

— Да? — удивился Кот. — Тогда мне срочно нужно к хирургу!

— Зачем, — спросил Крот, — язва, что ли, замучила?

— Нет, — Виктор отрицательно помотал головой. — Кажется, что у меня толстая кишка слишком сильно наружу вылезла, причём с другой стороны.

— Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то у Бегемота гарем будет похлеще, чем у арабского шейха, — высказал Ворон вслух свои размышления.

Шмель сделал неопределённую гримасу и спросил его:

— А ты в курсе, что самый большой гарем был вовсе не на аравийском полуострове, а в Индо-Китае? Причём — у предводителя китайских пиратов.

— Да? Не знал...

— Притом — почти по обоюдному согласию.

— Это как? — не понял Ворон.

— Просто, — пояснил Шмель. — Посредниками выступали тигровые акулы, в бассейн с которыми любезно приглашали на ночь строптивых гостей, не желающих по-любовно влиться в дружный коллектив многочисленных жён морского разбойника. К утру, как правило, бабы становились шёлковыми.

По ходу движения попало кафе с идиотским названием «У Ашота». Чингачгук поморщился и сплюнув, сказал:

— Лучше бы назвал забегаловку «У извращенца», а в меню внёс мороженое с вермишелью. Каких я только «У» не видел: «У Петровича», «У Рабиновича», «У...» Порою удивляешься мощному маркетинговому ходу некоторых предпринимателей. Нет, чтобы сесть и придумать толковое название, идут по стандарту. По шаблону, который устоялся в данном анклав, а то и во всей стране.

— Лучше назвать кафе «У старого извращенца», а вместо простых макарон — прокисшие и блинчики с прошлогодним творогом, — возразил Кот. — А насчёт сесть — это кому как не повезёт...

— У меня дома до сих пор электрический чайник в работе, — поведал Шмель домашнюю тайну. — На нём латинскими буквами написано гордое название «Аляска». До сих пор гадаю — что производители этим хотели сказать. Это равнозначно тому, если бы холодильник назвали «Сахара».

Перед Ларисой встала дилемма: или покупать банку мелких маринованных огурчиков, или трёхлитровую банку, в которую еле уместилось полтора могучих огурца, сильно смахивающих на семенные.

— А где компромиссный вариант? — возмущалась Барбариска, мечась между рядами лотков.

Промежуточного, почему-то, не было.

— Сами, поди, сожрали, — пояснил Чингачгук лениво зевнув, не забывая, при этом, прикрыть рот рукой, причём несколько раз подряд — как это делает заправский Виннету во время выкрика боевого клича.

— А как быть с маленькими? — не унималась Лариса. — Они раньше пользовались куда большим авторитетом.

— Так то раньше — во времена тотального дефицита, — возразил Лейб, строя страдальческое лицо. — А сейчас всего полно и люди выбирают продукты по вкусу. На мой взгляд, в маленьких, кроме товарного вида, ничего толкового нет, даже путного хруста.

— Кабачки мариной, — посоветовал Шмель. — Хруст — потрясающий. Упругости позавидует плотная резина.

— А как его в банку затолкать? — поинтересовался Бегемот, вероятно, сам постоянно сталкивающийся с подобной проблемой.

— Да просто! Режется кольцами и запихивается...

Лариса всё-таки нашла огурцы подходящих размеров и купила банку прошлогодних солений. Почти утерявшие пупырышки огурцы, тёмно-зелёные, нисходящие к черноте, они не оставляли сомнений в том, что были закатаны давным-давно.

— Ты не беременна, случаем? — ехидно спросил Ворон.

Барбариска тяжело вздохнула, но ничего не ответила. Она уже устала от постоянных подколок; явных и мнимых подозрений, хоть и понимала, что в обоих случаях товарищам было до фонаря её личная жизнь.

Смотря, как отоваривается подруга и пухнет её сумка, все наконец-то вспомнили, зачем выбрались в город. Пора было самим озаботиться приобретением серьёзной закуски, не полагаясь на одни только консервы.

— Грибочков маринованных на закуску не хочешь приобрести? — спросил Лис Шмель.

— Да ну их! — отмахнулся Шмель. — Под укусным маринадом всё едино: что белые, что маслята, что опята. Разве что опята плотнее и не расползаются по тарелке бесформенной массой.

Жук пожал плечами и прожужжал:

— Ну, что же — опять подтвердилась избитая истина о спорности во вкусах между разными индивидами. Нет абсолютно одинаковых пристрастий.

— Это точно! — подтвердил его выводы Кот. — «У каждого свой вкус, сказал альпинист, отправляясь на Эльбрус и запихивая в рюкзак резиновую куклу из элитного секс-шопа».

— Опять? — устало вздохнула Лариса.

— Что опять? — развёл руками Василий. — Вывод тут в другом — резине солёных огурцов не надо. Кстати, на ней можно через реку переправиться...

— Поплывём с комфортом и с подогревом!

Определить автора жизнерадостного изречения не удалось, так как Барбариска заверещала на весь базар, захлёбываясь от возмущения. Кое-как Ворону удалось её уговорить.

— Насчёт кстати, — оживился Чингачгук. — Я слышал, что в современных гаремах арабских шейхов, помимо плановых затрат на женщин, имеются внеплановые. Короче — предъявленный к оплате счёт включает в себя непредвиденные расходы. Естественно, подручные материалы из секс-шопа не рекламировались в открытую. Одним из пунктов значится «побочные средства», проходящие по ведомости под кодовым названием «Морковь». Иногда более ласково — «Морковка».

Никто никак не отреагировал на этот рассказ.

Понабрав товаров на рынке — кому-что понравилось и несколько отяжелев, друзья стали выбираться поближе к центральной улице. На ней точно должны быть продуктовые магазины — одними огурцами сыт не будешь. Проходя мимо вещевых палаток, они опять наткнулись на спорящих супругов. Пока мадам примеряла новую шмотку, вернулся муж и заявил:

— У нашей машины дворник сломался!

— Ну, ничего. Дождя нет. И без дворника до дома доедем.

— Да не тот дворник, который ветровое стекло протирает, а тот, который улицы метёт. Совершенно перегородил выезд.

На выходе из рынка, на автомобильной стоянке, дворник не выдержал напора трудовой вахты и прикорнул на машине супругов. Положив голову на бампер легкового автомобиля, он сладко причмокивал во сне и храпел, как несмазанный дизель. Перегар изо рта работника метлы травил всё живое в радиусе нескольких метров, а в эпицентре вся живность давно умерла, если не успела вовремя покинуть опасную зону. Хозяева машины не стали

церемониться с дворником, а взяли его за руки — за ноги. Стоило ожидать, что супруги раскачают бедолагу и на счёт три, выбросят подальше в кусты, но, женщине это, видимо, оказалось не под силу. Они оттащили поверженного метельщика в сторону и аккуратно уложили на молодую зелёную травку.

— Сторел на работе, — усмехнулся Ворон.

По пути следования в сторону центральной улицы пришлось миновать старый частный сектор. Домики с приусадебными участками и садами проплывали мимо с занудной регулярностью. Старый, покосившийся и почерневший сарай привлёк всеобщее внимание. На нём белой краской хозяин написал название «Бар».

— Ну, это примитивно! — отозвался на увиденное Крот. — Предлагаю назвать бар — «Старый партизан».

— Почему? — спросил Жук.

— Хозяин сарая накропал вывеску, видимо, после того, как пустил заработанные деньги под откос...

— А может быть и не одну зарплату, — добавил Кот. — Ещё и дам приглашал, поди...

Крот усмехнулся и сделал общий вывод:

— Скорее всего, это не просто эпизод, а действие, имеющее завидную периодичность, подкреплённое стабильностью.

— Статус кво, — подтвердил Шмель.

— Чего?

— Постоянство, говорю. Верность начатому делу.

Асфальтовая периферийная дорога, разбитая ещё в прошлое тысячелетие, постепенно вывела сталкеров к центральной улице старого города.

После походов по магазинам, можно было возвращаться в точку базирования. Пока товарищи ориентировались в незнакомой местности и вспоминали, где находится автобусная остановка, новые знакомые что-то горячо обсуждали. Оказалось, что нелегальное расследование странного строительства охватило чуть ли не весь южный городок и его окрестности. Образовались даже конкурирующие, между собой, группы, а карты, подобие которой раздобыла Барбариска, распространялись с молниеносной скоростью. Их разве что не продавали в киосках. Эпидемия, охватившая местные сталкерские группы уже напоминала ролевые игры, с заранее написанным сценарием. Мастодонту, как раз необходимо было посетить местный Дом Культуры, чтобы поговорить с завклубом. У того были какие-то сведения, касающиеся этого дела.

Пока Федя ждал завклубом, остальным делать было решительно нечего и они побрели по коридорам заведения, глаза на местных носителей культуры. За дверью, помеченной номер семь, раздавалось нерешительное гитарное треньканье. Вслед за этим раздражённый голос учителя грозно произнёс:

— Музыкант инструмент насиловать должен, а ты у него извинение просишь!

Лис вспомнил свою историю, про то, как начинающий музыкант превращает жизнь домочадцев в настоящий кошмар:

— Играла, вроде бы, на скрипке, а получилось — у бабушки на нервах. «Ё- моё! — вопила бабуля, встречаясь с такими же бабками на лавочке возле подъезда. — Сейчас не тридцатьседьмой год!»

Класс бальных танцев сотрясался от музыкального сопровождения, под которое обучающиеся изгибались в конвульсиях, выказывая напоказ свои сексуальные желания. Две

любопытные головы заглянули в приоткрытую дверь.

— Напарник у бабы тощий, — прокомментировал увиденное Бегемот.

— Глиста похотливая, — согласился Кот.

Здание Дома Культуры было довольно старое и относилось к постройкам сталинского периода. Массивные стены и высокие потолки давно требовали ремонта. С них лохмотьями свисала отсыревшая штукатурка и отвалившаяся, от старости, краска. Огромные окна, с пожелтевшими рамами, пропускали достаточно света, чтобы не заботиться о замене перегоревших лампочек, до которых ещё нужно постараться добраться. Шестиметровая стремянка требовала минимум двоих рабочих для переноски, что многократно усложняло задачу: или электрик пьян в стельку, или завхоз, или оба сразу. Подключать посторонних, к такому ответственному заданию, не имело смысла: или музыкант сорвётся вниз со стремянки, или шахматист надорвётся под тяжестью дубовой лестницы. Она тоже была изготовлена при Сталине и в те времена — принципиально не могла подвести, иначе столяр вполне мог отправиться на Соловки, отнюдь, не туристом.

Дальше, проходя по зелёному облезлому коридору, товарищи наткнулись на шахматный клуб без названия. Он разместился в просторном, но пыльном помещении. По всей видимости, шахматисты боялись не только дубовой стремянки, но, опасались и соснового черенка банальной швабры. Никто не хотел надорваться, от непосильного труда, а уборщица уволилась, обидевшись на понижение зарплаты. Сознание электрика и завхоза ещё не приняло сей печальный факт, коснувшийся всех работников местной культуры. Они пребывали в астрале, вызванного приёмом внутрь горячительных напитков. На отсутствие названия шахматного клуба, моментально отреагировал Ворон:

— Непорядок! Если название «Клуб четырёх коней» брендовое, то, придумали бы что-нибудь подходящее, для местной ситуации.

— «Клуб четырёх шашек», — предложил Лис, не подозревая, как он недалёк от истины.

В помещении клуба густо пахло шахматами. Бочонок самодельного вина пользовался повышенной популярностью, отчего у большинства гроссмейстеров мысли путались в головах; становились вязкими и обременительно ненужными. Запах от черешневой настойки тонул сам в себе, заполняя всё жизненное пространство, занимаемое игроками.

— Здесь стояла ладья! — возмущённо воскликнул гроссмейстер местного разлива, обращаясь к своему сопернику по партии.

Вместо туры у него на доске красовалась странная и корявая фигура гнома, замахающаяся мячом для игры в регби.

— Да какая разница! — воскликнул соперник. — У меня вообще, вместо пешек — шашки.

Игра уже приняла смешанный характер. По клетчатому полю носился ферзь, сновали дамки и, при удобном случае, второй шахматист, за один ход, слопал коня, слона и две пешки.

В актёрском отделении стояла тишина, ничем не нарушаемая.

— Уехали на гастроли, — задумчиво сказал Чингачгук. — А жаль! Обучили бы меня играть Деда Мороза на детских утренниках; хоть какая-то приработка к Новому году, а то всегда так: в будни деньги есть, но стоит только подкрасться празднику — не на что отмечать.

Ворон усмехнулся и осадил несостоявшегося актёра:

— Слышь, Лейб, чтобы играть Деда Мороза на детских Новогодних представлениях,

желательно иметь высокий рост и, в некоторой степени, дородность. Неплохо, чтобы и нос был немного картошкой. В таких случаях дети сразу кричат: «Здравствуй дедушка Мороз!» А если ты, со своим клювом, на сцену выползешь, детишки хором громко крикнут: «Шалом!»

Вернулся Мастодонт, таинственно улыбаясь. Затем покачал головой так, как будто стряхивал с ушей лапшу. На все расспросы он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на мелочи внимания.

Напротив Дома Культуры, в местной забегаловке, которую в народе раньше называли «Шайбой», а теперь «Капельницей», назревал скандал. Инициаторы драки сцепились между собой в пьяном поединке и, не ограничиваясь одними кулаками, в ход пошли предметы мебели. Первый же брошенный табурет выбил витрину напрочь, а в след за ним вылетел и бросавший, оставшийся без оружия. Звон разбитого стекла разнёсся далеко по улочкам тихого городка.

— Акробат, — уважительно отозвался Бегемот.

— Ну, тоже мне циркач! — возразил Шмель. — Вот я видел вылет: всем полётам полёт! Тройное сальто без тулупа... На морозе... Над выбитым окном, на скорую руку, поставили кондиционер — водопад, гонящий тепло и отгоняющий холод. Администратор заведения справедливо рассудил, что до утра вставлять окно не имеет смысла — вдруг ещё не закончились боевые упражнения...

Мимо проехал легковой автомобиль отечественного производства с прицепом, в котором стоял импортный биотуалет. Вертикально. То есть, им можно было пользоваться, даже на ходу.

— Любит мужик путешествовать с комфортом, — усмехнулся Ворон.

— Наверное, он его повёз на какое-то мероприятие, — предположил Лис.

На него тут же зашикали, чтобы не портил идиллию, а Чингачгук развил идею путешествия со всеми удобствами:

— А что — деревянный сортир, отечественно-кустарного изготовления, тоже подойдёт. Гадить только на ходу, как в поезде. Там всё на рельсы падает, а здесь будет валиться на асфальт. На стоянке пользоваться — запрещено. Так же, как в поезде.

— Авария может произойти, — возразил Жук. — Подскользнётся, кто-нибудь, как на масле...

Центральная улица старого города жила по своим правилам. Заведённых, раз и навсегда, не существовало. Они постоянно корректировались обстоятельствами, но одно правило, на всю страну, действовало обязательно: на всех центральных улицах всех городов раздавали листовки, доставая туристов и раздражая местных жителей. К Бегемоту целенаправленно намылила ноги уличная давалка рекламных буклетов с вытянутой рукой, в которой была зажата листовка. Поверх куртки, на девице была надета нейлоновая накидка бордового цвета, на которой, с двух сторон, была нанесена надпись: «Шубы от производителя». Бегемот отклонился от предложения и заявил:

— Моя моль сытая и здоровая! Довольная всем. Крылья — во!

Он растопырил руки в стороны, показывая размер размаха крыльев летающего насекомого — вредителя.

— Личинки — во! — показал Мотя средний палец.

Немного подумав, Бегемот сменил его на большой. Затем, критически оценив недостаточный, для сравнения, размер, он проямлил:

— Тонковато будет. И коротковато.

Бегемот медленно опустил руку до ремня брюк, но, остановился в раздумье. Девушка покраснела, сравнившись цветом окраса со своей накидкой.

— Мотя — хорош! — предупредил его Ворон. — Она уже, по интенсивности окраски, скоро начнёт со свёклой соперничать. Или с...

— Давайте без пошлостей! — опять вмешалась раздражённая Барбариска.

— Что я такого сказал?! — взвился Вова. — Я имел ввиду накидку, а ты, Барбариска, сама пошлячка — у самой, только это на уме.

— Чего там шуба, — вмешался в разговор Шмель. — У нас всех мамонтов моль поела, а американцы не верят. Вот реальность — по американским законам охотиться на слонов запрещено. Неважно, что они не водятся на территории Дикого Запада. Соответственно, запрещён и экспорт слоновьей кости, а так как янки не находят разницы между слоном и мамонтом, то и сувениры из бивня мамонта запрещены к ввозу в США. Из этого следует, что на мамонтов охотиться, тоже, запрещено. Один мужик жаловался в интернете: «Изготавливаю курительные трубки на экспорт. Между чубуком и мундштуком ставлю кольцо из кости мамонта. Конкретно — из его бивня. В Америку такие трубки не отправишь — таможня не видит никакой разницы между этими мослами. Приходится заменять бивень мамонта на морту — морёный дуб-топляк.

Ворон усмехнулся и как бы нехотя выдавил из себя:

— Да там семьдесят процентов населения, если не больше, и не знает, что это за звери такие.

— В курсе дела процентов пять, от общего числа живущих, и то, из когорты научной братии, — согласился Шмель. — Остальные девяносто пять верят, что мамонты живы до сих пор и их нещадно истребляют на просторах Сибири. Браконьерством занимается русский мужик, под треньканье балалайки.

Лис призадумался и спросил:

— Интересно, а где этот мастер бивни мамонта добыл?

— В Сибири, видимо, с этим проблем нет, — ответил Шмель. — Я даже не в контексте, насчёт юридической подоплёки таких находок. Можно их присваивать или нет? И что за это будет. Но если мастер так открыто вещает об этом на своём сайте, не опасаясь компетентных органов... Не знаю — не знаю...

Жёлтое солнце уже клонилось к закату и пора было возвращаться на базу. По пути на автостанцию попался универмаг «Фантастика». Сколько таких «фантастик» на просторах бывших союзных республик? Вдалеке, за магазином, располагался небольшой химический завод. Из-за корпуса универмага, нисходящего к внушительному «Сельпо», была видна только труба производственных площадей, которая нещадно дымила. Создавалось впечатление, что все корпуса завода вносили свою лепту в задымление атмосферы. Предприятие не просто загрязняло окружающую среду, а делала это воистину фантастически: в клубах дымящихся выбросов присутствовали все цвета радуги одновременно и несомненно, вся таблица Менделеева. Перед входом в универмаг стояла, довольно высокая, искусственная ель, с которой даже не удосужились снять новогодние игрушки.

— Фантастика! — воскликнул Крот.

— Без тебя видим — не слепые, — буркнул Жук, косясь на разноцветную феерию.

— Я про трубу.

— Понятно, что не про магазин, — ответил за Жука Чингачгук.

Охранник, стоящий у входа в магазин, навопрос о том, почему праздник до сих пор продолжается и какого хрена не сняли с ёлки украшения, ответил просто: «А на хрена? Скоро будет следующий Новый год — опять ёлку наряжай, а это напрягает. Все подобные телодвижения оплаты требуют!»

— Логично, — согласился Ворон, скорчив равнодушную мину.

Сталкеры вернулись к лежбищу уже тогда, когда солнце почти скрылось за горизонтом. Суп давно остыл и его пришлось подогреть. Народ опять разделился на два противоположных лагеря, но, в конце концов пришёл к компромиссу: кому нужен питательный бульон — пусть ждёт, а кому не нужен — могут приступать к вечерней трапезе.

Красные отблески языков пламени освещали уставшие лица и сон потихоньку стал одолевать одного туриста за другим, пока на поляне не осталось бодрствующих индивидов.

* * *

Снилось Бегемоту, что ему на дом принесли роскошную шубу и предложили её купить. Мотя отнекивался, мотивируя отказ тем, что хотел свозить жену к Средиземному морю на отдых и денег на всё не хватит. Постепенно он сдался под напором торговца, согласившись с доводом последнего о том, что моли тоже что-то жрать надо. «Шуба подождёт! — хором закричала моль, высовываясь из шкафа. — Пусть сначала посмотрит мир вместе с женой, попутешествует, поголодает; глядишь и нас поймёт. Шуба подождёт! Мы, пока, старые валенки доедим...» В пронзительной синеве неба летела стая моли, построенная стройным и тяжёлым свинцово-серебристым клином. В поисках резервного пропитания косяк устремился на юг, в лучшие места проживания, где, по слухам, кормовая база была лучше, так как про шубы в шкафах южный народ частенько забывает и забивает на них. В теплом климате это голая показуха: ходят по набережным в меховых изделиях, обливаясь потом и даже не застёгивая их на пуговицы — на распашку. Главное — продемонстрировать, что и мы не лыком шиты... Трофейное звено моли уносило недоеденную шубу и валенки...

Дальше пошёл сон про тополя и туалете, причудливо смешавшиеся в сознании сюрреалистическими образами. Крашенные белой известью деревянные сортиры, стоящие вдоль дороги нестройными покосившимися рядами, напоминали тополя с крашенными, всё той же известью, стволами у основания. «При чём тут тополя?» — в недоумении размышлял Мотя, даже во сне не могущий отогнать от себя подобные мысли. При чём тут сортиры, его почему-то не беспокоило...

* * *

Коту снился сон про то, как он выступал в роли любовника — неудачника. Неожиданно нагрянувший муж заставил спрятаться его в шкафу. Внутри повсюду висели, поеденный молью, шубы, брюки и шерстяные пиджаки. Из-за этого видимость, и без того почти нулевая, ещё более ухудшалась и Василия посетил приступ клаустрофобии. Нестираные носки, которые хозяин квартиры складировал тут же, помимо боязни замкнутого пространства, вносили нестерпимый аромат в атмосферу и панику в душу. Кот не хотел быть

отравленным за здорово живёшь: за чью-то жинку, которую он видит первый раз в жизни и Вася заметался в импровизированном карцере. Мятущийся в шкафу любовник тщетно искал выход. Пьяный, он и со светом мог ориентироваться только в радиусе полуметра, да и то — на ощупь.

— Что там в шкафу стучит? — спросил муж жену, не переставая давиться подгорелыми котлетами.

— Да моль, наверное, об стенки бьётся.

— А чего котлеты сожгла? Уснула, что ли?

— Уснула...

Глава четвёртая

Призрак индейской Луны

Уставшие люди за ночь хорошо выспались и поэтому, настроение с утра было приподнятым. За завтраком, проанализировав обстановку, выработали план дальнейших действий на ближайшее время и стали готовиться в путь. Барбариска заметила на ногах Чингачгука настоящие индейские мокасины, сшитые из шкуры лося. Как раз из того места задней ноги животного, которая резко сгибается, образуя удобную пазуху для помещения туда пятки аборигена Дикого Запада. Спереди, со стороны пальцев, мокасины Чингачгука были прошиты полоской кожи, которая теперь образовывала ранты обуви. То ли Лейб поленился, то ли бисера не хватило, но иглы дикобраза отсутствовали, в результате чего, украшены мокасины были бедновато.

— Ты где себе такие черевички отхватил? — спросил его Шмель, с любопытством разглядывая индейскую национальную обувь.

Чингачгук, принявший с утра на грудь, был в ударе и его рассказ без слов о том, почему бледнолицый брат сменил свою обувь на индейские мокасины, оказался достойным кинематографа. В лучших традициях аборигенов Дикого Запада он молча демонстрировал ихние национальные танцы, частично смешав со своим национальным достоянием. Бесновался, прыгал, как гиббон, чтобы в итоге все поняли — это мягко, практично, удобно.

— Похож! — согласно кивнул головой Ворон.

— Танцем? — спросил Лис.

— Клювом...

Новые знакомые, не без интереса, просмотрели безмолвный танец и наверняка усомнились в том, что они правильно попали в компанию нужных людей, а не в руки маньяков.

Внезапно, небо заволочло чёрной тучей и, едва начавшийся день, стал стремительно превращаться в ночь. Непроглядная мгла накрыла стоянку современных кочевников и на землю рухнул проливной дождь. Палатки к этому времени оказались свёрнутыми и убранными в рюкзаки, так что деваться было некуда. Аномальный ливень закончился так же внезапно, как и начался, но, все оказались промокшими до нитки. Слова про мать и прочих представителей русского фольклора, присутствующих в национальном нецензурном сленге, ещё долго оглашали поляну и ближайшие окрестности. Возгласы, полные негодования, перекликались со стенаниями и жалобным повизгиванием Барбариски, разом лишившейся сухой одежды. Пришлось по-новой разводить костёр, чтобы мало-мальски просушиться над огнём. Дрова намокли только сверху и вскоре языки пламени удаляли избыток влаги из разноцветных шмоток.

— Мотя! — крикнул Лис. — Для сушки вонючих носков разведи другой костёр.

— Да-да! — подтвердил Кот. — И желательно, как можно дальше от лагеря.

— Я их чистыми надевал! — возмутился Бегемот. — Когда из дома уходил...

Наиболее предусмотрительные граждане уже давно достали из рюкзаков сменные комплекты нижнего белья, благоразумно захваченные про запас.

Пока сохло верхнее бельё, товарищи продолжили банкет, мотивируя свои действия просто — из чисто профилактических соображений: долой сырость снаружи, сухость во рту и нет простуде.

Лариска ушла переодеваться в кусты и наши герои не замедлили достать фотоаппаратуру — каждый свою. Нет, они не пошли за ней партизанить. Барбариску совершенно не было видно, но, наших людей это не смутило. Они и не собирались подсматривать за голой бабой, а просто нацелили объективы в предполагаемое место нахождения Карамельки. Защёлкали затворы и заработали вспышки, как молнии освещающая растительность, за которой переодевалась Лариса. Десятки ярких вспышек за секунду. И так, довольно продолжительное время...

Барбариска выскочила из кустов, как ошпаренная. Раскрасневшаяся, напоминающая сваренную свёклу, она с гневным выражением лица, в первую очередь набросилась на Ворона. Разъярённая фурия готова была порвать смеющуюся жертву на куски, пока тот не показал ей совершенно безобидные снимки, на которых, кроме кустов, ничего криминального не было. Постепенно Барбариска остыла. Успокоившись, она только сейчас оценила циничную шутку, к которой прибегли её товарищи.

После дождя настолько сильно пахло озоном, что Лис боялся прикуривать. Как технарь, он был прекрасно осведомлён о свойствах этого газа и то, что озон является мощным окислителем. Он давал себе отчёт о закравшемся в его голову бреде, но ничего с собой поделывать не мог. Взрыв от зажжённой спички, при поддержке озона после грозы, равносителен цепной реакции атомов кварцевого песка в пустыне Невада. Костя вдруг вспомнил, как американцев волновал этот вопрос и они на полном серьёзе его рассматривали, при первом испытании атомной бомбы. «Как приятно дышать, — не покидала мысль. — А газик то в больших концентрациях ядовитый... Парадокс — но факт».

Караваны Сахары уходят в пески пустыни, караваны кораблей теряются в безбрежных водах океана, а цепочка людей с рюкзаками скрылась в ближайшем перелеске. Солнце перевалило за точку зенита. После просушки прошло значительно времени и стоило поторапливаться, чтобы затемно вплотную подойти к периметру объекта. Синева неба вносила успокоение; катаклизмов, на ближайшее время, не предвиделось и сталкеры бодрым шагом сокращали расстояние до стройки. Витя Терминатор со своими товарищами вели группу туристов проверенным, не раз хоженным, маршрутом.

По пути следования встретилась довольно приличная станица. Там, судя по шумным крикам, всем населением кого-то били. Или ловили вора. Оказалось — полным ходом шёл второй день свадьбы. И Терминатор, и Диплодок, и Мастодронт, и Лектор — были хорошо известными людьми в этой станице. Здесь они не раз поднимали экономику отдельно взятого поселения, покупая продукты и горилку. Маленький магазин, стоящий посередине этого поселения, имел амбарную книгу, в которой должниками числились все, без исключения, жители, получавшие товары в долг. Нашим героям, продавщица сама была должна.

Встреча старых знакомых была тёплой, если не сказать больше. Вначале, кумовья насильно предложили пришедшим выпить за здоровье молодых, потом за здоровье родителей. Следом последовали тосты за будущий урожай и ближе к концу, не придумали ничего умнее, чем выпить за удачный урожай прошлого сезона. Между тем, молодёжь развлекалась по раз и навсегда заведённым правилам: покупала торт, тамада устраивал конкурсы и настал психологический момент мести полы — у кого из молодых супругов скопится больше монет, тот и хозяин в доме. Молодожёнам со всех сторон сыпалась мелочь. Оба усердно махали вениками, сгребая её в свои кучи и стараясь переусердствовать, один другого. Монеты редко превышали достоинство одного рубля, но приглашённой бабушке из

глухого отдалённого хутора и этого показалось много. Не выдержав, по её мнению, напора роскоши, она сбегала на улицу и принесла горсть родной земли. Размахнувшись изо-всех сил, старушка запустила её в центр событий, попав в жениха.

— Давай ещё пару раз, — равнодушно прокомментировал действие тесть.

Высказывание пропустили мимо ушей, а отцу невесты налили штрафной стакан, чтобы он циничными репликами не сравнивал свадебный ритуал с кладбищенским, а спал спокойным сном. Но, не тут-то было. В молодости он усиленно тренировался с гранёной шпангой и сколько было толчков за его жизнь, не мог сказать никто, даже сам тесть. Навыки не растерялись и можно пропить всё, но мастерство — никогда. Да и тренировки не прошли даром. К себе в напарники он выбрал Мастодонта, как старого знакомого и все пришедшие, без исключения, поняли, что до утра, продолжить путь — не получится.

— Лучше бы обогнули эту станицу по параболе, — мрачно сказал Ворон Шмелю, делясь с ним невесёлыми мыслями.

— Да уж — пожалуй...

Отец невесты с Мастодонтом снова выпили за здоровье молодожёнов, да столько, что еле держались на ногах. Шмель оценил героический поступок сладкой парочки и сказал Ворону:

— В отличие от вновь возникшей семьи, в которой, время от времени, всё-равно будут возникать разногласия и взаимные претензии, у наших героев, к продукту горения, навсегда останется стабильная любовь и неувядающее влечение.

— Семья, — хмуро отозвался Ворон. — Когда хочешь ты — это насилие, а когда хочет баба — это любовь...

Для чего он это сказал, собеседник так и не понял, но усвоил, что это из личных, Ворона, переживаний.

Лужа, оставшаяся от прошедшего дождя, занимала пол-улицы. Куда понесло тестя с Мастодонтом — неизвестно. На столе всего навалом, поэтому мысль о том, что они отправились за добавкой, имела под собой нелепое обоснование, хотя, нашим людям спиртного всегда мало. Умом пьяного не понять — надо быть в таком же состоянии. Не исключено, что они отправились в магазин или в закрома отца невесты. При попытке обогнуть зеркало искусственного водоёма, оно показалось обоим слишком широким, чтобы идти в обход. Тесть принял решение форсировать водную преграду вброд, а Мастодонт переоценив свои силы, попытался лужу перепрыгнуть. В неё он упал так, как ныряет пловец с тумбы в бассейн. Создалось впечатление, что человек-невидимка молча влупил ему пинка, без всякого напутствия, а так — из чисто наилучших хулиганских побуждений. Дикий вой новоявленного «Ихтиандра», барахтающегося в луже, огласил улицы гуляющей станицы. Подбежавший Бегемот подбадривал пловца: «Руками активнее работаем! Дыхание держим!» «Чего он там делает?» — удивлённо спросил один из гостей. «ГТО сдаёт!» Федя держался за руку, а мгновенно собравшийся консилиум врачей-самоучек констатировал возможный перелом конечности. Чтобы не гадать на кофейной гуще, наиболее трезвые члены экипажа повели его в местную клинику, располагавшуюся неподалёку, которая оказалась пустой. «Все ушли на свадьбу!» — гласила короткая записка на двери. Пришлось Ворону возвращаться назад. Там, на его призыв отозвался фельдшер. «Местный травмпункт при сельской клинике, — подумал Вова. — Без стакана, тут уже не разберёшься, кто при ком находится. Всё в одном здании и фельдшер один, которого взяли прямо со свадьбы. Могли бы никуда и не ходить!» Врач, гулявший тут же и на той же самой свадьбе и которого взяли в

помощь фельдшеру, без всякого рентгена констатировал ушиб руки. После перевязки, он посоветовал Мастодонту сделать весьма эффективную примочку, обписав бинт ушибленной культи собственной мочой.

Шмель оценивающе оглядел помещение и спьяну заявил:

— Док, отсыпь гипса с пару кило.

— А чем я больных, с повреждёнными конечностями, гипсовать буду?

— В асфальт закатаешь! — засмеялся проситель, но всё же отказался от идеи разжиться порошком, который он намеревался пустить на разнообразные формы.

Пьяный снаружи, Шмель трезво оценил умом возможное приобретение и согласился сам с собой, что таскать на спине лишний вес, не самая удачная идея.

Мимо клиники прошли мама с дочкой. Последняя поглядела на дверь и вспомнила существенную деталь:

— Мама, пятнадцатого числа нам будут делать две прививки: от «Краснухи» и ещё от чего-то, не помню от чего...

— По логике вещей, вторая должна быть от «Водяры», — засмеялся Ворон и потащил шатающегося Мастодонта на продолжение банкета.

Это было не самым разумным решением, но что делать дальше, Вове в голову ничего не приходило.

Сквозь пелену винных паров, Лис с удивлением разглядывал туфовый блок в каменной ограде приусадебного хозяйства. Он был весь испещрён непонятными символами. Некоторые, из них, в темноте светились зелёным светом. По всему было видно, что этим блоком заменили старый. Это легко определялось по разнице в цвете и по осколкам прежнего камня, валявшихся тут же. По всей видимости, пьяный тракторист, не справившись с управлением и не найдя подходящего обрыва, с которого можно сигануть в реку, вместе с трактором, поломал забор односельчанину.

С утра головы трещали и гудели, как церковные колокола. Вяло опохмелившись и слабо закусив, стали собираться в путь, справедливо рассудив, что в дороге, под тяжёлыми рюкзаками, остатки хмеля сами выветрятся. Трудотерапия — самое лучшее средство, желательно совместно с парилкой, но от бани исходил космический холод, а времени на её растопку просто не оставалось. Иначе здесь вполне можно было обосноваться надолго и даже жениться по-новой.

Спешно покинув стонущее поселение, товарищи держали путь в сторону стройки. Терминатор помог Мастодонту снять наложенную повязку, которая нещадно воняла. Вчера, повинаясь благостному порыву и рекомендации доктора, её окропили все, кому не лень. Лариска еле успела покинуть место лечения, чтобы не видеть этого безобразия, хоть её и пытались удержать. Барбариску даже склоняли к участию в лечении недавно обрётённого друга... Рука у Феди была синей, но, всё-таки, вполне дееспособной. Многочисленные гематомы говорили о несовершенстве дорожного покрытия в сельской местности, имевшего множество мелких камней, скрытых предательской лужей. Гена Лектор критически оглядел конечность своего товарища и с сожалением сказал:

— Надо было навестить эскулапа напоследок. В клинике...

— Диплодок сморщился, как урюк под южным солнцем и сплюнув, возразил:

— Чего его в больнице навещать?! Я с ним на прощание выпил на брудершафт. Всё там же — на свадьбе...

— Хорошо начали! — развёл руки в стороны Терминатор, давая понять, что нет слов. —

Хочу всем напомнить, что мы сюда не за этим приехали! Напиться я и дома могу... И с большим успехом...

Лектор подхватил идею и до конца привала все прослушали избитые истины: и о вреде алкоголизма для личного здоровья, и о потере собственного лица и далее — в том же духе.

Синее небо не предвещало никаких катаклизмов, но, все по очереди поднимали головы вверх, опасаясь повторения неожиданной перемены погоды. Ни туч, ни облаков — не было. Солнце, поднимаясь к зениту, припекало и товарищи предпочитали передвигаться перелесками, под сенью деревьев. Тени становились короче, а воздух горячее.

— Привал! — скомандовал Лёша Диплодок, который устал от бесконечной болтовни Гены Лектора. — Во-первых, он мне все уши прожужжал, а во-вторых, идти ещё примерно столько же. Необходимо отдохнуть, да и вчерашние похождения дают о себе знать.

— Намёк понял, — обречённо отозвался Ворон, скидывая рюкзак на траву и доставая из него ядовитое лекарство.

Крот с Жуком было отправились на поиски дров, но их самоотверженный героический пыл, Лис остудил банальной фразой:

— Мы здесь на полчаса — не больше. Какой смысл разводить костёр?

Солнце припекало, изумрудная зелень радовала глаз, а людей на поляне охватила эйфория, после принятия лекарства. Идти уже, решительно, никуда не хотелось. Голубизна неба у горизонта, ближе к зениту, переходила в пронзительную синь. По ней ветер подгонял невесомые кучерявые облака, лишённые бранных забот. Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего... Газообразным субстанциям всё едино — они находятся вне времени и пространства, хоть физически и пребывают в нашем измерении. наших героев, из трёх перечисленных временных критериев, интересовало только последнее и может быть, частично — настоящее. Так как оно меняется каждое мгновение, не стоя на одном месте, как Ларискино настроение, то и внимания на него не обращал никто. Пусть идёт, как идёт, а там видно будет...

Рано или поздно, всё кончается. Так и отдых подошёл к своему концу. Хочешь — не хочешь, а идти было просто необходимо, чтобы достойно подготовить подходящую стоянку к ночлегу: поближе к объекту, но, подальше от его охраны.

Перелески, сменяемые возделываемыми полями, сменялись на луга, пока не показалась небольшая речка, к которой и вёл сталкеров Мастодронт. Стройка виднелась вдалеке и выглядела настолько же нелепо, как небоскрёб посередине пустыни. Никаких подвижек в бинокль обнаружить не удалось и Федя пояснил:

— Рабочие со стройки давно разбежались. Остались одни военные, силой приказа продолжающие охранять объект.

Оказалось, так же, что вокруг строительства, взрослые дядьки давным-давно играют в войну, размахивая страйкбольным оружием. Известно, что оно, один в один, копирует реальные образцы пистолетов, пулемётов и винтовок, поэтому, майору тоже, давным-давно, хотелось подменить игрокам игрушечный пулемёт на настоящий. После трагического случая, игрушечных военных наверняка бы разогнали, к такой-то матери... Кучи привозного песка, вокруг возводимого здания, в купе с лабиринтом фундамента, создавали идеальные условия для подобных игр. Военные ютились только на входе одной единственной двери и, по умолчанию, как бы вовсе не существовали. Поэтому, они постоянно прятались за ней. Частенько, в город отправлялся гонец, перемещающийся по стройке, как партизан, который готовится взорвать недостроенное здание. Огромный рюкзак на спине говорил о многом, а в

частности — о цели солдатского похода. Военный, как правило, скрывался в направлении автобусной остановки. Места в рюкзаке, несмотря на его внушительные размеры, для закуски почти не оставалось. Всё свободное пространство от бутылок забивалось конфетами, пряниками и огурцами. Частенько, военных видели вдвоём, а то и втроём, чтобы было кому нести провиант. Тушёнка, видимо, надоедала охране. К тому же, свежего хлеба, нет-нет, да и захочется...

Лагерем разместились тут же — у маленькой речки. Снасти были безнадежно запутаны и оставлены ещё на предыдущем месте рыбалки, поэтому, Шмель даже не помышлял о подобного рода развлечениях. Костёр трещал сухими дровами. Жуку с Кротом, наконец-то, дали возможность совершить свой подвиг, по снабжению лагеря топливом. Остальные молча осваивались на незнакомой территории. Барбариска вызвалась приготовить ужин, памятуя о том, какую бурду сварил Терминатор на прошлой стоянке. Она громыхала котелками и кастрюлями, которые прихватил едва ли не каждый и теперь, едва ли не каждый мечтал от них избавиться. К чему столько? Так что экспедиция рисковала остаться совсем без посуды... От костра к походному ведру тянулись красные языки пламени, а по зелёной лужайке расплзался сизый дым. Запахло кухней, но, Ворон никак не мог идентифицировать запах, применив его к какому-либо блюду. У него сложилось впечатление, что пахло всеми кухнями мира сразу. «Ладно, хоть, не дерьмом», — посетила его голову утешительная мысль.

К вечеру вернулись Кот с Чингачгуком, ходившие на разведку под предводительством Терминатора. Всё оказалось банальным настолько, что изначально теряло всякий смысл похода в это место. Военные забаррикадировались в проходе наглухо. Вокруг них, несколько не смущаясь подобным соседством, бегали великовозрастные дядьки в камуфляжных костюмах, купленных в магазине «Военная форма стран НАТО». Противоборствующая сторона экипировалась в лабазе «Каптёрка». В руках противники тискали страйкбольное оружие и играли в войну, по заранее написанным сценариям. Силиконовые шарики, из этих автоматов, свистели у висков «ролевиков» и терялись среди жёлтого песка стройки, обогащая фабрикантов, работающих на эту индустрию развлечений. Потерянный боезапас надо, время от времени, пополнять. Так же и пружины не вечны... И прочие запчасти... Часто, между игроками, создавались ситуации, когда стычки перерастали в ближние бои и две противоборствующие стороны сталкивались в рукопашной схватке. Игроки в натовской форме чаще ходили с фонарями под глазом, так как противная сторона, видя вражеское обмундирование, забывало про всё на свете и яростно вступало в настоящий бой. Противники терялись, видя нашу форму на сопернике и ничего не могли поделать — воля к битве пропадала. Идеиная мотивация не та...

На поляну опустилась темнота, отгоняемая отблесками костра. Разговор не клеился и Мастодронт достал из кармана карту. Это была схема переходов лабиринта штольни, находящейся неподалёку. В отличии от Ларискиного, его полиграфический шедевр отличался свежестью: лист белый, а не коричневый; края не успели обтрепаться, а места сгибов протереться до дыр.

— Что это? — поинтересовался Ворон, под пристальные взгляды остальных участников экспедиции.

— Старая заброшенная штольня, — лениво ответил Фёдор. — По ней, как мне сказали по секрету, можно обойти военный пост.

— А я в неё пролезу? — забеспокоился Бегемот.

— Ты? — усмехнувшись, уточнил Мастодронт и не дожидаясь ответа, уточнил детали. —

В неё мамонт просвистит — без задёва! Раньше здесь, как и в сева­сто­польских катакомбах, добывали туф для местного строительства. Судя по размерам выработки, указанных на карте, строительный материал, явно, куда-то увозили, потому что добывали его в таком количестве, в котором не нуждался местный домострой. Возможно, шахту разра­ба­ты­ва­ли с какими-то другими целями. Кое-кто связывает эти интересы непосредственно с охраняемым, теперь, объектом.

Мастодонт, понизив голос до шёпота, рассказал собеседникам о штольне и мистике, которая присутствует в её лабиринте:

— Таинственного хватает не только в сева­сто­польских катакомбах: и революция, и Гражданская, и Отечественная войны, коснулись этих мест, не только краем — это была самая активная зона проведения военных действий всех трёх кампаний. Многие из диггеров, углубляющихся в лабиринт переходов, встречались с призраками. Верить, подобным сведениям или нет, личное дело каждого, но, как-то неуютно себя чувствуешь, после таких рассказов.

Ночь опустилась на стоянку сталкеров, которыми предстояло стать новоявленными диггерами, хоть первые и не различают разницы между обоими движениями. Если диггеры обследуют, в основном, только пещеры и подземные ходы, совместно с коммуникациями, то сталкеры не брезгают ничем. По роду своей деятельности, последние суют свои носы во все щели, если это сулит, хоть какую-нибудь выгоду и, как правило, не всегда материальную.

На небе, в полную силу сияла Луна, отражая лучи скрывшегося за горизонтом солнца. Костёр уже догорел и вяло тлел, пуская синий дымок перед тем, как совсем потухнуть. Вставать и подбрасывать дрова в огонь желания ни у кого не возникало и постепенно, сон сморил участников экспедиции.

* * *

В эту ночь Чингачгуку снился сон про то, как он променял свои мокасины на огромные, несуразно сплетённые белые лапти, подёрнутые желтизной. Изделие русских мастеров было красиво украшено иглами дикобраза и бисером, которые не свойственны национальной культуре средней полосы России. Те места, на которые не хватило украшений, были заляпаны гуашевой краской. Мастер отдал предпочтение красной и синей. Жёлтую с успехом заменял естественный цвет лыка. Лейб скептически осмотрел приобретение и осознал, что к этой обуви чего-то не хватает, пока не понял, чего именно. Не хватало индейских штанов с бахромой по краям и, как онучи, перевязанных верёвкой. Под полной луной, в лаптях на босу ногу, Чингачгук отплясывал замысловатые индейские танцы...

* * *

Утро выдалось туманным и прохладным. Штольня находилась в значительном удалении от стройки, но, торопиться смысла не было, так как в лабиринте всё-равно темно. Мастодонт поднапрягся и сделал предположение, что возможно, в штольне есть освещение, хотя бы в её начальной части. В ней постоянно крутилось много народа: кто отправлял породу дальше — по назначению, кто ремонтировал подъездные пути, ну, и так далее. Откуда изначально

поступало электричество, было неизвестно. Терминатор, как и Мастоdont, так же, находился в неведении. Лектор с Диплодоком, тоже не могли внести ясности в данное дело. Ворон сплюнул и сделал важный вывод — разберёмся на месте.

Рывкнув хором, сталкеры синхронно поднялись со своих мест, сгибаясь под тяжестью поклажи. Вытянувшись в длинную стонущую вереницу, толпа потянулась в сторону штольни. Пыльная просёлочная дорога петляла между зелёными прибрежными лугами, сворачивая в перелесок. Прямо перед подъёмом в гору, возникла небольшая заминка. Толпа парнокопытных, в простонародье именуемое стадом и образующее коровье поголовье данного анклава, неспешно пересекало путь сталкеров, позвякивая колокольчиками. Прочие регалии, в виде хомутов, сёдел и упряжи, естественно, отсутствовали, но у Бегемота в голове застрял именно этот факт и возник вопрос: «Почему? В Азии на волах и прочих родственниках коров землю пахут; запрягают в арбу, а в Малороссии — в бричку. Такая тяговая сила пропадает!» Пыль за стадом клубилась, стадо ревело, а Бегемот пристально вглядывался в коровьи морды.

— Мотя — очнись! — раздался голос Ворона. — Чего ты на них вылупился? Они, от твоего всепроникающего взгляда, доиться перестанут.

Жук с Кротом переглянулись, и первый сделал предположение, насчёт несанкционированной ревизии Бегемотом коровьего поголовья:

— Мотя, наверное, себе бурёнку на шашлык подбирает.

— Подругу он себе подбирает! — эмоционально возразил Кот.

Ворон, повинувшись всеобщему порыву, хлопнул Барбариску по заду и получил в ответ затрещину. От громкого шлепка все вздрогнули и, после того, как стадо миновало дорогу, сталкеры скрылись в перелеске.

Вход в штольню, как и следовало ожидать, оказался классическим: почерневшие стропила, проржавевшая дверь, еле держащаяся на несмазанных петлях и темнота внутри. Рельсовый путь протянулся на несколько метров от входа в поле и тоже, новизной глаз не баловал. Внутри рядами стояли вагонетки нашего времени, что говорило о том, что штольню эксплуатировали до самого последнего момента. Причину, по которой её забросили, стоило искать в глубинах лабиринта, а может быть и в самом строительстве. Были и другие предположения, насчёт современных материалов, обрушившихся на строителей с падением железного занавеса, но, с мистической подоплёкой, к которой относили катакомбы, эта версия не вязалась.

Петли на входной двери смазывать не стали, а смазали себя — за успех предприятия.

Уже у самого входа, на стенах штольни стали появляться пометки.

— Что это за иероглифы? — спросил Ворон.

— Это, можно сказать, «столбы-указатели», — пояснил Терминатор.

— Расшифровка таинственных знаков имеется в карте, — добавил Мастоdont и тут же предупредил дальнейшие пояснения Лектора: — А ты помалкивай. Без твоей болтовни тошно.

Лис внимательно осмотрел художественное творение местных сталкеров, стоящее в ряду, между иероглифами и петроглифами, а так же, нисходящее в область клинописи и задумчиво сказал:

— Как только военные не догадались их исправить?

— Они сюда, поди, и не спускаются, — предположил Шмель.

— А может быть — догадались и исправили? — не согласился Крот и сам скис от этой

мысли. — Как отличить рисунки, сделанные из хулиганских побуждений от указателей?

— Не вноси панику, — мрачно одёрнул его Жук. — В этом случае, мы рискуем затеряться здесь навсегда...

— Не всё так мрачно, — успокоил всех Мастодронт. — Всё, действительно, просто.

Он достал из кармана ультрафиолетовый сканер и прошёлся синей полоской по нанесённому, на стену, изображению.

— Рисунки делались специальной краской, — пояснил Фёдор. — Позднейшие наслоения обычной, в сканере не просвечиваются.

— Военные об этом ещё не догадались? — спросил Лис.

Мастодронт усмехнулся и ответил:

— По-моему, военные здесь не при чём. Это дело рук самих туристов. Ходили слухи: и о чёрном диггере, и о чёрном сталкере, но, на мой взгляд, это не более чем брехня.

— Друг другу гадят? — удивился Ворон.

— Чего тебя удивляет? — оживился Лектор, у которого взыграла душа поэта, не перенёсшая молчания и требующая разговора. — Непонятная конкуренция охватила все группы, время от времени, посещающие эти места.

Он было хотел ещё что-то добавить, но Диплодок жестом руки предотвратил его дальнейшие разглагольствования.

— Радиоактивными изотопами не пробовали стены метить? — в шутку спросил Жук Мастодронта.

За него ответил Терминатор, лениво ковыряясь пальцем в носу:

— Хрен его знает, насчёт изотопов, а вот фосфорные, некоторые группы сталкеров, наносят. На них, правда, фонариком нужно, довольно долго, светить. Зато потом, в темноте, они уже сами светятся, отдавая полученную энергию.

— Насчёт радиоактивных красок, ты это — того, — перебил Витю Лектор.

— Чего — того?

— Один рисунок, нанесённый такой краской, был найден на стенах катакомб. Причём — случайно. Этот краситель, в отличие от фосфора, который нужно облучать светом, для его последующего свечения, сам облучает всё живое и постоянно светится в темноте. Филька Чокнутый, после подобной находки, не обратил внимания на этот факт и присел на перекур. Он прислонился спиной к этому рисунку. Потом у него ещё долго светился, красным ожогом, на голой спине странный иероглиф «ЙУХ».

— Да, — удовлетворённо покачал головой Мастодронт. — Сразу видно, что писали мастера своего дела; знатоки и ценители прежней культуры.

— Можно сказать — хранители старых традиций, — добавил Лектор.

Вернулся Терминатор из ближней разведки и сталкеры, предварительно проверив фонари, шагнули в темноту лабиринта.

Глава пятая

Политика, привидение и партизанское движение

Углубившись во мрак переходов штольни, товарищи с интересом рассматривали современную настенную роспись. Казалось, что диггеры всех мастей устроили здесь форум, соревнуясь в изобретательности начертания таинственных знаков. Мастодронт, с помощью ультрафиолетового сканера безошибочно находил нужный рисунок, но иногда, даже он останавливался в растерянности. Фёдору оставалось только радоваться тому, что у него в карте имелись сноски на возможные дополнительные и фальшивые иероглифы, могущие иметь место рядом с истинными. На перекрестье всех путей и вовсе можно было опустить руки. Задачи, приходящих сюда людей, порой были диаметрально противоположны. Мимоходом промелькнуло до боли знакомое слово из трёх букв, но никого не удивило, а даже наоборот — успокоило. Жизнеутверждающие символы, на стенах, не упоминаются от отчаянья. Разве что вслух, а тут — столько старания; столько стремления донести до потомков истину земного бытия, вместе со всеми регалиями... Заодно внести некоторую долю таинственности, так как смысл рисования неизвестен самому рисующему. Это происходит на уровне подсознания. Руку художника, ведомую неведомой рукой, просто вынуждают писать то, что у него пока лишь на уме. Зато теперь, все дамы в курсе, о наличии элемента у противоположного пола, которого у них у самих — нет, хоть некоторые матери и убеждают дочерей в обратном — таких у мадам будет много и все разные...

В штольне было тепло и холодно — одновременно, а также — сухо и сыро. Пахло плесенью. При сухости чувствовалась противная влажность. Походка Барбариски приобрела осторожность, а остальных членов коллектива предусмотрительность. Впечатление создалось такое, будто бы при ходьбе вперёд, носки их обуви смотрели назад. От такого противоречия сталкеры выглядели группой инвалидов, зашедших в открытый зоопарк, где стены вольеров снесены напрочь, а двери клеток открыты настежь.

Иероглифы на стенах сверкали зелёным фосфором, оранжевой светоотражающей краской и банальными акриловыми красителями, представленными всем цветовым спектром. Попадались даже радиоактивные компоненты, нанесённые идиотами на камень. Неожиданно, народное творчество закончилось. Даже Мастодронт растерялся. Стоя на одном месте, он неуверенно переминался с ноги на ногу. По его данным, иероглифы должны быть и в солидном избытке, но, их не было... Фёдя внимательно осмотрел стену и констатировал печальный факт — скололи. Причём, весьма внушительным блоком унесли в неизвестном направлении.

Лис оживился и чихнув, почти крикнул:

— А я видел что-то похожее в станице — на каменном заборе!

— Да, — удивился Мастодронт, — ты не помнишь, что на нём было нанесено?

Фёдор напрягся, расслабился и махнув рукой, сам же себе и ответил, разочарованно вздыхая:

— Эх, да разве всё запомнишь?! Памяти не хватит!

— Как же не помню? — возразил Лис. — Помню! Точнее — зачем запоминать? Я забил фотку в мобилу — на память.

— Ура! — обрадовался Мастодронт. — Да здравствует современная наука! Если, из подземелья, телефонному сигналу не пробиться, то уж запечатлеть на интегрированный

фотоаппарат мобильного телефона последние моменты жизни заживо погребённых, можно — запросто.

Все поблагодарили Федю за обнадеживающие слова, а Ворон даже собрался ловить Лариску, которая, по его разумению, сейчас полезет целоваться к утешителю. Диплодок с Терминатором ничего не сказали, давно привыкнув к плоским шуткам своего товарища. Они молча поправили свои рюкзаки и пошли по штольне дальше, ведомые своим проводником. Остальным ничего не оставалось делать, как последовать их примеру.

Ещё два часа Фёдор водил группу по тёмному лабиринту, пока чей-то голос, из толпы, не взмолился о привале. Все порядком устали, поэтому возражений не последовало. Выбрав подходящий уголок, на газовый примус поставили разогревать тушёнку. Синее пламя шипело, временами переходя в негромкий гул и убаюкивало домашним уютом. Если бы не серые стены, которые даже при свете подвешенного на треногу фонаря, оставались мрачными, можно было представить себя на кухне в малогабаритной «хрущёвке». При обширном пространстве подземелья, в нём, почему-то, было так же тесно, как на упомянутой кухне. Аромат консервированного мяса распространялся по коридорам штольни и Ворону показалось, что стоит ожидать гостей. Он отогнал от себя назойливую мысль, отдавая себе отчёт в нелепости подобных измышлений.

После обеда сталкеры плутали переходами ещё некоторое время; их сменил ужин и наступило астрономическое время ночи, которая царила в штольне всегда. Основательно устроившись на ночлег, произвольно выбрали место красного уголка и Ворон не замедлил этим воспользоваться. Отойдя за угол, он потерялся из виду. Пропажа одного члена осталась бы незамеченной, но Лариску что-то насторожило и она тревожно спросила:

— А Ворон где?

— Где-где, — вздохнул Лис. — Придётся объяснить... Так, ребята, давайте хором!

После того, как все отсмеялись, появился виновник торжества, поправляющий на себе верхнюю одежду.

— Ну, что за паника? — уныло спросил он Барбариску, опять покрасневшую, как девица на выданье в тот момент, когда приходят сваты.

Она ничего не ответила, чувствуя себя, почему-то, виноватой. Вова неопределённо помотал головой. В этом действии нельзя было угадать его настроение: то ли он недоволен, то ли раздражён, то ли просто устал... Ворон молча присел на своё место и вперился взглядом в синий огонь примуса. Тревожные мысли не покидали голову, забывая её подозрениями и сомнениями. Клаустрофобией он не страдал, но всегда чувствовал себя неуютно в пещерах и подземельях. Никто не мог сказать, насколько прочны своды вырубленной штольни и когда они просядут — сейчас или через сто лет. Его товарищи уже давно уснули, а Ворону сон не шёл. Кое-как покемарив, Вова сидел, будто в оцепенении. Пограничное состояние между сном и явью часто присуще людям, находящимся в нервном напряжении продолжительное время и сейчас, Ворон чувствовал себя именно так. С одной стороны он спал, а с другой... В дальнем углу расширяющегося коридора послышался шорох, переходящий в грохот падающих камней. Осторожно поднявшись с места, Вова окинул взором спящих товарищей и не спеша пошёл в сторону подозрительного шума. Выглянув за угол, он увидел довольно обширную пещеру, в которой находилась толпа призраков в противогазах. Из громкой, но невнятной речи выступающего, Ворон кое-как разобрал смысл сказанного по отдельным обрывкам фраз. Если вкратце, то ситуация сложилась следующая: немцы пустили в катакомбы отравляющий газ, а противогазов на всех не хватило. Ворон

поглядел на призрачные фигуры и до сознания дошло, что и тем, кому хватило индивидуальных средств защиты, не слишком-то они помогли. Из дальнейшего выступления стало ясно, что фашисты применили новейшую разработку нервно-паралитического газа, который, как и теперешние модификации, проникает через кожу и одним противогазом не спасёшься. Ворон в оцепенении вернулся на своё место и постарался уснуть, где-то в глубине души понимая, что это всего лишь видение. Чуть-чуть задремать, кое-как получилось. Долго ли, коротко ли он пробыл в таком состоянии, но шум, всё в том же углу, снова разбудил Вову и подвиг на повторное посещение пещеры. В этот раз, в ней расстреливали политзаключённых... Туманные флюиды подземелья таяли от рук таких же образований. Ворон зябко поёжился и поднял воротник. Кутаясь в тёплую куртку, он спасался от могильного холода, которым внезапно повеяло со стороны происходящей экзекуции...

Очнулся Ворон от глубокого сна, когда все были уже на ногах.

— Ну, ты даёшь! — похвалил его Шмель. — Такие люди, не боящиеся ничего, нам нужны. Тут все в прострации: сон не идёт, харч без горячительного в рот не лезет, а он спит себе сном богатыря!

Ворон не стал распространяться насчёт своих ночных сновидений, так как сам не был уверен в реальности произошедшего. То ли во сне, то ли наяву... Пусть идёт, как идёт, раз уж залезли в это дерьмо...

— Чингачгук, устав бороться с постоянным холодом, царящим в этой части подземелья и зябко ёжась в поношенные шмотки, сквозь зубы процедил:

— Меня уже достали эти катакомбы! Пора бы выбираться отсюда и как можно быстрее!

Возражений не последовало, но Мастоdont, перед тем, как отправиться в дальнейший путь, ещё долго изучал карту, будто первый раз её видел. Он посмотрел в рукотворный шедевр и подошёл к стене. Там, где ожидалось увидеть таинственный иероглиф, стена издевалась над зрителем девственной чистотой.

— Что — опять скололи? — сочувственно спросила Лариса проводника.

— Тут никогда ничего не было, — апатично ответил Фёдор, растерянно оглядываясь по сторонам.

На соседних стенах тоже ничего не было: не светилось, не искрилось — абсолютно полная пустота.

— А вчера что-нибудь имелось, — поинтересовался Ворон, — перед тем, как мы устроились на ночлег?

— Я не помню... Или не обратил внимания...

— Ну, что ж, белый и пушистый обитатель полярной зоны крайнего севера — пришли! — констатировал скорбный факт Бегемот.

— Здравствуйтесь девочки! — подхватил Жук.

Мастоdont заметался по ближайшим переходам штольни в поисках утерянной письменности. По его разумению, не могли злоумышленники, за одну ночь, всё стереть подчистую, да и не было никаких намёков на краску, удалённую со стен. Ни время, ни кислоты — не способны так аккуратно и быстро уничтожить признаки современной культуры. После продолжительной беготни по переходам катакомб, впереди показался слабый проблеск дневного света. Все устремились навстречу долгожданной свободе и выйдя наружу, оцепенели. Открывшаяся местность была не просто незнакомой — впереди сияло пронзительной синевой самое настоящее море, во всей своей красе. Осторожно ступая по

склону горы, сталкеры постепенно спускались вниз. Зелёные проплешины сменялись каменистыми уступами и спуск не показался лёгким. Шмель пристально всматривался в знакомые силуэты берегов, пока не признал в них очертания севастопольской бухты. Он не замедлил ознакомить товарищей со своим открытием:

— Ё-моё! Мы на берегу Чёрного моря, а точнее — в окрестностях Севастополя!

Вначале ему никто не поверил и товарищи единодушно посоветовали не отпускать дурацких шуток, но постепенно и некоторые другие члены сообщества стали признавать, в лежащих на берегу бухты постройках, черты знакомого города, Мастодронт, от изумления, открыл рот и только и смог, что прошептать:

— Как мы по этой штольне вышли в севастопольские катакомбы? А главное, почему так быстро?

Терминатор ничего не смог сказать, а Диплодок с Лектором молча пожали плечами, давая понять остальным о своей полной неосведомлённости. Остальная команда выглядела подавленной от аномального перемещения в пространстве и только Барбариска торжествующе высоко держала голову, чувствуя себя победительницей.

— Ну, что я вам говорила?! — не удержалась она от комментария случившимся событиям.

— Что именно? — мрачно переспросил Ворон.

— А то, что мы имеем дело с подлинными картами.

— Где связь?

Лариса ничего не ответила, а злобно сверкнув глазами, надулась, обидчиво поджав губы.

Дорогу осилит идущий и прошло совсем немного времени, как сталкеры вышли к окраинам города. Все четверо новых знакомых согласились продолжить поиски на сопредельной территории, а в прочем, у них почти не было выбора. Как возвращаться назад, никто из них не имел ни малейшего понятия. Отсюда лежало только три пути: один по морю, что было весьма проблематично, другой назад — в катакомбы. Это так же представлялось невозможным и даже более того — опасным. Третий — на территорию сопредельной страны, туда, куда и отправлялась основная группа. Как это будет выглядеть? Об этом пока предпочитали не думать...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Если раньше все дороги вели в Рим, то в нынешние времена народ предпочитает пересекать свои пути с точками общепита, даже если не имеет к этому никакого желания. Всё происходит спонтанно, вот и сейчас наши герои упёрлись в знаменитый ресторан-парусник. Ночью, какие-то, не считающиеся со средствами шутники и которых, за последнее время, развелось как грибов после дождя, раздолбанный «Запорожец» прикрутили к бушприту синей изолентой. Туалетная бумага — это прошлый век...

Лис весело засмеялся и не замедлил выдать своё заключение:

— Во — носовая фигура.

— Интересно — сколько мотков изоленты пошло на эти работы? — спросил Бегемот ни у кого, а скорее по инерции мышления.

Чингачгук, критически осмотрев творение местных мастеров вольного архитектурного жанра, сделал своё заключение:

— Наверняка, изначально, машину прикрепили с помощью стальной проволоки, а изолента... Это так — для красоты.

— Чего это шутники так облажались? — усмехнулся Шмель.

— А в чём дело? — не понял Кот.

— Вон музей. Не помню названия, а подходить лень — я там раньше уже был. В нём всё связано с морем: макеты рифов, из настоящих кораллов, раковины, чучела акул и прочее барахло.

— Ну и что?! — спросили почти все и почти хором.

— Что-что! — ответил Шмель. — Рядом надо было поставить чучело Ихтиандра. Ласть в магазине за углом. Наверное...

Жук вскинул бинокль и посмотрел на «Запорожец». На заднице у него гордо красовалась надпись «MZ i». Он наклонился к Кроту и насмешливо сказал:

— Инжектор, однако...

Тот молча кивнул и выдал предложение:

— В ресторанчик бы зайти...

— В таком виде? — резко возразила Барбариска.

— Да тут на вид, поди, уже и внимания не обращают, — не сдавался Крот.

Шмель почесал затылок и задумчиво спросил пустоту:

— Интересно — китайцы до этих мест ещё не добрались?

— Ресторан, где всё готовят при тебе? — развил идею Лис.

— Над палубой, как раз, пролетела стая воробьёв, — засмеялся Ворон. — Толстосумы, в настоящее время, падки на всякую экзотику. Я даже представляю себе такую картину: клиент ожидает заказ, а в это время, сачок для ловли бабочек мелькает в руках повара с такой интенсивностью, как-будто тот хочет заодно переловить и подвернувшихся под руку мух. Чего зря время терять...

Несмотря на возражения отдельных членов коллектива, товарищи всё-таки зашли в морской музей, заинтригованные намёками Шмеля. В зале всё изменилось, за прошедшие годы. В огромный смотровой аквариум рыбок напичкали не скупясь: ни на средства, ни на время, ни на корм, для обеспечения жизнедеятельности обитателей стеклянного корыта. В нём, сбоку, в углу каркаса, проходила трубка аэрации и терялась где-то в глубине грунта. Неподалёку, среди кустов апоногетона, лежала модель НЛО, блюдцеобразной формы и с разбитым корпусом. Из пролома вырывались пузырьки воздуха, устремляющиеся к поверхности. Товарищи переглянулись...

Шмель, как старый аквариумист-любитель, но, не отличающийся долготерпением, прокомментировал это зрелище, именно, с точки зрения ихтиолога:

— Стоит ожидать того, что «Виман», помимо своей декоративной функции, заключающейся в украшении аквариума и дополняющего каменистый ландшафт, служит ещё и фильтром.

Другие были несколько иных взглядов.

— Надо бы измерить уровень радиационного фона, около потерпевшего аварию аппарата, — мрачно пошутил Ворон.

— Да, и взять пробы воды, на предмет выявления изотопа йода-131, - поддержал его Лис. — Блин! В «Фукусиме — 1», а точнее в океанской воде, вблизи второго реактора, он показал превышение нормы в 7,5 миллионов раз!

Бегемот, указав толстым пальцем на выходящие пузырьки воздуха, подтвердил предварительные выводы своих товарищей:

— Вода кипит вокруг реактора.

Чингачгук согласился:

— Да, закипает...

— Да, — согласился сам с собой Шмель. — Есть видовые аквариумы, где килек, в стеклянный корпус, напичкано, как в банке шпрот. Всех мыслимых и немыслимых видов, не заботясь об их распределения по родам. Есть аквариумы с определённым набором растений, в котором им отдаётся предпочтение, а рыбкам относится второстепенная роль, если их вообще туда подсаляют. Называется такой искусственный водоём — «Голландский», а у меня — «Шведский».

— Это как? — насторожилась Лариса.

— Два самца и две самки...

Ворон рассмеялся и сделал веселое заключение:

— С точки зрения такой позиции, любой видовой аквариум — пособие по «Камасутре».

При выходе из музея, после прохлады кондиционированного помещения, на улице показалось несколько душно. Определённых целей пока не было и сталкеры не успели определиться с дальнейшими действиями, поэтому шли не торопясь, созерцая местные достопримечательности. После того, как Крот, Кот и Жук устроили фотосессию возле серого бетонного медвежонка, имеющего несколько футуристический вид, а внутри оказавшимся почему-то полым, Шмель загадочно заулыбался. Когда они сфотографировались во всех позах и засунули свои носы во все щели, он продолжал молчать, но после того, как голова довольного Кота показалась изнутри бетонного изваяния, Шмель заржал. На вопрос Чингачгука о причине такого веселья, он, держась за живот, ответил:

— Это мусорная урна.

Южный город начинал всюду зеленеть и от этого, настроение было благодушным. Всех: и приезжих и местных жителей. Немногочисленные кафе, зимой не знавшие отбоя от клиентов, переживали переломный момент. Прежние посетители, мучаясь от весеннего обострения, предпочитали лопать спиртное в кустах и под пирамидальными тополями, а не в четырёх мрачных стенах, да ещё на удивление серых. С этим надо было как-то бороться и хозяева заведений шли на все мыслимые и немыслимые ухищрения. На небольшом кафе висела вывеска — зазывалка: «Пообедай за 200 рублей, как у бабули!» Лис мрачно осведомился у своих товарищей:

— Яги, что ли?

Шмель взглянул на плакат, уже устав смеяться над безграмотностью рекламодателей и ещё мрачнее прокомментировал это явление:

— У меня, бабули, вообще нет. Ворона бабушка кормит, принципиально, бесплатно, а вот с Бегемота, его бабка, постоянно норовит содрать 500 рублей. Да, не все бабушки одинаковые. Некоторые бабуси циничные пошли. И дело тут не в скопидомстве — время такое...

— Это точно! — подтвердил Чингачгук. — Это смотря какая бабушка. У меня, лично, их тоже больше нет, а вот у Жука — есть. Если он, пообедав, сунет ей эти деньги, в счёт оплаты харчей, она ему сковородку в нос не сунет, а огреет чугуниной по евонной башке. Крота бабуса потчует молча, не подразумевая оплаты.

В умственные разглагольствования вмешалась Барбариска, не подумав, как следует, а сразу ринувшись грудью на защиту малого бизнеса:

— Хозяева кафе имели ввиду домашнее приготовление, то есть — всё вкусно!

— Топорно владельцы это предлагают! — резко возразил Кот. — В таких случаях, на

первое место ставится цена, например: «Обеды за 200 рублей. Вкусно, как у бабушки!»

— Кстати, — встрял в обсуждение Крот. — Почему, именно, бабуля? У тебя, Лариска, мать что — готовить не умеет?

— Да и домашний самогон, не всегда лучший вариант, — внёс свою лепту Жук, в обсуждение плаката.

— Не скажи! — возразил Бегемот. — Кто-то просто обожает противный запах и обильное наличие в продукте сивушных масел. В противном случае — закусывать не захочется и крякнуть, после выпитой.

Ворон засмеялся и согласно кивнув головой, подтвердил выводы Бегемота:

— Вот именно — крякнуть!

— Для большей надёжности, позади пьющего нужно поставить человека с ломом, — сделал заключение Лис.

Под ложечкой у всех постепенно начинало посасывать и спутники непроизвольно начинали всё больше оглядываться по сторонам в поисках пропитания. Запахи мангалов манили к себе, как кот валерьянка, но надо было пробираться к вожделенной цели. Ещё только предстояло выяснить, как это можно сделать незаметно.

Глава шестая

Элегия

Всё-таки товарищи не устояли от соблазна отведать местной кухни. Сидя за столиком в маленьком, но уютном кафе, они не спеша трапезничали, предаваясь вялым раздумьям. По стаканам разливался ароматный напиток вишнёвого цвета, охлаждённый силой человеческого разума, изобретшего холодильник. В бокалах со льдом он выглядел светлее и напоминал кровь, нацеженную на осколки льда. Товарищи выпили за осколки счастья... Помянули обломки надежды и перешли к бесполезному трёпу. По запотевшей бутылке, в том месте, где её коснулось тепло человеческой руки, неторопливо стекал конденсат тяжёлыми прозрачными каплями.

— Как кровь сквозь поры, — мрачно процедил сквозь зубы Ворон, заставив вздрогнуть Мастодронта и его товарищей, не привыкших к излишней поэтичности настоящего сталкера.

Чингачгук достал вилкой из салата резанную дольку лука и сурово произнёс:

— Чипполино, сынок...

— Порубили враги, в винегрет, — поддакнул Бегемот.

— В салат, — поправил его Крот.

— Да какая разница?!

Ворон скептически осмотрел спорщиков с ног до головы и сказал:

— Если мы перешли к итальянскому фольклорному персонажу, увековеченному нашими мультипликаторами под кодовым названием «Чипполино» в известном, старому поколению зрителей, мультфильме под тем же названием, то вон та собачья конура за углом, должна быть домиком Тыквы, а в ней собака сидит.

— А её и зовут Тыква, — сказала подошедшая официантка в белоснежном переднике.

Смех долго стоял в уютной атмосфере маленького кафе. Вышедшая из своей будки небольшая дворовая собачонка, действительно походила на шерстяную бахчевую культуру, будучи круглой, как колобок, что ещё больше добавило веселья. От этого движения посетителей стали резче и неосмотрительнее, в результате чего, Ворон опрокинул свой бокал. Вино вытекло на стол, расплываясь по нему красной лужей, на что Барбариска неприминула сделать едкий комментарий:

— Ты совсем не умеешь себя вести в приличном обществе!

— Чего ты делаешь мне замечание?! — огрызнулся Вова, недовольный тем, что прервали его веселье. — Ты даже не знаешь, чем отличается приличное общество от неприличного!

— Ну, и чем же?

— Если бы ты что-нибудь разлила на столе в неприличном обществе, то тебе бы сразу же посыпалась куча советов, типа: «Нагадь себе в руки, чтобы всё прилипало!» В приличном есть правило ничего не замечать.

— Ха! — оживился Лис. — А в аристократическом как обстоят дела?

Ворон пожал плечами и равнодушно ответил:

— Ну, тут есть два варианта, которые, в итоге, сводятся к одному. Первый: если среди гостей присутствует прототип поручика Ржевского, то сценарий будет проходить по первому варианту, и от балагура ты услышишь идентичное пожелание. Если таковой персонаж среди гостей отсутствует, то по второму. Но, всё-равно — потом тебя просто никуда не пригласят,

как дебошира. Тут, правда, есть сноска — всё зависит от твоего статуса.

— Вы забыли про купеческое сословие, — вмешался Бегемот. — Оно стоит, несколько, особняком. И до революции, и во времена НЭПа, и на заре развала СССР — купечество совмещало в себе все достоинства предыдущих сословий.

— Каким образом, Мотя? — удивился Жук.

— И пили, и дебоширили, и меценатствовали — практически одновременно.

— А что — сейчас не так, что ли? — усмехнулся Чингачгук.

— Сейчас? — Бегемот почесал затылок. — Не знаю, не знаю... Я же не общаюсь в их кругах.

— Правильно, — прохихикал Кот. — Тебя как увидят издалека, так сразу же все рестораны на ремонт закрываются. В крайнем случае на обеденный перерыв.

— Это правда, — согласился собеседник. — Кстати, я не уверен про всё остальное сказанное, но вот про меценатство, точно ничего не слышал: то ли злее люди стали, то ли умнее... Если что и делается, то только в личных рекламных целях.

Шмель грустно вздохнул и выдал свою точку зрения, закрывающую тему:

— Сейчас представители бизнес класса разделились на две половины: одни продолжают жить вольной купеческой жизнью, а другие, не довольствуясь достаточным материальным положением, ринулись во власть. Был у меня друг...

— Почему был? — перебил его Крот.

— Потому что умер! Блин, какие непонятливые. Он не отказывал себе в удовольствии гульнуть на полную катушку. Это, как известно, тормозит дела. Так и продолжалось с начала девяностых. Э-э-э, да хватит о грустном...

Барбариска, молча поглядывая на разговаривающих, мучила двумя вилками принесённую жаренную рыбу: то ли барабульку, то ли какую другую — под золотистой корочкой поди разгляди, что это за зверь. Вторую вилку она позаимствовала у Бегемота, потому что тот своё уже проглотил и двумя орудиями пищевого труда, кромсала рыбёшку. Вскрытие Лариса проделывала довольно умело и ловко, наслаждаясь ковырянием в жаренном блюде, но Ворон всё-таки не сумел не вмешаться:

— Вот! А всё меня культуре учила.

Барбариска гневно посмотрела на возмутителя спокойствия и обиженно воскликнула:

— Чего тебе не нравится, ты...

Она хотела сравнить Вову с каким-нибудь представителем животного мира, подходящему под описание его внешности, но слов не находила. Всё, что крутилось на языке, имело вполне безобидное сравнение, не соответствующее нынешнему настроению. В уме она пробежалась по зарубежному тартару, заглянула в местный ад и замерла в нерешительной позе, с двумя вилками наперевес.

Шмель оценил боевой настрой Барбариски, а самое главное — остриё зубцов вилок, нацеленных на грудь Ворона и предупредил:

— Вован, ты сейчас под раздачу пойдёшь.

Это несколько разрядило обстановку, и смягчило вспыльчивый нрав атаманши. Она положила вилки на стол и спросила Ворона:

— Ну, и что не так?

— Кто же рыбу ест с двух вилок?

— А как?

Ворон хмыкнул и нравоучительно сказал:

— Весь цивилизованный мир кушает с помощью ножа и вилки.

— А вот я слышал, что рыбу нужно есть именно с помощью двух вилок, — вмешался Чингачгук. — Ножом неудобно управляться с костями, особенно рёберными.

— Темнота! — резко возразил учитель правил хорошего тона. — Существует рыбный нож, напоминающий пилу. Вот им то и отделяют рыбные кости от мяса.

— А-а-а, — неизвестно чему обрадовался Бегемот. — Так можно просто воспользоваться столярной пилой.

— Можно, — великодушно согласился Ворон. — Только не «Дружбой 2», а то таким инструментом будет сподручно отдирать мясо только с костей белуги, притом, последняя должна быть в очень взрослом состоянии — весом, так, кило на девятьсот. Потребней, было бы, что-нибудь не очень крупное — небольшая столярная ножовка, например... Кстати, как вы успели заметить, тут ножей не предлагают.

— А ты что, — спросил Бегемот, — дома ешь с помощью ножа и вилки?

— Это смотря что, но особое удовольствие мне доставляет таким способом употреблять борщ.

— Ты вместо того, чтобы болтать за столом, лучше бы на закуску налегал, — опять вмешалась Лариса.

— Закусывать или нет — вопрос не всегда праздный, — парировал Вова замечание.

— Это ещё почему? — несколько высокомерно спросила собеседница, шмыгнув носом. — Чем плотнее закуска, тем здоровья больше останется.

— Это как сказать, — не согласился Ворон. — Если закусишь — тарелка опустеет и ты шмякнешься в неё мордой, разбив нос, лоб и прочие причиндалы. А вот если тарелка полная, наваленный в неё салат послужит отличным амортизатором.

Обед подходил к концу и Кот решил пошутить по-военному:

— Так — заканчиваем приём пищи!

Ворон, кряхтя поднимаясь с места, высказал всё, что он думал об окончании обеда:

— Наши русские сказки придумывали какие-то мазохисты с пище-питьевым уклоном. Ну что это такое? Что за концовка? «По усам текло, а в рот не попало?» Прямо-таки нездоровый оптимизм...

— Скорее уж тогда — пессимизм, — поправил его Лис.

— То, с какой интонацией сказка заканчивается, концовка радость напоминает.

В пронзительной синеве неба летела журавлиная стая, жалобно возвещая о своём прибытии. И так тошно у них это получалось, что Чингачгук, не поднимая головы, а только следя глазами за перемещением птиц, мрачно процедил сквозь зубы:

— Элегия, мать вашу за ногу!

Шмель по своему отреагировал на это событие, предоставив вниманию слушателей белые стихи:

Вот журавлиный клин усталый,
Из дальних странствий возвращаясь,
Галдел на разные лады тоскливо...

И чтобы не травмили душу,
Сорвав с плеча свою двухстволку,
По косяку дуплетом врезал...

Вдруг на мгновенье стало тихо,
А там как-будто кто-то крикнул,
Хотя лягушек не упало...

Так наливай ещё Ванюша,
Пока я тоже тут не крикнул,
А то получишь в зад дуплетом,
Как те несчастные создания...

— Что-то я не понял твоего юмора, — сказал Ворон. — Причём тут лягушка? Может, всё-таки, утка?

— Она тоже. Так — вспомнился рассказ «Лягушка путешественница», когда её две утки с собой на ивовом пруте волокли.

Жизнь на морской набережной била ключом. Солнце припекало и настроение у гуляющих было приподнятым. Среди разномастной толпы, не отличающейся особым разнообразием в одежде, выделялась группа солдат срочной службы. Вероятно они были демобилизованные, так как при одинаковой форме, не оставляющей сомнений к принадлежности к определённом роду войск, некоторые детали мундиров сильно различались. Мало того, впечатление складывалось такое, что они соревновались друг с другом в украшении парадного обмундирования, изошряясь, кто во что горазд. То ли дембеля, то ли выпускники королевской академии неизвестной страны. У некоторых солдат аксельбанты, явно не имеющие к положению устава о форме военнослужащих никакого отношения, напоминали корабельные канаты. Толстые и тонкие, белоснежные и не очень — они причудливо переплетались на груди мужественных защитников Родины. Значков, конечно, было поменьше, чем у легендарного Генерального Секретаря ЦК КПСС, но, тоже впечатляло. Мимо них проходил бледнолицый, всю зиму не покидавший московского кабинета, седовласый генерал, которого с инспекцией занесло в эти края. Генерал посмотрел на дембелей и понял, что за время службы в столичном штабе, он сильно отстал от жизни. Дембельская форма, с умопомрачительными аксельбантами и золочёнными эполетами, давала фору парадному мундиру маршала. Генерал, в своём прикиде, тянул максимум на хорунжего. «Ё-моё! — только и смог выдавить из себя старший по званию. Он даже забыл поинтересоваться, почему ему так и не отдали честь, а с выпученными глазами проследовал своим маршрутом, украдкой поглядывая на редкую планку с левой стороны своего кителя. В голове инспектора витала только одна мысль: «Если солдаты так обшиваются к концу службы, то можно себе представить, как готовятся моряки — у них служба дольше, а значит времени больше». Из-за того, что он шёл с повернутой, в сторону дембелей, головой и не глядел перед собой, пинком под зад массивным сапогом получила маленькая капризная собачонка и её дородная хозяйка, не вовремя нагнувшаяся поправлять ремешок на своей сандалете. Жук с Кротом переглянулись и беззвучно рассмеялись. Оценив потенциал выпущенных на свободу женихов, Крот только и смог, что выдавить из себя:

— А то — НАТО, НАТО! Натовская форма... Фуфло ваша заграница...

— Да уж, — поддакнул Жук. — Против наших фуфаек ни одна армия мира не устоит. Шмель тоже усмехнулся и спросил обоих:

— А знаете, как морской тельник проходил в советские времена по ГОСТу? Думаете «Тельняшка морская»? Хрена лысого! «Фуфайка морская». Я долго, помню, крутил лейбл в руках, пытаюсь понять — почему фуфайка?

Пока происходили эти события, Гена Лектор встретил своего старого товарища, обосновавшегося в городе уже давно, смакуя южный климат и отдыхая от прошлых походов. Как он сам рассказал, скоро начнётся активный туристический сезон и город оживёт. Это, остальные, и без него знали, но, он ещё рассказал, а главное, показал на пальцах, где находится подземный переход, ведущий в разных направлениях, в том числе и за кордон. Ещё он проходит под бухтой, ведя на её противоположную сторону. Кто и зачем его копал, теперь, скорее всего, не выяснишь, но главное было ясно — не заблудиться, а идти в нужном направлении. Как сказал знакомый Лектора, вентиляционные шахты находятся на возвышенности и об их существовании, как и наличии самого прохода, знает каждый дурак. Бомжей там мало, так как проблематично осуществлять каждый день спуски и подъёмы, которые далеки от места побирательства.

Лис наклонился к Ворону и прошептал ему в ухо:

— Это что — нам через весь полуостров под землёй переться?

— Откуда я знаю?! — раздражённо ответил Вова.

Знакомый Лектора, словно подслушав их разговор, загадочно сказал:

— Как попали сюда, так попадёте и туда, куда вам нужно.

Гена с ним ещё долго о чём то разговаривал, постоянно размахивая руками и без конца уточняя детали. Заглядывал в глаза, через плечо и осталось, без внимания Лектора, только одно место. Знакомый в очередной раз пообещал, что всё будет как надо и сославшись на неотложные дела, растворился в толпе.

— В общем, ничего удивительного, — вздохнув, сказал Шмель. — После катакомб меня уже ничем не прошибить.

Подготовиться решили основательно. Нужно было глобально решить проблему с продовольствием и обзавестись хоть чемнибудь, похожим на оружие. Хотя бы издали. Топоры народной войны купили в ближайшем туристическом магазине. Правда, это были топорики. Ворон предлагал сразу же идти в хозяйственный, но, хороший большой топор и весил немало, а нужно было оставить место под провиант и прочие товары народного потребления. Он крутил купленный экземпляр в руках и с любопытством читал ценник:

— Топор плотницкий «Барс». Что за отстой? Почему плотницкий, а не охотничий, если — «Барс». Фибергласовая двухкомпонентная обрезиненная рукоятка. Изготовители-то сами поняли, что хотели сказать? Термообработанная сталь...

В целом, топорик с чёрно-синей рукояткой смотрелся довольно-таки симпатично и, даже несколько импозантно. Чёрный обух и серое стальное лезвие имели красивые обводы и настоящий Чингачгук остался бы доволен.

Водку сразу же перелили в большие пластиковые бутылки, в изобилии валяющиеся на всех помойках города. То есть — облегчались по полной.

При выходе из очередного магазина, Кот, разглядывая своих товарищей, неожиданно спросил Крота с Жуком:

— Что связывает охоту, рыбалку и туризм?

Первый долго мямлил что-то несвязное, пытаюсь зарыться от неудобных вопросов в землю, а второй прожужжал себе под нос так, что никто ничего не понял.

— Ну, и что же, всё-таки? — заинтересовалась Лариса.

— Одно простое слово, несущее в себе смысл о моральном и физическом удовлетворении. Ровно, как и все прочие извращения.

Чингачгук хмыкнул и добавил:

— Да уж — в наше время даже голубой ящик трансформировался в нечто большее, чем просто развлекательная техника. Из культа, к которому относятся и диван, телик, из банальной принадлежности к сфере развлечений, стал орудием массовой информационной войны. Тут, как на поле боя, задействованы и вооружены все стороны, втянутые в военный конфликт.

Пока сталкеры не торопясь шли к указанной, странным знакомым, точке эвакуации, случилось нелепое ДТП. По улице шествовал траурный коттедж из двух автобусов и катафалка. Последний не вовремя резко затормозил и ему в зад влетел лихач на джипе. От сильного удара люк резко открылся и гроб соскользнул в него, въехав всей массой в лобовое стекло. Теперь он лежал рядом с перепуганным водителем, который не сразу сообразил, что произошло. Красный атлас отбрасывал на его лицо зловещие блики, а бахрама по краям гроба щекотала лицо — всё, до чего могла дотянуться.

— На-пару лягут, — цинично прокомментировал Ворон это событие.

Товарищи не стали ждать продолжение нелепого спектакля, который происходит в подобных случаях, а подивившись странному стечению обстоятельств, продолжили путь.

За серой бетонной набережной находился пляж. Всё постепенно начинало работать на индустрию туризма, и это место не оказалось обделённым всеобщей эйфорией, а скорее даже наоборот. На парапете расположились художники: малюющие портреты, стригущие контуры из бумаги, предлагающие готовый товар — то есть халтурящие по полной программе. За зиму, в связи с отсутствием приезжих, они порядком застоялись, как кони в стойле и теперь проявляли повышенную активность. Туда-сюда сновали фотографы. Фору соперникам давал тот, у кого была какая-нибудь живность, а так как она была почти у каждого, то можно было подумать, что ты пришёл в Берлинский зоопарк после его бомбёжки. На плечах и руках фотографов восседали громадные попугаи, расписанные во все цвета радуги, коричневые макаки и гордые орлы. С шей свисали молодые сетчатые питоны, потому что старые не столько тяжёлые, сколько неуправляемые. С возрастом они начинают проявлять непокорное хладнокровие и запросто могут удавить своего хозяина. Шмель внимательно присмотрелся к хвосту одного попугая и наклонившись к уху Ворона, тихо прошептал:

— Мне кажется хвост подкрашен флюоресцентной краской.

— Да ладно — разве это возможно?

— Ещё как! А чего тебя собственно удивляет? У меня жена розы подкрашивала. Есть всякие аэрозольные баллончики для этих целей и даже с блёстками, так почему бы попугаю хвост не откорректировать?

На раскладных столах от ракушек места не было. В Чёрном море, по красоте, самая эффектный — дальневосточный моллюск рапан. Он случайным образом, очевидно вместе с корабельными водами, сливающимися за борт, проник сюда в пятидесятых годах прошлого столетия и теперь работал на индустрию туризма. Ракушки раскрашивали изнутри, снаружи, приклеивали ко всему, до чего додумался пытливым ум сувенирщика. Пацаны ныряли за рапаном в промежутке времени, пока трамвайчика морского не было. В прибрежной зоне пляжей уже давно нет никакой живности- всё выловили на потребу мелкого бизнеса. Теперь приходится нырять глубоко и добыча ракушек была скудной. Приходилось регулярно

разведывать новые места и они старались держаться в секрете. Мелким крабикам тоже нашлось места в истории становления туристического бизнеса. Их солили, варили и сушили — кто во что был горазд. Затем покрывали масляным лаком и выставляли на продажу. Нашим героям обременять себя сувенирами было не с руки и они прошествовали мимо лотков, держа курс на загадочные тоннели.

У Ларисы расстегнулись туфли, надетые по торжественному случаю появления в городе — герою. Присесть было некуда и она обратилась к Ворону, с просьбой о помощи:

— Вова, помоги мне.

— Слушай, Ларис, мне некогда! Попроси Бегемота.

— Мотя не может — чистюля, — засмеялся Кот. — Он наложил себе в руки полные пригоршни миндаля и пока его не съест, чистоплюй — будет занят.

— Миндаль б? — задыхаясь от смеха, уточнил Лис.

Чингачгук оживился и тут же включился в разговор:

— Надо помочь нашему бедному Моте найти подходящий источник воды, а то Лариска останется беспомощной!

— Чего это она беспомощна? — растянув улыбку до ушей, пробубнил Жук. — Не может сама полить Бегемоту из чайника на руки?

— Останется без помощи, я имел ввиду...

В самом начале туристического сезона народа на пляже было немного, купающихся ещё меньше. Шмель, поглядев в сторону принимающих водяные ванны, что-то промышчал про синих моржей, не совсем правильно одетых, в его понимании; осмотрел разморённые, на солнце, женские лица, выставленные навстречу жарким лучам с целью принятия полноценного черноморского загара и сказал Бегемоту:

— Мотя — надень трусы! Судя по красным женским лицам — это не дикий пляж...

— Чего, я даже штаны не снимал!

Народ отсмеялся ещё раз, что значительно подняло настроение. Внимание иностранных туристов привлекла, в общем-то, ни чем не примечательная компания. довольно зрелых мужиков, которая жалась ближе к кустам и нелегально употребляла алкогольные напитки в общественном месте. На плече одного мужика красовалась татуировка, сделанная, видимо, по-пьяни. На ней был изображён бульдозер, в обрамлении дубового венка. Перекрещенные, за трактором с ковшом, лопата с граблями — довершали композицию. Сверху, изогнутая в параболу надпись, гласила: «Не забуду родной», а снизу основного рисунка дописано: «МТС». Иностранцы подивилась тату и один, самый продвинутый гость, спросил гида: «Это кто — космонавт?» «С чего вы взяли?» — удивился экскурсовод и переводчик, в одном лице. «Ну, как же! — в свою очередь удивился турист. — На плече написано МКС — это же, вроде бы, «Международная космическая станция»?» «Эрудит, хренов! — в негодовании, подумал про себя гид, а вслух сказал: — На плече написано не МКС, а МТС — моторно-тракторная станция. Просто на букву «Т» кривые грабли залезли — не уместились, понимаешь: ни в пьяном мозгу кольца, ни на плече...»

Кот уже давно посматривал на подвыпившую женщину, принимавшую загар стоя и медленно покачиваясь в такт падающим на неё солнечным лучам. Примерно это она и думала, выполняя роль солнечного паруса. Потомственный жигало всё-таки набрался смелости и спросил незнакомку:

— Девушка, а как вас зовут?

— Инна!

В середине имени она запнулась.

— Я слышу прекрасно, — опешил Кот. — Зачем так громко кричать? У самой, что ли, со слухом не лады?

Чингачгук заржал и пояснил другу суть вещей:

— Она может и плохо слышит, зато она прекрасно помнит старые анекдоты. Это не имя. Баба тебя послала: «Ин на...!» Первое слово подверглось серьёзному изменению, а вся фраза солидному сокращению. На её окончание, которое и определяет характер послания, у псевдоинны, просто сил на это не хватило.

Крот, в свою очередь, счёл своим долгом добавить:

— Кот, подбивать к замужней женщине, знаешь ли, чревато. Не везде к этому относятся с пониманием.

— А с чего ты взял, что она замужняя?

— Кос нет, — несколько раздражённо ответил Кот.

— Ну, в наше время это не показатель, — махнул рукой Крот. — Да, Ларис?

Барбариска сморщилась, как выжатый лимон. То ли она привыкла, что всеобщее внимание постоянно достаётся только ей одной, то ли просто сыграла обычная женская ревность, направленная в безымянное пространство, то ли ещё по какой причине, но она промолчала.

Тем временем со стороны подзагулявшей толпы послышался недовольный ропот, перерастающий в междоусобный скандал. Дядька с живописной тату громко прокричал:

— Этот засранец засрал всё побережье! Придётся стоянку менять...

— У него похмельный синдром тесно переплелся с алкогольным отравлением, — вторил ему другой недовольный голос.

Наши люди тоже не хотели вдыхать ароматы отхожего места и поспешно покинули пляжную зону, тем более, что делать здесь было больше нечего.

Глава седьмая

Педикюр

Пляж остался далеко позади. Товарищи не спеша брели по пыльным улицам, старательно прикидывая в уме — не позабыли ли они чего прихватить? В голову ничего не приходило и от такого несовершенства, Шмель разглядывал в витрине всё подряд, на что упадёт его взор. Взор упал на стеклянную витрину газетного киоска, в котором уже давно практиковалось продавать всё, что ни попадя, включая нижнее бельё. Его внимание привлекла книга «Самоцветы и талисманы». Киоскёру, по всей видимости, название самой книги показалось не слишком убедительным для того, чтобы на него клевали потенциальные покупатели, поэтому он предпринял собственный маркетинговый ход. На клочке подвернувшейся, под руку, бумаги, он собственноручно начертил: «Камни против всех болезней!»

Ворон воодушевился и кивнул головой, соглашаясь с киоскёром:

— Как средство от глист, я знаю камень — проще не бывает. Обыкновенный красный кирпич. Запихиваешь его в задницу и глисты со смеху задыхаются. Помирают в страшных корчах...

— Гантель, будет, не менее эффективна, — то ли подтвердил, то ли не согласился, Лис. — Чугун на службе вашего здоровья: и снаружи мышцы подтянет и внутренних паразитов погубит.

Сувениры не заинтересовали наших героев и они свернули в сторону маленького импровизированного рынка, разместившегося на деревянных ящиках и раскладных столах. Терминатор посоветовал ничего не покупать на таких рынках, но Барбариску заинтересовали очень красные помидоры, ранние в этом году, хоть этим теперь никого не удивишь. Ясно, что выращивали их в парнике, а доводили до кондиции в бане, но Лариску заклинило на свежих овощах. Вероятно, и цвет сыграл не последнюю роль в выборе продукта.

— Почём у вас помидоры? — спросила она усатого продавца.

— Не почём, а по какой цене — деревня! — поправил её Ворон.

— Дэсат эвро, — с чувством собственного достоинства, ответил продавец.

— Сколько?! — ошалело переспросил Вова, окончательно теряя дар речи. — За ящик, что ли?!

— Чиму удивляешса, дарагой?! Ти знаешь, какие элитные удобрения ыдут на выращивание помыдор?

— Ты что, их в собственной заднице выращиваешь, что ли?

— Зачём в задныцэ? В парныкэ...

— Помидора краснеет — рожа синеет, — пробурчал Мастодронт. — Или белеет...

— Все соки высосала, — поддакнул Диплодок, а Гена Лектор только молча кивнул головой, в знак согласия с товарищем.

Совету Терминатора последовали единодушно и поспешно покинули территорию рынка, с его грабительскими ценами, рассчитанными на расточительность приезжих.

Шмель всю дорогу возмущался, и без конца рассказывал связанные с рынками истории:

— Помню, как попал один раз в туристическую поездку, в которой необходимо было ползать по горам. Так вот в станицах и маленьких городках, на их рынках, виноград стоил

шестьдесят копеек за килограмм, а вот у моря — уже два рубля сорок копеек. При этом существенной разницы заметно не было.

Лис усмехнулся и поведал свою историю:

— Прочёл один раз буклет, на котором было гордо написано: «Цены похудели». А вот у меня в голове читается не так...

— А как? — заинтересовался Бегемот.

— Как правильной будет — без первой и пятой буквы.

Ворон равнодушно пожал плечами и между делом заметил:

— Ну, с ума-то сходят не цены, а люди, их устанавливающие.

— Значит, с ума сошли все, — возразил Лис. — У них же там заговор, экономический, как минимум.

Лариска на несанкционированных туфлях с несовершенными застёжками, всё-таки подвернула ногу. Вывих был несильным, но достаточно заметным. Опухшая нога болела и мадам прихрамывала, как кому-то показалось — на обе ноги сразу.

— Наложить на ногу повязку и пописаешь на неё, — посоветовал Шмель. — Нечего на меня так смотреть! Рецепт старый — испытанный.

— Сама я буду это делать?

— Да, тебе это будет несподручно, — согласился добровольный знахарь. — Могу, конечно, и я, но, если после этой процедуры, у тебя только кожа с ног облезет, можешь считать, что тебе повезло...

— Вон поликлиника, — обрадовался Ворон. — При ней наверняка есть травмпункт, если хирург в отпуске. На худой конец должна иметься аптека.

Вопреки опасениям, врач оказался на месте. За небольшую мзду, профессионально наложив повязку, он поинтересовался у Барбариски:

— Как настроение?

— Средней паршивости, нисходящее к гадкому.

— Ничего, — ободрил её эскулап. — Это даже не вывих, а так — слегка подвёрнутая нога. Похромаешь немного и через день забудешь о происшествии. Ни у кого больше никаких жалоб нет?

Доктору видимо понравился лёгкий заработок, которого в наше время так не хватает бюджетникам. Он ещё раз заискивающе заглянул каждому посетителю в глаза, пытаясь выявить скрытые недуги. Визуально они не обнаруживались и доктор разочарованно вздохнул. Чингачгук пожал плечами и сказал:

— Есть, вообще-то, одна жалоба на нашего Мотю. После того, как он хорошо поел, от его анализов девять скунсов задохнулось...

— Контрольный выдох Бегемоту в лицо и всё! — предложил Ворон. — Животные спасены.

— Да, — засмеялся Жук. — Так это его с ног и свалило.

— К тому же — зараза к заразе не пристаёт, — добавил хирург.

— Это ещё почему? — не понял Лис.

— Родные вирусы пришлых не пускают — самим места мало, — пояснил человек в белом халате. — А могут ещё и накостылять. В этом побоище число собственных, но нежелательных, для больного, микроорганизмов, существенно уменьшится, что ведёт к выздоровлению пациента.

— Отличная теория! — усмехнулся Кот.

Мимо кабинета пронёсся больной из инфекционного отделения с полной авоськой пивных бутылок. Доктор вскочил с места и выскочив в коридор, прокричал вслед убегающему:

— Сидоров! У тебя же печень расширенная!

— А здесь у всех такая! — ответил ему бодрый голос, под словом «здесь», подразумевая отделение, в котором он лежал.

Позвякивая стеклотарой, он скрылся за углом, а врач вернулся на своё место, недовольно бурча себе под нос мрачные проклятия. Пьяницы лежат без права на больничный лист и его пациента не лишишь. Так же, за нарушение режима, больного из больницы не выставишь, до полного выздоровления последнего — инфекционное отделение...

Не очень молодая женщина пришла на приём и сталкерам пришлось ретироваться. Ворону показалось, что хирург замещал в этой поликлинике сразу все должности, потому что краем уха слышал, что речь шла о бесплодии. Вова чуть задержался, так как его почему-то заинтересовал этот разговор. После того, как все доводы за и против родов доктором были озвучены и подтверждены документально, он сказал посетительнице просто:

— Поите его дистиллированной водой.

— Зачем?

— Ну как же? Я сделаю ссылку на живую природу: в жаркое время года, то есть в засуху, все жизненные циклы замирают. В ничтожных количествах, но, тем не менее, в водоёмах возрастает доля дейтерия — тяжёлой воды, а он, как известно, тормозит жизненные процессы. Это ихтиологи испытали на примере жителей аквариума. В такие периоды его обитатели перестают нереститься, пока не вольёшь солидную порцию дистиллированной воды.

— Нет, доктор, — печально возразила посетительница. — Муж быстрее вспомнит про моё существование, когда выпьет пол-литру мёртвой воды.

— Простите? — не понял врач.

— Водки!

— А-а-а...

— Вот тогда и оживёт...

Ворон был уже твёрдо убеждён в том, что доктор под мухой и, махнув рукой, поспешил присоединиться к товарищам, толпящимся у выхода. Аптека оказалась закрытой на большой амбарный замок, не вписывающийся в общую картину поликлиники. Все её стёкла оказались завешаны рекламными проспектами, призывающих лечиться, лечиться и лечиться. Шмель вспомнил рекламные шедевры и поделился с товарищами:

— Идёт по телику реклама, под девизом: «Краткость — сестра таланта!» Диктор бодрым голосом вещает: «Диарея, запор — спрашивайте в аптеках города!» Я понимаю, конечно, что на телевидении реклама дорогая и приходится экономить на всём, порой ужимаясь до одной фразы, но, чтобы оперировать такими сокращениями...

— Не нужен мне их запор! — подтвердил Бегемот. — И спрашивать не буду...

— Да уж, и диарея — ни к чему, — согласился Жук.

Следующий шедевр, приклеенный к стеклу, гласил: «Стоматология. Гигиена полости рта в подарок». Казалось бы ничего необычного, а тем более смешного, но Шмеля это повеселило:

— Гигиена. А у нас ещё и дезинфекция. Как дыхнёт мой знакомый в открытый рот

пациента: не то что микробы — подопечный бы выжил!

У центральной двери заведения имелась ещё одна жёлтая облезлая дверь, над которой висела нарядная вывеска, заявляющая о том, что здесь находится ветеринарная клиника. Мелкий текст сообщал всем посетителям о предоставлении дополнительных услуг: гороскопы для собак, кошек и прочих домашних животных. Как это связано с клиникой, никто не задавался подобным вопросом и не мучился от несоответствия с заявленной действительностью. Тут же находилась парикмахерская и баня, всё для тех же домашних питомцев. В соседнем помещении разместился зоомагазин, в котором можно было купить всё для своих любимцев: от пластиковой кости до консервов с тунцом. Некоторые поводки и намордники сильно напоминали принадлежности из ближайшего секс-шопа. Шмель осмотрел представленное хозяйство и вспомнил старый разговор с братом в период начала капитализации всей страны: «Мы с тобой никогда не ели тунца, а у этого кота «Лёвы», он в консервах содержится». Астролог располагался прямо в магазине, за отдельно стоящим столом. Стол отвратительно зелёного цвета, который даже не удосужились помыть, был завален всевозможными бумагами и предметами антуража, призванными произвести впечатление на клиента. Как раз в это время у шарлатана появился очередной посетитель и не поздоровавшись, с ходу спросил:

— Здесь стригут собак?

— Стригут овец, а у нас — клиентов, — буркнул про себя астролог.

— Чо?

— Ни чо! За углом, говорю, собачачья парикмахерская. Там животных оболванивают...

Вместе с хозяевами...

— А бреют? — поинтересовался клиент.

— Ну, это уж совсем... Побрить, это называется, совсем обобрать до нитки...

Улица встретила пылью и привычными торговцами. Казалось, в этом городе все поголовно только и делают, что продают всё подряд. Продавщица неопределённой восточно-китайской национальности отчаянно вопила, зазывая клиентов, при этом, активно ставя ударение на первой букве:

— Очко! Очко!

Ворон поморщился и сделал заключение:

— Склоняла иностранного гражданина к сожителству в извращённых формах, не совместимых с принципами социалистического общежития. Слушайте, народ, мне этот город начинает порядком надоедать — пора убираться отсюда. Все молча согласились...

Как не крепился народ, а без допинга в туннели соваться оказалось страшно. После принятия успокаивающего, сталкеры немного приободрились, но, как всегда перебрали.

— Надо бы хорошенько топоры заточить, — предложил Мастоdont.

— А где? — разочарованно спросил Крот.

— Знакомый мне сказал, что на окраине города есть небольшие технические мастерские.

— Ха! — вторил товарищу Жук. — Кто нас туда пустит?

— Ты чего обстеснялся? — вмешался Терминатор. — Морду кирпичом и вперёд. Кстати, вон стенка: иди — изучай, тренируйся...

— Шутки шутками, но могут и полицию вызвать — не соглашался Крот.

— Во-первых, — возразил Фёдор. — Сегодня выходной день и на рабочем месте должен быть только один сторож, который за выпивку мастерские продаст, со всеми потрохами...

— А во-вторых? — с подозрением поинтересовался Лис.

— Во-вторых, — продолжил Мастодонт. — Там и проходной-то путной нет — одна видимость. Как говорится — заходи, кто хочет...

Мастерские встретили ржавыми железными воротами и относительно опрятной дверью парадного входа. Сторож долго сопротивляться не стал и через короткое время пребывал в состоянии крайнего душевного волнения от количества выпитого. Другие почти не отставали от местного секьюрити и постепенно осваивались в мастерских. Ради этого, Жук даже стянул с ног сапоги, чтобы дать отдохнуть конечностям. Чингачгук, критически их осмотрев, сделал замечание:

— Жора, ты бы ногти на ногах подстриг. Или ты электриком работать собрался?

— При чём тут электрик?

— Как это при чём? Он надевает когти, чтобы забраться на столб, а ты будешь разуваться, чтобы по нему ползать.

В разговор вмешался Крот, с ходу не разобрав, что к чему:

— Сейчас, для этих целей, полно специальных машин с подъёмниками и про когти все уже давно позабыли.

— А в сельской местности? — возразил Лейб. — Да что там у нас — в нашей стране! Вспомни знаменитую американскую кинокомедию про полицейских — там есть такой сюжет. Видимо, и у них не всегда выгодно машину гонять, так что тогда говорить про нас! Правда, по бетонным столбам ползать — может не получиться, так что стриги товарищу ногти, а то смотреть страшно!

Крот туманным взором взглянул на ноги Жука и возразил:

— Ножницы не возьмут, а кусачек нет.

— У электрика попроси! — подал голос Кот.

— Его тоже нет...

К весёлой компании подошёл Ворон, отлучавшийся по личной нужде и задал вполне закономерный вопрос:

— Чем это вы тут заняты?

— Да вот — решили сделать Жуку педикюр, — ответил Чингачгук.

— Что это ты решился ногти постричь? — обратился Ворон к Жоре.

— Ноги в ботинки не влазают, — ответил за него Крот.

— Не влезают! — поправил его Лис.

— Ну, не влезают... Да какая разница?!

Так как весь мелкий инструмент оказался запертым в зелёных тумбочках рабочих, было принято решение обточить ногти об наждачный круг. Наждак зашумел, набирая обороты, а Жук поморщился и весь съёжился. Через мгновение противно запахло горелой костью, а ещё через несколько минут, Чингачгук бодро заявил о выполненном задании:

— Операция по удалению излишнего кальция прошла успешно! Кстати, рога у кого-нибудь есть, пока техника на мази? Никто ещё не чувствует? Странно...

На другом наждаке Мастодонт затачивал электроды и топоры, поглядывая краем глаза на операцию. Барбариска с ужасом следила за манипуляциями своих пьяных товарищей и её так и подмывало выпить вместе с ними, чтобы не чувствовать себя одинокой и беспомощной среди всемогущего народа. Потом, они конечно осознают свои поступки, но, это будет потом...

Жук с выпученными глазами разглядывал обточенные ногти и всё время пытался что-то

сказать. Кроме несвязного мычания, у него ничего не выходило.

— Хватит гундосить! — резко оборвал Жору Бегемот. — Скажи спасибо, что тебе ногти не на гильотине отрубили.

— На какой гильотине, — ужаснулся Жук, — на которой головы рубят?

— Нет — листовое железо. Вон она — в углу стоит.

Шмель обрубал на станке трёхмиллиметровое железо, для изготовления сюрикенов. При включении гильотины, массивный маховик медленно раскручивался, набирая обороты, а вместе с ними, запас кинетической энергии. После обрубания железного листа, маховик почти останавливался, отдавая всю запасённую энергию на удар. Но, это только на доли секунды, после чего он снова, с шумом, набирал обороты. Шмель собрал заготовки в стопку и скрепил массивной струбциной. Накернив примерно посередине углубление для сверла, он пошёл к сверлильному станку. Отверстие получилось не очень большое, но достаточное для того, чтобы стянуть заготовки вместе крупным винтом. Затем, на токарном станке, он придал брикету фешенебельный вид, а затем и каждой пластине по-отдельности, не разбирая, при этом, стяжку. Наступил финальный аккорд, в виде фрезерного станка. Установив на стол делительную головку, Шмель достал с полки стеллажа промасленную книгу юного фрезеровщика. Найдя раздел с таблицами, относящимися непосредственно к устройству делительной головки, он призадумался: «Сколько лучей у сюрикена будет предпочтительней?» Остановившись на шести, работа закипела. Шмель крутил ручку делительной головки, а фреза снимала миллиметр за миллиметром, вгрызаясь в сырой металл.

— Зачем тебе метательное оружие, — спросил Ворон, скептически рассматривая почти готовые изделия.

— Как я понимаю — огнестрельным оружием разжиться будет проблематично, а?

— Тогда неплохо было бы закалить, — предложил Вова, после того, как работа была закончена.

— В чём дело? Вон горн — вон меха.

Ворон разжёл огонь в тигле и методично орудовал мехами, как на баяне, но, только ногами — каждой по очереди. После того, как металл приобрёл ярко-жёлтый цвет, он посчитал достаточным температуру разогрева. Щипцами, каждый сюрикен по отдельности, Вова окунал сначала в воду, совершая в ведре круговые движения шипящей заготовкой, а затем её бросал в машинное масло на неопределённое время — пока не остынет. Из масла сюрикены извлекались воронёнными, отливая благородной синевой, как чёрное крыло ворона. Последняя стадия — наждак, на котором ампутировались ногти. Сверкающие металлическим блеском заточенные грани лучей, хорошо контрастировали с черноватым фоном изделия. На этом Шмель с Вороном посчитали работу законченной и облегчённо вздохнули.

Сторож за своим столом давно уже не замечал ничего вокруг и мирно беседовал сам с собой. Мастодонт со товарищи, к этому времени, так же закончили свою работу и раздавали топоры с электродами всем участникам концессии. Настала пора прощаться со сторожем и мастерскими.

— А что это за чёрный песок в углу? — спросил напоследок сторожа Лис.

— А-а-а! — неизвестно чему обрадовался тот. — Это отливка чугунных заготовок. Набивают формы в песке и заливают расплавленный чугун. Вот раньше была вторая смена, когда предприятие процветало — это было весело. А сейчас дела захирели...

— А что было во вторую смену? — заинтересовалась Лариса.

— О-о-о! Это целая повесть. На износ работали в первую смену, но, во вторую, рабочие приходили совсем не за тем, чего ожидало от них вышестоящее начальство, исключая мастера. Тот уверенно присоединяется к рабочему классу, сияя красной рожей за своим столом.

Из рассказа ночного сторожа заинтересованным сторонам.

Пьяный токарь держался за станок, мутным взглядом уставившись в одну точку. Время от времени он лениво оглядывался по сторонам, высматривая что-то неведомое, даже ему самому. А барабанчик-то крутится... Хоть и медленно, но, через редуктор, сломать сопротивление, которого, человеческая порода не имела возможности. Пьяный рабочий с гальванических ванн поднялся на второй этаж, где разместилась раздевалка. Он разделся до трусов и пописал в свободный шкафчик. Затем, так же неторопливо оделся. Это у него получилось с трудом и он старался, настолько, насколько позволяло нетрезвое состояние. Нетвёрдой походкой, он спустился в цех и прошёл к своему рабочему месту — к ванне, в которой плескалась азотная кислота. Один неверный шаг и... Как он до сих пор умудряется не сделать его, никому неизвестно.

Явившийся с проверкой начальник цеха схватился за голову и убежал, чтобы никогда не появляться в столь позднее время. Оставалось надеяться на авось, что ничего не произойдёт в его отсутствие. «А вы говорите: начальник, начальник! Кучеряво живётся! Попробовали бы сами оказаться на его месте — постоянный стресс».

Глава восьмая

Круги на полях и сажа на потолке

Распрощавшись с рассказчиком, друзья отправились дальше. Это оказалось не так близко, как могло показаться и только все взяли направление на автобусную остановку, как тут послышался недовольный голос Жука. Как не ухаживал народ за его ногтями, ботинки несчастного рассыпались совсем по другой причине. Что-то надо было делать и товарищи пошли искать ближайший обувной магазин. Пострадавшего оставили под присмотром Терминатора и его товарищей. Остальные изъявили желание прогуляться, после полумрака мастерских. Заодно, следом, увязался и Мастодронт.

— А какой размер нужен? — задал Ворон вопрос Шмелю. — Ты его спросил?

— При сегодняшней моде на длинные носы, размер не имеет значения. Такие ботинки выбирают не по клейму на подошве, а по росту, как лыжи — на длину вытянутой руки. Цифры на подошве, так же не имеют значения. Пример? Пожалуйста! У меня, на зимних ботинках, на одной подошве стоит цифра 44, а на другой — 45, при абсолютно одинаковом размере.

— Как сделали матрицу с ошибкой, так и откатали, — пояснил Чингачгук.

— Эх! — покачал головой Бегемот, выражая своё сожаление по поводу нерасторопности некоторых бизнесменов. — Не могут догадаться, на подошве, нехорошее слово отлить, причём — зеркально. Тогда бы на снегу отпечатывалось...

Всем пришлась по вкусу эта идея и некоторые товарищи взяли её на заметку, намереваясь в будущем попробовать сделать что-то в этом же духе, пусть даже вручную.

Всю дорогу до обувного магазина Лис порывался повторить главные достижения прошедшего банкета и бесконечно канючил у Ворона кусок сыра, которым тот не успел закусить и нёс в руках, не решаясь положить последний в карман, так как к нему моментально пристанут табачные крошки.

— Ворон, да дай ты ему этот сыр! — не выдержал Шмель.

— Лису? Минуточку — фольклор получается: это что же такое творится; я сыр даю, так может мне и спеть заодно? А он что делать будет — жрать? Да на — подавись! Всё равно я его не люблю...

— Странно, — сказал задумчиво Шмель. — И я мёд, как-то, не очень... Прямо скажем, я к нему — индифферентен.

Вова гневно посмотрел на попрошайку и резко высказал всё, что он о рыжем думает:

— Вот доберёмся до частных виноградников — пусть Лис жрёт, как в басне.

— Зачем нам виноградники? — не поняла Лариса.

— А мимо них не пройдёшь к входу в катакомбы, — пояснил Мастодронт, тиская в кармане полученную карту.

— Они сейчас все частные, виноградники, — задумчиво пробубнил Чингачгук.

— Я имел ввиду мелкие участки — садово-огородные, — пояснил Ворон.

— Чем тебе большие не нравятся? — удивился Кот, под усмешку Крота.

— Там охрана, между прочим... Кстати, вспомнил случай, как у меня знакомый мужик за морковкой ходил на колхозные поля. Обрабатывать и пропалывать, как ты сам понимаешь, их некому, да и незачем, и все функции будущего приплода берут на себя повышенные дозы азотных удобрений. Ну так вот: охрана регулярно объезжает поля, в

поисках возможных воров, несмотря на то, что добыть её не так-то просто, потому что она намертво слиплась с землёй, которая в связи с отсутствием дождей и глинистой структурой, представляет из себя застывший цемент. Морковь на повышено-ударных дозах азота имеет угрожающие, для сознания обывателя, размеры. К слову сказать, он, то бишь обыватель, никогда её в магазинах не увидит, так как морковь идёт на производство корейского продукта и, соответственно, крошится в тонкую соломку. Ну так вот: ползут наши герои с рюкзаками за плечами и с ломami в руках. У одного, кажется, фомка воровская в руках была, потому что без этого шанцевого инструмента, морковь, за здорово живёшь, из засохшей глины не добыть — ни за что.

— А почему ползут? — настала очередь удивляться Мастодонту.

— Потому что охрана регулярно объезжает поля, — пояснил Ворон, раздражаясь непонятливости отдельных сограждан.

Бегемот, видимо от пережитого, когда он представлял себя ползущим в разведку, нечаянно испортил воздух, да так, что некоторым показалось, будто бы даже атмосфера приобрела коричневый оттенок. Этот процесс для Моти оказался неподконтрольным и он растерянно оглянулся на пунцовую Барбариску. Звуковое сопровождение сильно напомнило продолжительное рычание двигателя внутреннего сгорания, с постепенным затуханием. Чтобы разрядить обстановку, Ворон сделал вид, что внимательно прислушался к работе техники, после чего, со знанием дела, произнёс:

— В дизеле шестой горшок барахлит...

Лис принюхался к воздуху и сочувственно вынес диагноз:

— Обнаруживаю присутствие в выхлопе двигателя посторонние смеси азота и метана, с примесью сероводорода и ещё кое-каких газов: скантол, индол, метантиол... Но при чём тут диметилсульфид?

— Да, — поддакнул Ворон. — Ведь от него такая вонь!

Бегемот показал кулак, намекая на то, что нос у шутников будет именно таких размеров. Кулак, имитирующий нос, впечатлял, но не поражал. Сам по себе, он был хоть и не хиленький, но... Но если бы это на самом деле был нос...

— Ерунда! — отреагировал на событие Шмель. — Вот у нашего боцмана кулаки — это да! Не нос, а кактус прирос...

Обувной магазин расширенным ассортиментом не баловал. Всё, что продавцы могли предложить, это сандалии к летнему сезону. Пришлось вернуться в туристический магазин, в котором наверняка можно было прикупить то, что надо, для ползания по различным катакомбам и коллекторам. Товарищи не ошиблись. Высокие чёрные ботинки на шнуровке подходили как нельзя лучше: и туристам, и сталкерам, и ещё Бог весть кому... По пути попался хозяйственный магазин и в него зашли на автомате, под девизом: «Ничего не пропустили?» На очередной, из бесчисленных, полок, вниманию предлагался половник с отверстием в ручке. Понятно, для того чтобы повесить его на стену, но, у Шмеля всплыли старые воспоминания, которые он и не замедлил озвучить, крутя поварскую принадлежность в руках:

— Вот мне тут вспомнилось, как я работал в одной конторке. У нас был свой буфет, а в нём к обеду подавались ложки с дырками. Специально сверлили, для буфета, чтобы из него, родимого, их, родимых, не спёрли. И ничего — никто не возражал, но, я питался дома, так как работал в десяти шагах...

— стакан с дыркой нужен, кое-кому, чтобы меньше лопал, — недовольно пробурчала

Лариска.

Ворон не замедлил среагировать:

— Эффект может быть обратный — быстрее пить будет, чтобы ни одна капля не пролилась мимо. А то и зажать отверстие пальцем можно...

Следующим шедевром обустройствающегося города, встреченным на пути, был магазин специального назначения.

— ««Секс-шоп» широкого профиля», — прочитал Кот вывеску.

Облезлое здание ядовито-пастельного цвета не успели покрасить, а многообещающими объявлениями уже успели обклеить. Нелепые граффити так же имелось в наличии, видимо — происки конкурентов.

— Да, — кратко и лаконично, прокомментировал Василий прочитанное. — Простым названием уже никого не заманишь.

Из-за двери доносились визжащие звуки работающей бензопилы.

— Ни хрена себе! — воскликнул Бегемот.

Пила замолкла, но заработала электродрель.

— Что это было? — удивился Лис. — Широкопрофильные извращенцы!

— Там ремонт идёт, — пояснил случайный прохожий. — Магазин ещё не открыт.

— Ноги отсюда! — посоветовал Чингачгук и все поспешили к оставленным товарищам.

Воссоединившись с ожидающими, сталкеры забрались в старый скрипящий автобус, обслуживающий недалёкий пригород, и на нём намеревались проделать остаток пути как можно ближе к точке назначения. Автопарк давно не обновлялся и качественными рессорами транспортное средство не выделялось. На очередном ухабе кто-то подпрыгнул, кто-то сплясал зажигательный танец, а кое-кто чуть не лишился... В общем — кто чего... Южный говор, откликающийся на каждую кочку, не умолкал ни на минуту. Юная мадам так увлеклась, ведя переговоры по сотовому телефону, что сама не заметила, как перешла на крик. На другом конце эфира попросили уточнить номер её телефона. Это девушка проделала бодрым голосом, озвучив свои координаты на весь автобус.

— Нельзя ли повторить и помедленней? — попросил Кот. — Я не успел записать.

Его смерили с ног до головы испепеляющим взглядом, но ничего не ответили. Пыль за автобусом стояла коромыслом, оседая на придорожной растительности неприглядной жёлто-коричневой массой, как снежным покрывалом припорошивая каждую травинку. После очередной объявленной остановки, Мастодронт дал знак остальным на выход и товарищи гуськом сошли на серый запылённый асфальт пригорода. Раздолбанный, он давно требовал ремонта, вот только руки у местной администрации до окраин не доходили. Или средства... Автобусная остановка имела классическую бетонную будку, обложенную примитивной мозаикой. Сколько таких халтур выполнено шабашниками на просторах бывшего СССР — поди, сосчитай. Иногда складывается впечатление, что они как братья-близнецы, созданы руками одного и того же человека, хоть это в принципе невозможно, но, как похоже...

В небольшой станице, встреченной по дороге, подростки кололи дрова, готовясь к зиме, согласно старой русской поговорке. Разломанные сани стояли рядом и требовали капитального ремонта, но у хозяина до них, тоже, видимо, руки не доходили. Подростки, увидев живописную группу, оживились и с ходу сделали коммерческое предложение:

— Поколите нам дрова, а мы вам за это — споём и спляшем.

Вознаграждение было предложено в столь странной форме, что Ворон возмутился:

— Оставьте дрова при себе и давайте деньги, а вот за них, мы сами вам споём и спляшем. И на дуде сыграем... Неважно, что медведь на ухо наступил, а некоторые буквы, в словах песни, проглатываются или заменяются другими, близкими по звучанию, но, далёкими от смысла. Секс-шоп, секс-жоп...

На шум вышел хозяин двора и в благодарность за налитый стакан, поведал сталкерам кратчайший путь к месту назначения, а заодно, рассказал местные новости. Не сказать, что это было чем-то новым, в мировой практике, но весьма примечательным и даже настораживающим: «Ночью образовались круги на плантациях виноградника, положившие лозу на землю. Реанимации, падшие ниц, уже не поддавались. С вертолёта просматривался общий вид росшей агрокультуры, на которой вырисовывался красивейшие узоры, состоящие из чётких геометрических фигур, а внизу бегал красный, от ярости, агроном. Даже шум двигателя и свист винтов летательного аппарата не могли заглушить нецензурную брань сельхозработника. Всем стало ясно, что если лупоглазые явятся для установления контакта, то выжить им не удастся. Не помогут никакие инопланетные технологии, к тому же, косу в сельхозработах ещё никто не отменял... Виноградари соседних районов довольно потирали руки, сокрушаясь лишь о том, что маловато надписей на виноградниках главного конкурента.» Рассказчик закурил и продолжил: «Видите, вдалеке двухэтажные строения? Это можно назвать «старыми новостройками», как ни парадоксально это звучит. Городок посередине деревни... Что такое тягач «Ураган», вам, я думаю, тоже известно. Ну, так вот: приехал на нём сосед, на полчаса пообедать. Поставил технику возле дома, а так как дизель на тяжёлых машинах почти никто не глушит и оставляет работать на холостом ходу, он сделал тоже самое. Выхлопная труба могучего тягача размещена очень высоко. Солярку он жрёт на зависть всем мечтающим отхлебнуть, из чего-нибудь. Если чуть отступить, к предыстории, то получается следующая картина: дом без конца проседает, а дорожное покрытие без конца поднимают, накладывая новый асфальт поверх старого. В результате — окна на уровне асфальта, а выхлопная труба тягача «Ураган» на уровне форточки. Так и пытел на холостых оборотах «Ураган», пока не вернулся с обеда водитель. Мощная перегазовка разбудила всех спящих котов в округе, а в квартире соседа добавилась солидная порция сажи. Закопчённые стены и потолок, чёрная мебель, бывшая, некогда, почти белая. В атмосфере помещения витает сажа в таком количестве, что это ограничивает видимость до полуметра. Она медленно оседает на белоснежные покрывала, цветастые ковры и, неосмотрительно оставленный открытым, свежесваренный борщ. А сосед только что сделал ремонт...»

— Да-а-а, — задумчиво протянул Жук. — Как же быть с защитой окружающей среды?

— Крот презрительно хмыкнул и ответил:

— Забота о зелёных насаждениях, выпуск качественных дизелей... Тягач везёт за собой такую ракету, которая внесёт такой вклад в экологическую ситуацию на планете, что все разговоры о чистоте самого двигателя, просто неуместны. Да и у самой ракеты движок, поди, работает на ядовитых компонентах, самый безобидный, из которых, окислитель — азотная кислота. В общем — топливо токсичное. едкое, в комнате соседа нечего было бы оттирать, а его самого, просто-напросто, испарило бы... Вместе с квартирой...

Заночевать решили перед входом в катакомбы, а утром, с новыми силами, двинуться дальше в неизвестность. Костерок не спеша разгорелся и согревал не только консервы, но и душу. Её согрело и кое-что другое, да так, что сон не шёл, а разговор очень даже клеился. Новые знакомые клевали носами, а вот Кота понесло в дальние дали — вспоминать весь

бестиарий, когда-либо им услышанный. Он сладко зевнул и потянувшись, спросил Ларису:

— Лариск, а ты не боишься в подземельях бродить? Там, говорят, гномики попадают...

— Вот ты и бойся! — огрызнулась Карамелька и отвернувшись, уставилась взглядом на огонь костра.

— Ты чего, Лар? — озабоченно спросил Ворон, при этом не забывая о переменчивом настроении подруги.

— А чего это Кот меня гомиками пугал?

— Не гомиками, Лариса, а гномиками, — пояснил суть вещей Ворон. — Расставляй приоритеты, а Вася просто букву «Н» плохо выговаривает. Иногда...

— А при чём тут сказочные персонажи в современных катакомбах? — встрял в разговор Жук.

Эту фразу он произнёс без расстановки знаков препинания и без интервалов между словами, будто в полёте, вместе с майским родственником. Кое-кто уже порывался достать сачок для ловли инсектоидов...

Вова незлобиво плюнул под себя и закончил начатую лекцию:

— По легенде, гномы под землёй, без усталости, сокровища ищут.

Крот поморщился и, махнув рукой, опроверг всем известную мифологию:

— Да ну, действительно — фольклор, всё это.

— Что — не встречал? — расплываясь в улыбке, подколот его Лис.

Шмель опёрся рукой о плечо Бегемота и приподнялся. Размяв затёкшие ноги он, задумчиво посмотрев в кромешную темноту, окружавшую временный бивак странников, и загадочно сказал:

— Кто его знает... Есть или нет гномики и прочие гомики под землёй, но, чем дольше живу, тем больше не уверен, что это не так.

Разговор по этой теме больше не клеился и все замолчали. Костёр сгорал не спеша, без ярких смоляных вспышек и неожиданных протуберанцев, характерных для смолистых дров средней полосы России. Бегемот, смотря на таинственные пляски огня, неожиданно произнёс:

— Топливо расходуется равномерно, как в умном доме...

Все взоры обратились на него, но сказать было нечего: ни опровергнуть заявление, ни посмеяться над ним.

— Умный дом, умный дом! — недовольно проворчал Терминатор, вернувшийся из небытия. — Развлечение для одиноких и скучающих идиотов! Все его функции скоро так осточертеют, что компьютер, обеспечивающий программу всех функций «умного дома», большее время будет отключен. Если не постоянно...

— Точно, — поддакнул Лектор. — Дальше, чем пользование услугами автоответчика на телефоне, дело может не пойти. Ну, включит программа тебе стиральную машину ночью... Грузить в неё грязное бельё всё-равно придётся вручную!

— Точно! — подтвердил Мастодронт. — Нет ничего лучше умной домработницы.

— И сексапильной, — засмеялся Диплодок. — Да, Федь?

— Почему бы и нет. К тому же ещё если молодая...

Ворон усмехнулся и сказал:

— Приходишь с работы — хочется отдохнуть в тишине, а не общаться с механическим умником, а он к тебе с предложениями лезет...

— Или с проблемами, — подхватил Лис. — Например: «Хозяин — шухер! В шкафу нападение моли на меховое изделие!»

Шмель усмехнулся и вынес свою версию дальнейших разворачивающихся событий в умном доме:

— Суперпринтер уже завершил операцию по печатанию денег. Бумага в приёмном лотке закончилась, а заявление в полицию отправлено. Как честная программа, я не могла этого не сделать. В гараж можно не бежать — машина не поедет по двум причинам: запах алкоголя изо рта и ожидание приезда полицейских... Отхлебнуть с горя тоже не получится — холодильник не откроется ни за что, из за превышения дозировки на сегодняшний день. Этот факт был установлен входной дверью. Судя по красным глазам, зафиксированным дверным глазком, и выхлопом изо рта, прошедшим через идентификационный фильтр, норма превышена в несколько раз — сейчас ещё и спецмашина из вытрезвителя приедет. Скандальить не советую — скажи спасибо, скотина, что тебя вообще за порог пустили, с такой рожей! Приятного вам вечера...

Все посмеялись, а Кот поделился своими впечатлениями:

— Насчёт шубы... Мне понравилась реклама в одной газете, примерно следующего содержания и в стиле комикса. Разговор двух идиотов с такими же идиотскими рожами: «Где продать машину?» «Подай объявление на сайт ХХХ. Я так уже шубу жены продал!» При этом нарисовано чистое лицо, без намёков на следы побоев — ни одного синячка или кровоподтёка. Нормально вроде бы выглядит... Значит жена ещё не узнала о продаже!

— Да, ляпов до фига и больше, — согласился Чингачгук. — Вот старый советский фильм — случайно посмотрел небольшой сюжет: «Война. Взятие нашими немецкого города. Полуразрушенный дом. «Осторожно — наверху женщины и дети! — даёт вводную командир. — Стрелять аккуратно и прицельно! С этими словами он достаёт гранату и сорвав чеку, бросает в дверь, даже не пригнувшись. «Пошли...»».

— Ну а что — молодец! — довольно потирая руки, похвалил героя Бегемот. — Гранату, как кулёк конфет захреначил...

— Да уж, — невесело заметил Жук. — взрывной волной, наверное, и в соседнем доме всех контузило...

В разговор вмешался Крот, до этого больше отмалчивавшийся:

— Ещё один ляп из последнего «Терминатора — генезис»: людей ловят, чтобы отправить в лагерь на уничтожение. Видимо, роботу, в тупую железяку, являющуюся головой, не может прийти простая мысль — из другой головы яичницу сделать. Прямо на месте и не заморачиваясь с поездками!

Лис в сердцах сплюнул и продолжил уже оставленную тему:

— Насчёт «умной техники». В Южной Корее целый город строят — умный. Социальная тюрьма. Немного желающих найдётся жить в таких условиях, как скоты на ферме. Всё за тебя сделают: вовремя покормят, за половым актом проследят по видеовизору, не забыв, при этом, дать кучу полезных советов и отпустить пару едких комментариев. Задницу подотрут.

— Ну что это? — не согласился Чингачгук. — Найдутся такие люди. Сами любят в замочную скважину подглядывать и балдеют от того, что за ними подсматривают... Болезнь... При этом возникает чувство безопасности от одной только мысли о тотальной слежке.

Ворон поморщился и перебил:

— Взгляд на личную жизнь через отверстие замочной скважины — оставь этот сюжет

для режиссёров мыльных опер. Сквозь призму кинематографии это деяние воспевается и возводится в ранг дозволенного. Каких скотов только не увидишь... А этот город — подготовка к приходу единого всемирного правительства. Вот в таком обществе — всё должно быть под полным контролем определённых организаций. А насчёт тюрьмы, ты пожалуй прав. Там тоже самое, только условия значительно хуже.

Лис устало взглянул на товарища и сказал:

— А тебе не кажется, что какие потребители, такие и запросы... Такие же и ответы...

— Безусловно, — согласился Ворон. — Это не обсуждается. И так всё ясно.

* * *

В эту ночь Ворону снился странный сон о том, как Барбариска поднимала полёгшую на плантациях виноградную лозу. После того, как агроном с красной рожой попытался помешать ей в этом благородном порыве, Лариса наградила труженика сельхозугодий испепеляющим взглядом. Кожа на раскрасневшемся лице агронома облезла... То, что не желало подниматься, добровольный помощник отрезала секатором и оттаскивала на межу. Она украдкой поглядывала: то на поверженного агронома, то на секатор — явно что-то замышляя. Ворон ещё подумал сквозь сон: «Как-то неуютно наблюдать за тем, как лихо Барбариска управляется с секатором — это вызывает нездоровые ассоциации». Сквозь туманную пелену сновидения, перед тем как проснуться, он услышал последнюю фразу, растаявшую вдалеке: «А ты не пробовала у неверных мужей отрезать?»

* * *

Лис нервно ворочался во сне, переживая собственные сновидения. В его пригрезившемся мире, где-то на далёкой таёжной делянке мужики валили лес, укладывая брёвна правильными геометрическими фигурами и приправляя крепкими выражениями сильные удары топора. Впрочем, они слабели, с каждой минутой — как удары, так и выражения. Пар валил от телогреек, подобно дыму из трубы котельной. Усталость и подогрев делали своё дело и скоро от былой удали не осталось и следа. Нагрянувший с проверкой начальник взглянул на полёгшие тела и сурово спросил: «Почему не работаем? Без зарплаты остаться захотели?» Мужики с выпученными глазами уставились на визитёра и в один голос прорычали: «Сил больше нет — мы объявляем голодовку!» Начальник поднял брови дугой и обрадованно-удивлённо промурлыкал: «Да? Нет, ну вы просто молодцы! Честное слово, парни, вы — просто герои! Нам тут самим жрать нечего... За это вам наше искреннее, сердечное спасибо! Кстати, как утверждают диетологи, сейчас голодом лечатся многие болезни. Так держать!» Он осмотрел макушки не срубленных сосен и придал лицу задумчиво-загадочный вид. «Интересно, — подумал начальник, — они пару недель выдержат?» Оторопев и разинув рты, лесорубы молчаливо прослушали эту тираду словесности, а когда начальник ушёл, заводилу мероприятия долго били...

* * *

Бегемот переживал простенький сон: негры в саже, на тягаче «Ураган», повезли украденный уголь.

* * *

Как гласит поговорка: «утро добрым не бывает». Костёр потух, разводить его азарта не было ни у кого и все единодушно согласились обойтись без горячего чая, ограничившись на завтрак холодными консервами. Чингачгук крутил в руках стеклянную банку с кабачковой икрой, внимательно рассматривая её со всех сторон. Кот скептически оценил его действия и постарался, как можно циничнее, испортить аппетит не только Лейбу, но и всем остальным:

— Ну что ты тискаешь это дерьмо — думаешь, ещё чем-то можно полакомиться? При такой-то жизни... Тонкая кишка уже всё отжала...

Ворон встал с места и тяжело вздохнув, поторопил народ с принятием пищи:

— Всё — пора! В час «X» уходит последняя оленья упряжка.

Глава девятая

Тепло и холод чужих городов

Внутри тоннеля было тихо, сыро и мрачно. Бетонные стены, казалось, насквозь пропитаны влагой, поступающей с поверхности. Лучи фонарей скользили по ним сиротливыми солнечными зайчиками, которым не за что уцепиться на серой шероховатой поверхности и от этого, они беспорядочно скользили по загадочному строению, неизвестно для кого и для чего построенному. Карта указала дальнейший маршрут передвижения, а компас подтвердил это. Товарищи, зябко ёжась от прохлады подземелья, медленно перемещались в указанном, стрелкой магнитного прибора, направлении, время от времени чертыхаясь на вездесущий конденсат, холодными каплями падающий за шиворот. Так как капюшоны оказались не у всех, то в ход пошли целлофановые пакеты, предусмотрительно выброшенные в ближайшую урну, а захваченные с собой. Полегчало. Технология XX-го века работала безукоризненно. Кто-то уже надевал пакеты поверх носков... Хоть луж под ногами и не было, но всепроникающая сырость умудрялась дать о себе знать даже в водонепроницаемой обуви. Даже в резиновых сапогах. Шмель обречённо вздохнул и пожаловался Ворону:

— Сырость задолбала! Под ногами сухо, а носки хоть выжимай...

— Что ты хочешь — повышенная влажность воздуха, — ответил Вова. — Тут ничего не поможет: ни резина, ни что-либо другое.

— Странное дело, — продолжил тему Шмель. — Читал в одной рыбацкой книге, будто бы в охотничьих сапогах можно весь день в воде простоять и ноги останутся сухими, но, стоит только пройтись, в тех же самых сапогах, по утренней росе, как носки уже можно будет выжимать. Просачивается роса сквозь резину... Кстати, и тут же автор предложил описание рецепта замазки сапогов, для таких случаев. Всё не помню, но в состав точно входит воск.

— Куда без него, — согласился Ворон.

Лис, одухотворённый поднятой темой, ударился в воспоминания про иностранных туристов, уповающих на свою импортную водонепроницаемую одежду. После того, как им предложили целлофановые накидки, произведённые родной российской промышленностью и склеенные доморощенными русскими альпинистами, с помощью газет, фторопластовой ленты, утюга и паяльника, те — гордо отказались. Тыча корявыми пальцами в цветастые наряды, они талдычили, без устали, одно и то же загадочное слово. Кто-то догадался, что это фирма, производящая одежду для туризма и спорта... Уже через полчаса иностранцы стыдливо ломали шапки, насчёт обретения отвергнутого русского целлофана. Все хвалёные фирменные шмотки промокли до нитки, не выдержав натиска горной стихии.

Пока троица обсуждала мировые рецепты, а остальные натягивали пакеты на все конечности подряд и во всевозможные места, Чингачгук возился с загадочным прибором, который, до этого, никто, из присутствующих, в его руках не видел.

— Лейб, что это за хреновина? — спросил Лис, с подозрением косясь на агрегат.

— Темнота! Это — карбидная лампа. Работает на газе ацетилен, выделяющемся при реакции карбида кальция с водой. Очень популярна у спелеологов. При работе на освещение, светит до десяти часов, а ещё на ней можно тушёнку разогреть.

Бегемот скептически осмотрел лампу и заметил:

— У тебя, я смотрю, всё работает на химических реакциях: фонарь, утюг, грелка... Стоит ожидать самогонный аппарат на похожих технологиях.

— А что! — оживился Кот. — Разложение спирта, воздействием электрического разряда, напряжением 220 В и мощностью, примерно, 0,5 А.

— Всё испортишь, — возразил Крот. — Це два аш пять о аш. При разложении — что останется? Углерод, водород да кислород. Частично получишь воду...

Бегемот, сидя в тёмном углу по-большому, испортил воздух и прокомментировал собственные действия:

— Сероводород — вот. Углерод шмякнулся... От воды избавляемся... Так, возможно получение водорода... Кислород — отличный окислитель! На всякий случай, в ближайшее время, лучше не прикуривать!

На новых знакомых появление из рюкзака на свет карбидной лампы не произвело никакого впечатления. И Диплодок, и Лектор и Мастоdont, вместе с Терминатором, давно были знакомы с подобными технологиями и в отличии, от обрётённых друзей, химический фонарь навевал на них глубокую скуку.

— Прошлый век, — прокомментировал событие Диплодок. — Сейчас из Японии другие поставляют. Более совершенные. Да и Китай не отстаёт.

— Ничего, — отмахнулся Чингачгук. — Кто хиппует, тот поймёт...

Ворон покрутился вокруг Лейба с его лампой Аладдина и только сейчас заметил Жука с таким радостно-блаженным лицом, что не удержался от замечания:

— Ты чего такой довольный? Перестань сиять, как медный таз, а то вокруг твоей морды через пять минут образуется ламповая флора!

Жора растерялся и только смог, что выдать из себя:

— Чего?!

— Чего-Чего! Вырастут на роже простейшие растения: мхи там всякие, лишайники и прочие водоросли.

— А?

— Не акай! Они появляются в тех местах пещер, где для туристов специально включают искусственное освещение. При полном отсутствии света в пещерах, даже электрическая лампочка, включаемая на несколько часов, является сильным стимулом для роста и размножения всевозможных водорослей.

Жук хотел что-то прожужжать в ответ, но запутался в определении направления собственной мысли, поэтому просто махнул рукой, давая понять, что не собирается вступать в бессмысленную полемику, результат которой он себе ясно не представлял. Ворон тоже махнул в ответ и сказал:

— Пора. Все прихорошились? Нас ждут чудные привидения на пути к цели.

Барбариска напряглась и настороженно спросила:

— А ты откуда знаешь?

— А я не знаю — так, ляпнул, от нечего делать...

Дальнейший путь оказался и скучным и долгим. Кому-то он показался вечностью, кому-то просто затяжным приключением, в котором длительное время ничего не происходит. Сколько прошло времени, никто не знал, так как ни один из приключенцев даже не удосужился посмотреть на часы. На руке был только компас у Ворона, а мобилы доставать охоты не было, ни у кого. Обратный путь предполагалось проделать в лёгкую и без компаса, ориентируясь исключительно по пустым бутылкам, регулярно оставляемых на месте частых

привалов. Возврат на вимане предусматривался, но, если только повезёт. В это верила только Барбариска. А сейчас... В тоннеле, сколь-либо значительных ответвлений, соперничающих по размеру с основным проходом, товарищи не обнаружили. Как сказал негромкий голос из темноты, оставшийся неопознанным из гуманных соображений: «Ещё пяток стеклянных маяков и не только проходы не увидим, а дальше собственного носа ничего не разглядим».

Через некоторое время бетонные стены всё чаще попадались покрытые ржавыми подтёками. В них уже встречались железные конструкции, постепенно заменяющие собой цемент. Фальшивые двери, такие же рыжие, как лисы на снегу, сбивали с толку, не давая сосредоточиться. Когда после пятой попытки вырваться наружу, Бегемот, за корабельной дверью в очередной раз наткнулся на глухую стену непонимания, со стороны конструкторов сооружения, он громко выругался матом. Дело в том, что дверь просто так не поддавалась — все механизмы запираения и прочие засовы проржавели. Проржавели настолько, что приходилось прикладывать немалое усилие для их отпираения. Пот градом катился по лицу Моти и Ворон предложил производить сие действие по очереди, но тот отказался, мотивируя отказ необходимостью худения да и вообще — общего укрепления тонуса жиреющих телес. Товарищи состроили скорбные лица. Затем все единодушно и равнодушно пожалы плечами, в душе одобрительно поддерживая добровольный почин товарища, солидарно пожелав ему удачи на тернистом пути. Сбрасывать лишний вес никто за просто так не собирался, особенно Терминатор. Тощий, как глиста, он постоянно претендовал на дополнительный паёк. Если Кот имел на него претензии в связи с большим ростом и соответствующей комплекцией, то Витя, с точностью, до наоборот. Но оба имели одну причину — не протянуть ноги от голода... Поэтому, тратить лишние калории, ворочая неподдающееся железо, у обоих была весомая, а главное, уважительная причина. У остальных нашлось бы не меньше поводов не предпринимать никаких действий, но они их не озвучивали... После очередной железяки, вмурованной в бетон, Бегемот устало стряхнул левой рукой пот со лба, а правой, указав на непослушную дверь, выпрямился и сказал:

— И сколько их ещё придётся открыть?

Мастодонт неопределённо пожал плечами и придав лицу неуверенно-философское выражение, ответил:

— Кто его знает? В карте про это ничего не сказано.

Мимикрия, к которой прибегнул Фёдор, получилась очень богатой на изгибы и с её помощью, он рисковал получить паралич лицевого нерва.

Диплодока внезапно озарило вдохновение, граничащее с отторжением духовного и материального мира:

— А может быть двери вообще не нужно трогать? Дойдём до конца и там видно будет.

— Вполне возможно, — поддержал его Лектор.

Лис усмехнулся и подвёл итог совещанию:

— Я вообще не знаю, на кой Мотя к ним пристаёт. А вдруг откроется дополнительный проход в соседние помещения, которые ведут в никуда? Эдак мы рискуем застрять здесь навсегда...

Барбариска молча слушала все доводы за и против. Ей так не терпелось обследовать хоть что-нибудь... От этого она забыла о подлинной цели путешествия, сверля рыже-коричневые двери ненасытным взглядом. За переборками могли скрываться великие тайны, но, пока что открывался серый бетон, с вездесущими ржавыми подтёками. В некоторых

местах они были бледными, в других — почти красными. Встречались и цвета детской неожиданности, а кое-где, практически чёрные пятна. Кто-то явно издевался над исследователями, проделав немислимую работу по дезориентации последних. Дальнейший путь проделали молча, подсчитывая в уме количество нескрытых калиток, коих злой гений в изобилии раскидал по проходу, замуравав в стены. Конец этого пути оказался банальным, до неприличия — дверь попросту лежала навзничь, как-будто кто-то вышиб её ногой. Вокруг железного косяка лохмотьями свисала грязная паутина и какие-то растения, похожие на бородастые лишайники. Сквозь открывшийся проход пробивался дневной свет, с трудом минуя растительность и продукт жизнедеятельности паукообразных. Убрав подвернувшейся полуистлевшей палкой с дороги посторонние нагромождения и выкинув её туда, откуда поднял, Ворон шагнул в открывшееся пространство. Им оказалась заброшенная речная посуда, лежавшая на берегу. Выход-вход был замаскирован в самоходной барже, некогда перевозившей всевозможные сыпучие грузы. Сухогруз казался настолько древним, что у некоторых попутчиков в голове промелькнула тень сомнения о целесообразности прикасаться к чему бы то ни было. Изъеденные коррозией переборки, в лучшем случае могли рассыпаться в труху, а в худшем — рухнуть на головы незадачливых приключенцев. Ясно было одно — поблизости местность безлюдная. В крайнем случае, здесь нет судоремонтных заводов, а то от баржи бы давно остались светлые воспоминания её ветеранов, бороздивших речные пространства. Как сказал Ворон: «Тут вообще нет цивилизации — отсутствует напрочь, в противном случае баржу бы давно местные мастера сдали на металлолом». «Чего гадать-то? — получил он в ответ. — Сейчас выберемся наружу и всё станет ясно...»

Когда товарищи покинули сухогруз и вступили на условно-твёрдую землю, взору открылись необозримые дали. Они оказались посреди плавней, простиравшихся до видимого горизонта. Оценить снизу перспективу дальнейших походов было трудно, и Ворон, рискуя здоровьем, забрался на капитанский мостик ржавой посуды. Запах ила и тины преследовал неотступно, даже здесь. Насколько хватало глаз, шелестел камыш с тростником, с редкими вкраплениями рогоза, а вдалеке серебрилась нитка реки. Всюду сверкали на солнце небольшие блюдца озерцов, приличных озёр и заводей. Радужные разводы поблёскивали не только на открытой воде, но и на влажном иле. Что это — нефтяная плёнка или продукт гниения болотной органики... Ржавый налёт прочно оккупировал основание тростника, распространяясь далеко от гниющей баржи... Согласно спутниковому навигатору, любезно предоставленного Лектором, сталкеры оказались в значительном удалении от точки назначения — посередине обширных болот, да ещё на другом берегу реки. На этом, кроме сырости и дебрей камыша, ничего не было, а на противоположном бряге ждали приключения, раздолбанный агрегат в мёртвом городе, одноимённом с этой рекой, и прочие варяги...

Между делом время приближалось к вечерней поре и пора было позаботиться о ночлеге. У Диплодока нашлась заваливающаяся капроновая палатка, без окон и дверей... Дверь может и была, но жёсткий каркас отсутствовал напрочь. Мастодонт критически осмотрел изделие, а Лектор твёрдо заявил:

- Сейчас будем синус на косинус натягивать.
- Ты бы лучше палатку натянул! — сплёвывая, предложил Терминатор.
- А я что делаю?
- А ты на Барбариску косишься...
- Ха! — вмешался Кот, довольно улыбаясь. — У неё поменьше будет, чем вход у

палатки.

— Ну, чего тебе не нравится, филолог хренов!? — огрызнулся Гена, насупившись и придав лицу суровое выражение.

Виктор снисходительно улыбнулся и, подбоченясь, пояснил:

— Не палатку натягивают, а её боковины, снабжённые верёвками, которые и заводят на кольшки, а палатку — ставят.

— Иди в задницу — здесь не литературный кружок, чтобы за базаром следить. К тому же у этого изделия нет верёвок. Ткань удерживает непосредственно внутренний каркас, который Диплодок дома забыл.

Во время словесного поединка один напоминал известного древнего оратора, а другой древнего змия. Казалось, что Терминатор, извиваясь всем телом, ловил малейшее дуновение ветерка.

Ворон подумал о том, что на их счастье, Лариса была вдалеке и не слышала всего разговора, особенно — реплику Кота, но Крот с Жуком чуть всё не испортили, решив по своему подколоть бандершу.

— Лариса! — надрывно прогудел Крот. — Тут тебя поминают, а ты всё пропустила.

— Угу! — поддакнул Жук, смерив на себе гневный взгляд Ворона и оценив его жест указательным пальцем, крутящимся вокруг своей оси напротив виска.

— Ты чо, Витя, обалдел? — спросил сурово Вова. — Скандала хочешь?

— Я не подумал, — растерянно оправдывался Крот, ковыряясь носком сапога в болотной грязи.

— Как дети малые, — подвёл итог Шмель и пошёл на помощь установщикам палаточной конструкции.

Если не делом, то добрым советом всегда можно помочь товарищам, только нужно иметь достаточную сноровку, чтобы вовремя увернуться от летящих в тебя предметов. От острого слова не увернёшься и в таких случаях всегда назревает словесная перепалка, грозящая перейти в мордобой.

Без поллитры не разберёшься, — сделал вывод Чингачгук, не решаясь спешить на помощь мастерам своего дела.

— Чего звали? — спросила Лариса, подойдя к топчущемуся, в нерешительности, Ворону.

— А — проехали, — махнул тот рукой и тут же изъявил желание присоединиться к остальным в их неравной борьбе с капроновым мешком. — Ну, я пошёл...

— Иди-иди, — загадочно ответила Лариса.

— Куда-куда? — весело передразнил её Ворон.

— В Баден-Баден! — зло отреагировала извечная оппонентка.

— Хорошо-хорошо! — весело согласился Вова, задорно чеканя каждое слово.

— Мягко, — вмещался Бегемот, вяло ворочая языком. — Надо бы пожёсче. Например: в известное место и не два раза повторить, а три-четыре.

— Меня и на один раз не хватит, — буркнул Ворон, отмахиваясь обеими руками от вездесущих остряков.

Время терпит, корявые руки всегда работу найдут и худо-бедно, через пару часов палатку всё-таки установили. С кольшками, натягивающими тент, решили не заморачиваться, а привязали верёвки непосредственно к тростнику, предварительно связав его в пучки. Множество корней вполне справлялось с такой задачей. Только основные колья

пришлось поискать. В этих местах, по всей видимости, давно не ступала нога дикого туриста, потому что пару опор всё-таки удалось найти. Они вросли в тину, а не пошли на костёр, в угоду пьяным пришельцам. С дровами для костра было ещё хуже и пришлось прибегнуть всё к тому же газовому примусу. Посередине диких плавней синее пламя горелки выглядело загадочно и Чингачгук, отходя по нужде, невольно вздрогнул. Вспомнились все рассказанные истории про блуждающие огни болот, кладбищ и мрачных подземелий. Поспешно он вернулся к товарищам и, зябко ёжась, поделился своими мыслями с остальными. Утомлённые примусом и стандартным подогревом, сталкеры расслабились и Лектор поведал о местном контингенте, время от времени, посещающим эти места. По его словам, встречались тут и доморощенные «Деды Мазаи», и Тургеневы и прочие Наполеоны. Вот одна история, оживился Гена:

— Топала по болотам странная тройца: Герасим немой, собачка Муму слепая, а «Болотный поводырь» — глухой.

— Ну и что? — не понял Жук.

— Что-что: ничего не слышу, ничего не вижу, ничего не говорю — только чёрная вода осталась свидетелем этих походов. Даже «новорусская» барыня приезжала с «Большой земли» искать Герасима. Он у неё работал: то ли садовником, то ли, как в классике — дворником. Смотрела в тёмные воды предательской заводи и плакала.

— Что ж она — не могла другого холопа завести? — осторожно спросила Лариса, ловя на себе косые взгляды попутчиков.

— Может быть — любила? — предположил Лектор. — Никому ничто человеческое не чуждо. А чо — что прикажет, то и сделает! А ему что ещё остаётся? Герасим и возразить-то не может: всё «му-му», да «му-му»... И звучит-то, как «да-да»... Рассказывали, будто бы он один раз попросил у неё денег, неизвестно на что.

— Как? — спросил Крот, изогнув брови дугой и, при этом, состроив крайне глупое лицо.

— Просто! — пояснил Гена. — Написал сумму на клочке бумаги.

— А она?

— Она ему ответила — «му-му!»

— Прикололась, значит...

— Да нет — дар речи потеряла.

— Каких только баек про заек не напридумывают! — сплюнул Мастодронт, зябко ёжась в поношенный плащ, дюже смахивающий на дореволюционный зипун.

Он посмотрел на почерневшее небо. Редкие звёзды уже набирали силу, только дожидаясь полного погружения солнца за горизонт. На болота опустился туман и настроение, от этого, кое у кого, стало ещё загадочней. Кому мерещился дом родной, кому таз с пивом, а кому-то все прелести сразу. Фёдор посмотрел на ближайшую проплешины в плавнях, уже невидимую из-за сизовато-белесых испарений и мечтательно высказался:

— Цистерна варенья и вагон печенья. Ну, а что? Ещё подводу с дрожжами подогнать, а воды, на болоте, и так в избытке.

— А при чём тут печенье? — перебил его Диплодок.

— Будет чем закусывать — остолоп!

— А-а-а!

— То-то и оно...

Идея была не нова и не раз высказывалась: то со страниц журналов, то с экранов

телевизоров, но здесь она приобретала другое ощущение. Ощущение полноты бытия и полной возможности её реализации.

— Деревьев не видать, — для чего-то сказал Чингачгук.

Этот очевидный факт не остался без внимания остальных участников эпопеи, в противном случае, на поляне горел бы костёр, а не пыхтел примус.

— На кой они тебе? — лениво спросил Лейба Кот.

— Наблюдательный пункт бы сделали...

— О! — оживился Терминатор. — На высоком вязе, в развилке ветвей, один сталкер устроил наблюдательный пункт. В ствол дерева он вбил металлические скобы, с помощью которых, плотники соединяют между собой брёвна; натаскал наверх досок и сколотил приличный шалаш. Запасы всякой всячины он хранил в дупле, пока в нём не завелись шершни. Дупло находилось чуть выше шалаша и с другой стороны дерева, так что найти тайник было непросто, если заранее не знаешь его предположительное местонахождение.

— В чём прикол? — спросил Лис, очнувшись от состояния кумарения, то есть — между сном и бодрствованием.

— В шершнях! — эмоционально воскликнул Виктор. — Неужели непонятно? По словам бедолаги, там их около сотни или больше. В брезентухе не полезешь — запинают. а в пластинчатых доспехах наверх не залезешь. Да и где их взять? Так и осталась шхера без присмотра. Точнее — под присмотром бронированных летающих насекомых.

— Да уж, — согласился Шмель. — Мало того, что жала у них о-го-го, так ещё и яд качественный. Плюс, ко всему, челюсти будь здоров. Они в дубах сами гнёзда выгрызают...

— Ходят байки, что шершни на полной скорости быка с ног сшибают, — добавил Ворон. — Хотя я лично, в этом — не уверен.

— Применил бы мужик подобие самодельного огнемёта, — предложил Бегемот, неизвестно для чего.

— У сталкера в дупле хранятся какие-то ценности, которые могут от огня испортиться, — пояснил Лектор. — А то и сдетонировать... Он и керосином пытался травить оккупантов, но его к дереву на пушечный выстрел охранники не подпустили, постоянно грозя влупить промеж глаз...

— Да, — вздохнул Бегемот. — Скворечник сталкер не удержал...

— Вот интересно, — сказал Лис. — К скворца дом — скворечник, а у грача — грачильник, что ли?

— Типа того, — мрачно подтвердил Ворон.

Разговор зашёл в логический тупик и все замолчали. У пытливого ума не может быть простоя, особенно после принятия допинга и Чингачгук поинтересовался у старожилов здешних мест:

— А монстры тут есть?

— Мы же здесь, — уклончиво ответил Гена.

— А всё же?

— Э-э-эх, — вздохнул собеседник. — Чего тут только нет. Даже учёные с большой земли приезжают... Привезли они как-то раз с собой клетку. Здоровенную такую. Поставили её в самом нехорошем месте и забрались внутрь, намереваясь скоротать ночь, при этом изучая повадки местной живности. Прутья у клетки толстые. В таких, даже белых акул наблюдают, в естественной среде обитания. Зубами, учёных, конечно не достать, но, просчитались крутолобые: не учли того момента, что можно внутрь пописать, кинуть камень

или, на худой конец, просто плюнуть.

— Кислотой, — добавил, к сказанному, Диплодок.

— А какие учёные приезжали — легальные или нетрадиционной ориентации?

— Это в каком смысле? — насторожился Лектор.

— Да в обычном, — выдохнул Лейб. — Государственные мужи, спонсируемые руководством научных учреждений, или исследователи альтернативного ответвления науки?

— Обеих полов, — ответил Гена, вытянув вперёд правую руку с открытой ладонью.

Жест успокоил Чингачгука. Открытая правая ладонь, помимо отсутствия оружия, на языке жестов означала, именно спокойствие и безопасность; отсутствие угроз и прочих неприятностей. Лейба это не убедило... Он призадумался и спросил:

— Искали что-то конкретное или всё подряд? И почему они между собой не передрались?

— Потому что наведывались сюда в разное время! — разозлился Лектор на назойливость вопрошающего. А вот один раз приехал действительно контуженный гражданин, при чём на всю голову. Он математик. Все, наверное, слышали про таких учёных, которые хотят каждое действие всех людей положить на язык алгебры и связать всё это воедино. Сюда присовокупляется всё: история, астрология, шансы на везения и неудачи и прочая белиберда... Наш пришлый герой пошёл ещё дальше: он писать ходил строго по расписанию, высчитанного им. Жратву принимал исключительно по математическим таблицам, им же и составленными. Каждый продукт имел свою нумерацию по классификации высшей алгебры, каждая калория порядковый арифметический номер... По ночам его преследовали интегралы... Ещё какая-то гадость... Он всё подсчитывал и подсчитывал, чтобы жизнь сталкеров сделать легче, да и всем остальным жителям зоны отчуждения. Остальные предпочитали подсчитывать деньги в кошельках и возможные проценты с прибыли, а не возможное количество чудес.

— И? — замер Чингачгук в крайнем изумлении.

Остальные выглядели не лучше.

— Что «И»?! — передразнил его Гена. — Хотели прибить математика, чтобы не мучился, да закон не позволяет.

— Какой? — с подвохом спросила Лариса.

— Любой, — с сожалением ответил оратор, задумчиво всматриваясь вдаль. — Хоть Божий, хоть государственный...

Чёрная мгла окончательно поглотила болота, утопив в себе даже туман. Теперь стало неясно, отчего видимость ухудшилась...

— А «Чёрные сталкеры» бывают? — поинтересовался Лис.

— Водопроводчики бывают, — уклончиво ответил Алексей. — Поговаривают, что в одном хуторе есть водокачка с сюрпризом. Бак наверху. Десятиметровое, в высоту, каменное основание, круглое в своём сечении.

Костя жаждал продолжения и, в нетерпении, весь напрягся, подавшись корпусом вперёд. Он только и смог, что выдавить из себя:

— И?

— А к двери пришпандорена растяжка. Когда она открывается, под днищем бака взрывается граната, разворачивая железо. Поток воды, хлынувшей сверху, смывает всё: и дверь, и гостей.

— Что-то конструкция сложновато выглядит! — усомнился в правдивости рассказа

Ворон. — Проще было бы применить классический вариант — граната крепится неподалёку от двери...

— Это шутка, а не смертельная ловушка, — пояснил Диплодок. — Надо же «Черному водопроводчику» как-то прикалываться! Ну, не воду же травить, вместе с потребителями!

Примус тепла не давал. Холода особого не было, но, болотистая местность богата на сырость. Последняя проникает во все места и жара костра, в данном случае, явно не хватает. Не хватает главной туристической особенности, без которой песни не поются. Даже водка не помогает, теряя в темноте свойства катализатора. Как сказал один матёрый турист: «Под свет фонаря песни горланить, это всё-равно что встречать брачную ночь с резиновой куклой.» Романтики с большой дороги, просто романтики с туристическим уклоном, а также прочие социальные элементы — все жмутся ближе к языкам пламени. Даже простые мальчишки, которым до дома рукой подать — обожают развести костёр, от нечего делать, а уж если есть сырая картошка, испечь её в углях сам Бог велел. Зола скрипит на зубах, совместно с речным песком; пачкает лица не хуже, чем угольный карандаш заморские рожи буржуйского спецназа и делает руки мальчишек похожими на руки кочегаров. От реки веет теплом воды, от костра жаром углей, а от печёной картошки просто несётся аппетитный аромат.

Ворон сплотнул слюну и отогнал от себя эти воспоминания давней юности. Сырой картошки не было, костёр заменил какой-то нелепый суррогат, шипящий синим пламенем и тот вскоре погасили, экономя энергоресурсы. Над болотами повисла непроглядная мгла... Южная ночь, чёрная, как негритянка, звала в свои объятия всех влюблённых и просто похотливых созданий, устилая грешное ложе лепестками несбыточных обещаний. Ворон пошёл по другому пути. Действие, которое он выбрал, не совсем подходило случаю и уж совсем не вписывалось в протокол сталкерских посиделок — он начал плести стихотворные вирши. В голове у Вовы вертелась одна мысль: «Всё не эдак, всё не так — может быть всё от того, что костра нет?» Получалась дикая смесь белых стихов с традиционными. Через некоторое время он всё-таки решился зачитать своё творение:

- Южная ночь,
- Горячая кровь,
- Горячая сосиска,
- Холодная Лариска...

Полтергейст бушевал сам по себе, частенько выходя из под контроля Барбариски. Целые и пустые банки летали по поляне, целясь в голову неудачливого поэта. Нераскрытые жестянки, пролетая мимо Вовиной кепки, мялись об мягкий грунт плавней, а раскрытые, разбрызгивая содержимое по поляне и ошалевшим сталкерам, с гудением скрывались в ближайшей стене камыша, отприкошетив от того же грунта. Отступить было некуда: от бронебойной банки в камышах не спрячешься, да и консервы, почему-то, поражали именно это избранное пространство. Прямо-таки излюбленное... Аномальное образование затихло само по себе, неожиданно резко, как и началось. Шмель устало окинул взглядом место происшествия и усмехнувшись, сказал:

— Я кажется уже слышу предательский запах каннибализма, идущий от примуса. Притом, жарится та часть, которая уже упоминалась в литературном шедевре.

Свежеобретённые друзья с испугом жались ближе к земле. Хотя полтергейст и угомонился, они всё же не решались принять непринуждённые позы. Постепенно энергопотенциал болотного монстра иссяк. Истощённые силы требовали восстановления, а их резерв ждал только искры, для своего воспламенения. Есть ещё порох в пороховницах... Этой искрой послужил вполне безобидный, с мужской точки зрения, диалог. Вопрос Диплодок задал шёпотом и на ухо Ворону:

— А сколько вашей Ларисе лет?

На что получил очень громкий ответ, выраженный в форме вопроса на вопрос, да так, чтобы Барбариска не просто услышала, но и поняла, что речь идёт про неё и касается именно данной темы:

— А сколько ты ей дашь?!

Знакомый с этим анекдотом Шмель молниеносно поддержал обоих смертников, тем самым вступая в их ряды:

— Не ври — столько не живут!

Полтергейст бушевал с новой силой. В этот раз ему пришлось изобретать новую тактику нападения, так как учитывая предыдущий опыт обороны, рядовые сталкеры предусмотрительно попрятали все консервы. Весёлая ночь среди бескрайних болот грозила пройти в бесконечных распрях. Лис, видя беспомощность Барбариски, обещал, в последствии, когда та остынет, научить её клеить лук из тростника: «Связка относительно упругих стеблей, при их грамотной компоновке, может стать грозным оружием. На стрелы идут все те же стволы, но их, так же, можно изготовить из рогоза — у него стебель покрепче будет. Кстати, шишку можно оставить. Намочив её бензином и поднеся спичку... Ну, тут главное грамотно прицелиться Ворону в... Это зависит от твоей фантазии.»

* * *

Снился Ворону странный сон. Почему-то в голове мелькал сюжет, связанный про мясорубку в клетке... С дальнего хутора приполз еле живой монстр, держась лапой за сердце и с ходу попросил: «Сердечные капли дай! А на хутор не ходи — вырвет...»

Рядом с Вовой, у полноценного костра, сидел Мастодронт, протягивая руки к живительному теплу. Из-за ближайшего тростникового оазиса доносился запах жаренного мяса... Где-то вдалеке, молодой волк протяжно выл на полную Луну, временами с надрывом. Тоскливый вой разносился далеко по округе, настораживая неопытных охотников, а матёрых сталкеров заставляя плевать. «Без тебя тошно, — проворчал Фёдор, кутаясь в поношенный зипун, пошитый на неизвестной фабрике неизвестного фабриканта ещё при царе-батюшке.» Он поднял воротник, накинул капюшон, а саму голову, ещё глубже втянул в плечи...

* * *

Наступило очередное недоброе утро. Народ разминал затёкшие члены, зябко ёжась от прохлады, переложённой болотной сыростью. Кряхтя и охая, на ноги поднялись все без исключения. Даже пенопропиленовые и полипропиленовые лежанки оказались

неспособными справиться с холодом, идущим, казалось, из самых глубин плавней. Тростник мирно шелестел на пару с камышом, пытаясь убаюкать неопытных первопроходцев этой местности, но старые тёртые калачи не теряли бдительности. Радиационные очаги заражения поджидали новичков в любом углу, особенно в воде, где их карта менялась произвольно. Составить её не представлялось возможным, хотя и на берегу ветер вносил свои коррективы в перемещении альфа-частиц по своему усмотрению. Мастоdont оглядел место лежбища; оценил потенциал и наличие сухого тростника среди его зелёных собратьев, почесал затылок и сказал:

— Нам придётся переправляться через реку. Деревянной шлюпки, способной держаться на воде, нам не найти, скорее всего, поэтому предлагаю на удачу особо не уповать, а строить тростниковую лодку.

— До реки далеко? — спросил его Ворон.

— Порядочно.

— Так ты что — здесь собрался зелень рубить? — возмутился Вова. — Дойдём до реки, там и строить будем. Или на берегу пусто?

— Да нет, — растерянно ответил Фёдор. — Завались, как и везде... Я просто наперёд мыслю...

— А-а-а, — примирительно промычал Ворон. — Ну, это другое дело...

— Кстати, — добавил Мастоdont к сказанному. — Нам нужна вовсе не зелень. В дело пойдут старые сухие стебли. Молодая поросль пойдёт на перевязку: канаты, канатики, жгуты и прочие растительные верёвки. Свои беречь надо...

— Когда будем переплавляться — ночью? — осведомился Лис.

— Ты что думаешь — при дневном освещении по тебе стрелять начнут? — насмешливо ответил Фёдор.

На берегу реки кипела работа. Кто плёл канаты, кто вил верёвки, но основная масса работников сносила к месту строительства рубленый сухой тростник. Кто с большими связками, кто с охалками тростника, а кое-кто, просто откровенно филонил.

— Как на плантациях конопли, — мрачно сказал Ворон, глядя на заготовщиков сырья, не забыв при этом усмехнуться.

— Вот-вот, — поддакнул Лис, кидая на песок очередную связку сушняка. — Лучше бы этот тростник был сахарный. Нагнали бы рому...

Бегемот, кряхтя под грузом, согласился:

— На такой воде, из этой реки — в самый раз.

После нескольких часов работы, стало ясно, что такая утлая посуда всех не выдержит. Пришлось Ворону подключать к делу воспоминания и выковыривать из памяти прецеденты. Тут его осенило и он бросился к своему рюкзаку. Достав из него лёгкую, но толстую целлофановую палатку, он удовлетворённо покачал головой. Набив внутренности палатки тростником, Ворон связал оба конца верёвками: и тот, где отверстие, и перёд импровизированной лодки, чтобы она была похожа именно на лодку, а не на бесформенный плот. Вёсла Вова изготовил из пластиковых бутылок, которые пришлось освободить от содержимого. Первые испытания прошли настолько успешно, что первоначальный проект все единодушно отвергли, к тому же он имел весьма сырой вид и требовал серьёзной доработки. Как тростник без целлофана поведёт себя на воде, никто не мог предположить и про «Ра 3» сталкеры тут же постарались забыть. Что значат несколько часов бессмысленной работы, по сравнению с вечностью? Команда решительно встала на философские рельсы и в

изделие полетела спичка.

— Зачем? — попытался заступиться за народное творение Кот. — Стояла бы здесь, как памятник.

— Вот именно! — резко оборвал его Чингачгук. — Потом в нас все сталкеры стали бы пальцами тыкать...

Народ попытался избавиться от содержимого пластиковых бутылок, с намерением сконструировать из них вёсла, но Шмель вовремя остановил эти действия, в результате которых экспедиция могла временно остаться без надлежащей тары.

— Вёсла будем изготавливать плетёные — из тростника, — пояснил он команде суть вещей. — Как из ивы корзины плетут.

Через некоторое время к Шмелю подошёл Крот и сказал, протягивая на досмотр и утверждение корявое изделие:

— Как решето.

— Натяни на них маленькие целлофановые пакетики, придурок...

Жук критически осмотрел произведения рук человеческих и задумчиво сказал:

— Один раз я видел, как спортсмены через реку переправлялись.

— Какие? — недоверчиво спросил Крот.

— Теннисисты.

— Кто?!

— Игроки в настольный теннис.

— С чего это ты взял? — уставился на него товарищ.

— Потому что, Витюша, они ракетками гребли, для игры в этот вид спорта.

— Это вёсла такие, придурок! — обиделся на шутку Крот. — И вообще — гребни, хоть сапёрной лопаткой...

В опустившемся на воду вечернем тумане, один за другим таяли силуэты гребцов. Кроме незлобивого мата ничего не нарушало романтическую идиллию переправы. Другой берег скрывал белый покров, плотной стеной висевший над водой и, если бы не малая ширина водоёма, с его течением, по которому можно ориентироваться при выборе направления движения, то немудрено было бы заплутать... Постепенно, последний десантник растворился в атмосферном явлении...

Глава десятая

Жизнь мёртвого города

Жёлтое солнце печальным призраком вставало над зловещим горизонтом. Кроваво-красное зарево распространилось на всё небо, революционным стягом зовущее к бессмысленным победам. Наспех разведённый костерок с натугой пыхтел, шипя полусырыми дровами. Противный сизый дымок витал над поляной, постоянно пытаясь залезть в самую душу, если учесть тот момент, что глаза — её зеркало. Души слезились, народ чертыхался, а вода постепенно закипала. От болотной воды чай имел противный привкус и Ворон мечтательно вздохнул:

— Эх, сейчас бы «Чёрного дракона» хлебнуть...

— Нашёл о чём мечтать, — проворчал Шмель. — Одна цена в тысячу баксов за маленькую пачужку отобьёт всю охоту к чаепитию.

— При чём тут деньги? Главное — вкус.

— Ни чего себе — при чём!

— Я имел ввиду халяву, — пояснил Ворон, морщась от болотного напитка. — Вкус там, наверное, отменный.

— Это как сказать, — возразил Шмель. — Тебе может и не понравиться. У китайцев собственный взгляд на чайные церемонии и продукты к ним. Во всяком случае, вкус может оказаться специфическим. Даже очень. Хотя бы один способ приготовления «Чёрного дракона» говорит об этом.

— Это какой? — вмешался Лис.

— Первую заварку выливают, на фиг, а для меня она самая главная. Единственная! А вот оставшиеся «нифеля» — на фиг. Не существует для меня второй заварки...

— Да, — согласился Бегемот. — Наши люди не оценят вторичной переработки. Воспитанные на перваче...

— Робко жмутся к душистой браге! — засмеялся Чингачгук.

Крот отхлебнул чай из своей кружки и сказал:

— Не понимаю — в чём сыр-бор? Чай как чай.

— Действительно, — подтвердил Жук, попивая свой напиток.

— Да вам всё едино, — махнул на них рукой Кот. — Вы никогда не были настоящими гурманами. Даже коньяк солёными огурцами закусываете.

— Давно ли ты пивал настоящий коньяк? — возразил Крот, скривив губы в презрительной ухмылке. — Такой стоит бешеных денег, а тот, что предлагается в ассортименте наших магазинов, не грех и селёдкой заедать.

— Закусывать, — поправил его Жук.

— Нет, вот именно — заедать! — не согласился оппонент. — Чтобы отбить непонятный привкус...

— А-а-а, — равнодушно отстал от него товарищ и вернулся к процедуре чаепития.

В процессе завтрака, только Лариса не ограничилась горячей водичкой сомнительного качества, а, как истинная леди, извлекла из рюкзака горсть леденцов и расписную коробку печенья. Цветастая упаковка вызвала в памяти Шмеля далёкие советские годы, когда пищевая промышленность не баловала своих потенциальных клиентов излишним рукоделием. Чужих — тоже. Упаковка имела бледный, невзрачный вид, во всяком случае, по

сравнению с такими же зарубежными аналогами. Указывая рукой на коробку печенья, он рассказал товарищам забавную зарисовку из советского прошлого. Начал он не спеша, почти смакуя каждое слово:

— Стояли мы как-то в Югославии. Тогда страну ещё не успели поделить на удельные княжества и называлась она именно так. По сравнению с другими странами социалистического содружества, она считалась богатой. Наша база была в маленьком приморском городке, рядом с Дубровником. В тех местах летом отдыхали на своих виллах и зарубежные туристы.

— На своих? — удивился Ворон.

— Ну, может быть — на съёмных. Не перебивай — не в этом дело, а в том, что они состоятельные клиенты для местного обслуживающего персонала и для торговых точек. Городок маленький, а в нём аж два больших супермаркета: продуктовый и промышленных товаров. И ещё куча поменьше. Так вот, по сравнению с нашими сельпо, это, без преувеличения, выглядело настоящим капитализмом. Там москвичи с питерцами рты разевали не хуже своих менее продвинутых сослуживцев. Ну, ближе к делу. Заходим, как-то раз с мичманом в продуктовый супермаркет, а он был мужик из простых и такого изобилия в жизни не видел. Один набор колбас, развешанных на стене, чего стоил. От толщины с авторучку они медленно возрастали в размерах до полуметра в диаметре, но, его привлекла именно расписная коробка с печеньем. Нагнувшись к моему уху, он с замиранием сердца произнёс: «Смотри, какое красивое печенье! Так бы и съел его, вместе с коробкой!» Я ему посоветовал держать себя в руках. Милиционеров я в городке не видел вообще, но они, как известно, возникают ниоткуда, в таких ситуациях.

— Ничего, — улыбнулся Кот. — Сослались бы на временное умопомешательство.

— В состоянии аффекта укусил пачку печенья? — рассмеялся Чингачгук. — Расписную такую...

Шмель тоже усмехнулся и добавил к сказанному:

— Если бы так получилось, то я даже не могу себе представить последствий этого поступка.

— А почему милиция, а не полиция? — спросил Терминатор. — По-моему, в странах содружества была везде полиция.

— Кроме Югославии, — возразил Шмель. — В Дубровнике видел единственного на весь город милиционера. При нём имелась служебная машина и на ней было чётко написано, на местном языке, «Милиция». Кстати, про рекламу времён поздней перестройки. Присылает мужик в редакцию известного на всю страну журнала этикетку, с вопросом: «Что это такое?» На ней: «Лимонад «Буратино». На клочке бумаги стоит полубоком Буратино-Геркулес. Рожа злобная, а в мускулистой руке заветный золотой ключик, похожий на отмычку от амбарного замка, весом, эдак так, пуда на два. Вылитый покемон. Вот до чего доводят самостоятельные поиски маркетинговых ходов, срисованных вслепую с запада.

Народ посмеялся и стал собираться в дорогу. Небо посветлело и из красного постепенно стало розовым, пока совсем не приняло более привычные цветовые оттенки. Мастодронт долго сверялся с картой, восстанавливая в памяти наиболее превентивный маршрут, пока не указал рукой направление. Вроде бы у него всё сходилось: и с картой, и с памятью, и с компасом, но, он продолжал хмуриться, в чём-то явно сомневаясь.

— Что-то не так? — спросил подошедший Ворон.

— Ты понимаешь — на нашем пути находится нелегальный рыбзавод, а на нём

пришлых не любят. Не приветствуются там посторонние глаза и уши... Придётся сделать крюк...

— Что это за нелегальный рыбзавод? — удивлённо поинтересовался Шмель, чуть не ошалев от услышанного.

— Огромные бассейны, — пояснил Лектор. — На них выращивают ценные породы рыбы: озёрную форель, осетров и некоторые другие виды.

— А почему нелегально? — засомневался Лис.

— Потому что условия такие, — ответил Терминатор. — Когда потребитель узнает, откуда балычок с чёрной икрой, то... Ну, сами понимать должны. А растёт здесь рыба на удивление хорошо.

— Ну ясно, — усмехнулся Бегемот. — Кормление форели с лопаты. Мужика, вместе с ней, чуть на дно не утащило. Хорошо что черенок сломался...

— Примерно так, — улыбнулся Диплодок. — В водоотводном канале живут сомы. Все угрожающих размеров, которых там зовут по именам. Идущие на службу люди подкармливают их батонами...

— А откуда взялись огромные бассейны, — поинтересовался Крот у новых знакомых, — неужели сами копали?

— Это бывшие отстойники, — пояснил за всех Лектор. — И прочие гидротехнические сооружения.

Оставив нелегальных, а от того нервных рыбководов в стороне от своего маршрута, приятели плюхали практически по неизведанным болотным тропам. От этого пришлось сделать изрядный крюк и все порядком устали. До города было ещё далековато, но и привала в плавнях больше никто не желал. Привкус протухлой воды до сих пор стоял во рту, заставляя постоянно сплёвывать. Кот без конца об этом напоминал, зачастую в самых непристойных выражениях. Барбариска на него гневно косилась, а Шмель вспомнил старую бабушкину поговорку:

— Не хай воду, а не то обдрищешься!

— Ой, судя по запаху, уже начинается, — подхватил дружескую подколку Чингачгук.

Жёлтое солнце окончательно разогнало багровый окрас на небе, когда сталкеры постепенно выходили на сухие места. Отдельные лужицы и оазисы тростника были ещё часты, но уже во всём чувствовалось приближение твёрдой земли, а когда стали встречаться группами корявые деревья, товарищи поняли — их болотные мытарства закончились.

Городские улицы утопали в зелени. Она здесь буйствовала, стараясь занять все доступные места. Росла она и на кирпичных стенах, укореняясь даже на самом маленьком комочке земли, ветром надутого в расщелину. Бесхозный город поглощался растительностью не хуже, чем его брошенные собраты в тропических дождевых лесах. «Не одина ли судьба и тех и этого?» — подумал Шмель, но, вслух свою мысль выражать не стал. «Почему бы и нет», — проскрипела в мозгу вторая извилина. Упёршись в серое здание, автор скорбных мыслей обречённо прочитал название, некогда государственного заведения. «Мля — прачечная,» — простонала третья мозговая извилина. «Этот город над нами издевается!» — возмутилась четвёртая. «Как некультурно!» — мысленно, но хором, прокричали пришельцы, независимо друг от друга. Решительно дёрнув ручку на себя, Ворон, не менее решительно, вошёл в рабочее помещение. Он решил для себя раз и навсегда покончить с неопределённостью, насчёт устройства подобных заведений, так как ни разу в них не был. К слову сказать, приёмные пункты теперь находятся далеко от мест постирушек... Огромные

стиральные машины стояли в ряд. В их барабаны можно было запихать всех пришедших сюда сегодняшним днём, вот только электричества не было, чтобы повернуть содержимое. Вестибюль прачечной оказался скучнее — он был пуст. Отделанные кафелем стены навевали скуку, и Вова не менее решительно, чем вошёл, покинул заведение. Удовлетворив своё любопытство, он теперь находился в растерянности, относительно того, куда сейчас направить стопы. Ларисе нетерпелось немедленно бежать в КБО, остальные, относительно дальнейших действий, не имели вообще никакого мнения, а вот новые знакомые советовали не торопиться, а осмотреться вначале. На вопрос Лиса, почему нужно партизанить, Диплодок ответил просто:

— Конкуренция.

— Это в каком смысле? — насторожился Бегемот, не ожидая увидеть в этих местах себе подобных.

— Во всех: и в прямых, и в переносных. Возможно даже пищевое соперничество...

От этих мыслей Моте стало не по себе и он уточнил ситуацию:

— Здесь что — как по «Бродвею» шастают?

— Бывает и так, — лениво ответил за товарища Лектор, а Терминатор добавил. — Туристов полно. Новоявленных сталкеров, пытающихся оставить свой след, не только в истории движения, но и в мировой культуре — пруд пруди. Да и насчёт нашего дела не стоит исключать конкурентов.

— Действительно — пруд пруди, — проворчал Чингачгук. — Форели в рыбхозах тоже что-то есть надо...

В бане, расположенной рядом с прачечной, почти сразу за магазином «Берёзка», было так же скучно.

— Интересно, — высказал мысль вслух Кот, — какой здесь предлагался комплекс услуг?

— У кого чего болит, — усмехнувшись, ответил Ворон, вспомнив старый анекдот. — Плата по таксе. Такса — тысяча рублей.

— Ладно — давай, тащи сюда свою таксу, — подыграл ему Лис.

Крот с Жуком слушали своих товарищей, не зная в каком месте смеяться, а Чингачгук, между тем, подытожил результаты таких походов в «кино»:

— Учти, Вася, это — беспроигрышная лотерея.

— Это в каком смысле?

— Или скандал, или Венера, в виде одноимённого заболевания, или... Тут вариантов может быть много. И вообще, будь осторожен, а то закажешь тайский массаж...

— Ну и? — заинтересовался Кот, понимая, что это разговор ни о чём.

— А вместо стройной таитяночки явится... Короче, пошли мои знакомые в подобный банный комплекс. Заказали простой массаж и через некоторое время в дверях нарисовался массажист таких угрожающих размеров, что у второго приятеля закрались сильные сомнения в целесообразности этих услуг, относительно своего товарища. Они очень быстро вырастали в худшие подозрения, чем он и не замедлил поделиться с банщиком: «А он не порвёт его, как «Краковскую» колбасу?» «Кого?» — с придыханием уточнил банщик сиплым голосом, искоса, и с некоторой долей брезгливости, поглядывая на клиента. «Пациента, естественно! А ты что подумал — старый извращенец?»

Бегемот увидел на полу бани эмалированную, самую обыкновенную стандартную ванну, вытащенную, по всей вероятности, из отдельного номера. Она сильно пожелтела, но была

ещё вполне работоспособной, без видимых следов ржавчины.

— Сейчас бы ванну принять, — мечтательно озвучил он свои мысли.

Ворон поперхнулся, представив себе это действие:

— Ты что, Моть — министр Рыбного хозяйства, чтобы кого-то принимать? Сказал бы просто: поплескаться, искупаться или помыться, в конце концов. Потом — она для тебя мала. Помнишь закон Архимеда, после которого он крикнул: «Эврика!»? Чего тебе делать в пустой ванной?

В соседнем здании ранее располагался шахматный клуб, о чём гласила выцветшая вывеска.

— Нет, — простонал Шмель. — Он то что здесь делал? Давайте убираться отсюда, а то, что-то, слишком много нелепых совпадений в одном месте.

Поликлиника, расположенная неподалёку, зияла чернотой выбитых окон, и справедливо рассудив, что там делать нечего, друзья направились в противоположную сторону. Проходя мимо очередного детсада, коих в этом городе было на удивление много, Лис прочитал его название:

— «Жар-птица».

— Ну и что тебе в названии не нравится? — спросила Лариса, заступаясь за будущее всех детей мира.

— Да вот — навеяло. Вспомнил, как Иван-дурак профукал жар-птицу, а мог бы баньку топить с её помощью. Засунул в печку и порядок — дрова на-халяву.

— Ну, как это даром? — возразил Чингачгук. — Эта сволочь, кроме молодильных яблочек, ничем другим питаться не желала. А эти фрукты ещё добыть надо...

Шмель согласно кивнул головой и добавил:

— Да, кроме этого, есть ещё кое-какие параллели с её западным аналогом — фениксом. Чего он жрал — не знаю, но к следующей баньке возрождался из пепла.

— Буратино — тоже ихний побратим, — прибавил к сказанному Ворон. — В печку его. Один пень — он тоже западный герой. Банька будет, что надо!

Облезлая парикмахерская, встреченная на пути, почему-то вызвала повышенный интерес сталкеров. Крот с Жуком заглядывали в пустые витрины цирюльни, сами не ясно себе представляя, чего они там хотят высмотреть.

— Парикмахерская, — прочитал Крот давно не сияющую неоновую вывеску, которую и так все прекрасно видели.

Кот усмехнулся и спросил любопытствующего элемента:

— А ты что хотел узреть на этом месте? Действующий бордель?

— Да вот, что меня удивляет. Все названия меняют, подстраивая их под благозвучные. Я понимаю, что цирюльник, в современном обществе слово устаревшее и его заменили на парикмахера. Это название, в свою очередь, поменяли на стилиста, но, чем спелеолог не угодил? Сменили на диггера. Это, если я не ошибаюсь, могильщик? Или копальщик?

Он вперился глазами в Жука, сделав вид, что Васю в упор не замечает.

— А я знаю? — раздалось в ответ противное скрипение, напоминающее шелест крыльев майского собрата из отряда насекомых.

— Ты слово парикмахер подели на составные части, — продолжил Крот. — Что получится?

— Парик махер, или парик ма хер.

Виктор согласно кивнул головой:

— Вот так вернее будет, особенно последний вариант. Только «ма» необходимо заменить на «на» и окажется — вполне благозвучно.

— Стилист от слова стиль — это понятно, — неопределённо промычал Жора, при этом показав изрядную долю мимики.

— А что, напудренный парик носить на..., разве не стильно? — смеясь, вмешался Кот. Бегемот похлопал его по плечу и, широко улыбаясь, посоветовал:

— А ты, Василий, когда вернёшься в цивилизованные места, попробуй это на определение реакции женского населения.

— Ну вы — философы! — прервал их Ворон. — Завязывайте разглагольствовать, а то вечер скоро. Надо как-то с ночлегом определяться.

Мастодонт призадумался и посоветовал товарищам план действия на ближайшее время:

— Есть тут небольшой хуторок неподалёку. Кстати, там можно запасы пополнить, да и вообще — заpastись всем необходимым. На этом хуторе все приезжие сталкеры пасутся, кто не рассчитал с провиантом, а особенно — с горилкой.

— Ну так веди, Сусанин! — оживился Вова.

Жёлтое солнце не спеша клонилось к закату. Путь оказался недолгим и вскоре товарищи вышли к намеченной цели. Покосившиеся строения стояли без всякого первоначального плана — чего где поставили. Плетень так же не отличался вытяжкой по струнке и щемящая сердце грусть чего-то родного охватила сталкеров. Знакомая, каждому славянину, разруха вносила успокоение и, как это не парадоксально, создавала в душе уют. Милая грязь под ногами, вместо цивилизованного асфальта, радовала, заставляя почувствовать себя в «своей тарелке». Обругав очередную предательскую лужу, замаскированную толстым слоем пыли, друзья готовы были встретиться лицом к лицу с «Проводником», как его назвал Мастодонт и жившего непосредственно здесь. На мгновение их что-то удержало от окончательного шага выйти из-за кустов, последним кордоном вставших на пути. Пока они обчищали об траву жидкую грязь с обуви, то заодно, сквозь ветки, рассматривали происходящее посередине двора, хоть там ничего необычного не происходило. Достаточно классическая картина небольшого хуторка — мужик колет дрова. С натугой поднимая колун, он с кряхтением обрушивает его на упрямое полено. Небольшие колятся сразу, а вот с крупными экземплярами приходится изрядно повозиться: то с помощью клина, то откалывая с боков небольшими щепами, но обязательно с помощью мата. Чурбан трещит, мужик кряхтит, а у наших героев молниеносно созревает иезуитский план. Спрятавшись в кустах, они готовы привести его в действие. Очередной замах колуна и удар. Едва стальное лезвие касается деревянного торца толстого чурбака, слышится громкий хоровой выдох: «У-у-ух!» Мужик разогнулся и растерянно оглянулся. С подозрением осмотрев вокруг себя видимое пространство, он, естественно, ничего не обнаружил. Постояв в раздумье некоторое время, мужик повторил процедуру колки дров. «У-у-ух!» — разнеслось по окрестностям. Отголоском, даже, промелькнуло одинокое: «Твою мать!» Мужик подскочил на месте, как ужаленный. Вокруг не было ни души. «Показалось?» — промелькнуло в его похмельной голове. «Пора с пьянкой завязывать!» — решил лесоруб. После очередной коллективной помощи, помогающей мобилизовать энергию отдельного человека, усиливая её многократно, донёсся ещё один голос: «Лариска — не пищи! Это не лесопилка». Не дожидаясь непредвиденной реакции подопытного, ставшего объектом глумления, Мастодонт вышел из укрытия и громко поприветствовал хозяина:

— Здорово, дед!

Мат-перемат долго стоял над одиноким хутором, пока Проводнику не налили. После этого он несколько успокоился и даже не стал спрашивать, зачем к нему гости пожаловали. Впрочем, к нему, как было сказано ранее, приходили за одним и тем же и разборчивостью, в гастрономических пристрастиях, как правило, один от другого, не отличались. Дед зачем-то посмотрел в вышину синего неба. Кое-кому показалось, даже несколько тоскливо. Потеребив пальцами редкую поседевшую бородёнку, он тяжело вздохнул и расплылся в блаженной улыбке.

— Во, — сказал Лектор Терминатору на ухо. — Эликсир пошёл по венам.

Тут Проводник спохватился, вернувшись на грешную землю и удивлённо спросил:

— И это всё?

— Своего ему мало, — незлобиво проворчал Диплодок.

— Своё денег стоит, — усмехнулся в ответ Мастодронт. — Причём, отнюдь не гипотетических.

После второй порции горячительного дед пустился в воспоминания, которые сменялись с грустных на радостные и обратно, пока не скатился к горестным. Окинув взглядом полуразрушенное хозяйство, он сделал горькое заключение итогу собственного жизненного пути:

— Старуха померла...

— Все вопросы к Коту, — буркнул Чингачгук. — Он у нас в этом деле большо-о-о-й специалист.

На ночлег разместились прямо во дворе, устроив посередине импровизированную поляну. Проводник разрешил, для пущего уюта, даже развести небольшой костерок в специальном кострище, но сон быстро сморил уставших за день товарищей и разговоров, в этот вечер, не получилось. Не прошло и полчаса, как мирный храп оглашал не только хутор, но и ближайшие окрестности.

Утром, предательский хруст солёного огурца разбудил весь двор. Сталкеры синхронно открыли глаза. Ранние птички замолкли, перестав щебетать, а ёжики непроизвольно свернулись в клубки. Зайцы, в ближайшем перелеске, приготовились к низкому старту. Нештатный интендант Ворон напрягся, сжимая в руке сапёрную лопату, а личный состав приподнял головы. Рядом с остывшим костром сидела Лариска, возвышаясь над останками продуктов. Огромный огурец застрял во рту, а она боялась жевать...

— Ларисонька, — спросил её Ворон, втыкая штык лопаты в землю, — а ты, случаем, не того?

— Не того, — сердито ответила Барбариска. — Позавтракать, что ли нельзя?

— Одна?

— Вы дрыхните, как сурки...

— Ну, разве если только позавтракать, — примирительно согласился Вова, энергично поглаживая озябшие плечи.

— Чего ты к ней пристал? — вмешался в разговор Лис. — Может она закусывает...

— Без нас?! — возмутился интендант.

Ворон подался всем корпусом к Шмелю и спросил:

— И всё же интересно — если она беременна, то от кого?

— От мужика, естественно...

Сталкеры уже вовсю дымили костерком, когда в дверях хаты появился Проводник. Он

зябко поёжился и беглым взглядом осмотрел окрестности. Оценив ближайшую перспективу на погодные условия, дед скрылся за дверью. Не прошло и минуты, как он снова появился на пороге, но уже не в трусах и валенках, а в тёплой фуфайке, помнящей времена Яна Собеского. Видел ли её сам поляк, история умалчивает, но заплаты, которыми ватник был поштопан-перештопан, выглядели ещё древнее. Терминатор ткнул Диплодока локтем в бок и сказал:

— Я уж было думал, что ему придётся прогул поставить.

— Сейчас — дождётся, — скривился в ухмылке товарищ. — Его грязно-синяя фуфайка помнит всех постояльцев этого двора.

Лектор поднял голову, покоившуюся на груди, и, скептически посмотрев на Проводника, сказал, ехидно усмехнувшись:

— Мог бы с собой и бутылочку горилки прихватить.

— Он тебе что — разъездной буфет? — засмеялся Мастодонт.

После сказанного, лицо Фёдора приобрело задумчивое выражение, настроение быстро переменялось с весёлого на грустное и было непонятно: то ли его охватила ипохондрия, то ли он пустился в воспоминания, явно носящие следы сожаления о былом. Вздохнув, он на выдохе прошептал:

— Да-а-а — были времена...

— Какие? — спросил Жук, подняв на него красные, от едкого дыма, глаза.

— Первое время, когда сталкерское движение только зарождалось, сюда потоком хлынули не только любители приключений, но и авантюристы всех мастей. В отличие от сталкеров, которых увлекает сам процесс исследований, проходимцев интересует исключительно жажда наживы. Вот так и появился в этих местах разъездной буфет. В его состав входили: мужик, грузовик и две бабы. В последствие они обзавелись автофургоном, сменив маловместительный кузов на будку. Развозили по городам и весям товары первой необходимости, включая венерические заболевания. Жратва в пакетах, мука в мешках, а сюрприз прилагается вместе с носителями этого товара, в дальнейшем именуемыми продавцами. Для водки, кроме устоявшейся тары, не придумали ничего нового. Были, правда, жестяные банки, точно такие же, как пивные, но: то ли не прижились, то ли запретила санэпидемстанция, неясно — осталось старое верное стекло. Вот сырьё под ногами — песок: хоть микрочипы шлёпай, хоть стеклотару... Короче — не брезговали торговать даже зубной пастой. «Подходи, милый, бери, что хочешь — только деньги плати!»

— А где они теперь? — спросил Крот.

— Пропали, — ответил Мастодонт, задумчиво глядя куда-то вдаль. — Исчезли, так же внезапно, как и появились. Слухи разные ходили, одни нелепее других, но истины, как всегда, не добиться.

— У них чего только не было, — подтвердил Лектор. — Я, один раз, даже бутылку джина купил, на радостях, от внезапно свалившегося заработка.

Жук оживился и радостно крикнул:

— Джинн! — Бутылку мне!

Ворон скептически поглядел на повеселевшего товарища и ответил за разносчика призов:

— Я думал ты серьёзный человек — две попросишь.

Лис заулыбался и загадочно произнёс, заставив Барбариску насторожиться:

— Мне кажется, я знаю, куда пропал буфет. Они нашли наш виман и теперь

обслуживают дальние точки галактических поселений.

То, что это шутка, не вызвало ни у кого сомнений, даже у Ларисы, но, её напугало слово «нашли». Тень волнения пробежала по её посеревавшему лицу, подогревая нетерпеливость. Ворон, упреждая Ларисин призыв поторопиться, приставил палец к её губам и прошептал:

— Тс-с-с. Скоро пойдём.

Настроение компании приняло благодушный характер, располагающий к ленивому безделью, а не к приключениям. Разомлевшие от завтрака туристы обмякли и лень начала перебарывать желание чего-то искать. Пока все растирали раскрасневшиеся лица, Кот, не дожидаясь, когда к нему присоединится остальная компания, плеснул водки в стакан и выпил.

— Ты неправильно делаешь! — сделал ему выговор Чингачгук. — Нужно пить по принципу торрента, который активно используется в интернете для скачки всевозможных файлов. Принцип прост — не бухай в гордом одиночестве, а поделись с друзьями. Считаю, что мы в сети — включи раздачу...

— Да, и не ставь галочку на ограничении, — добавил Бегемот.

— Ишь, чего захотели! Там файлы виртуальные, а здесь вполне осязаемый материал, который неизбежно кончается. Прибавки от раздачи не предвидится...

— Темнота! — укорил Кота Лейб. — Здесь всё, как там: тут поддал, там налили, и к вечеру — будешь в «корягу». Вопрос времени. Кстати, я заметил, что в торренте файлы скачиваются иногда даже быстрее, чем по прямой ссылке. Повторяю, чтобы дойти до состояния улыбочивости, тебе придётся пожертвовать только начальным временем и стартовым капиталом, а дальше всё пойдёт, как по маслу!

Куда-то по своим птичьим делам, по небу летела стая белых лебедей. Ворон, оценив красоту полёта и грацию каждой особи в отдельности, вздохнув, произнёс:

— Нравится мне наш сверхзвуковой стратегический ракетоносец-бомбардировщик ТУ — 160 «Белый лебедь». Правда, цена бешеная, зато характеристики сумасшедшие. Без поддержки служб обеспечения преодолевает океан и, с недоступного для ПВО расстояния, выпускает крылатые ракеты с ядерной начинкой и... писец принимающей стороне.

Все задумчиво посмотрели на птичий клин, как-будто в нём каждая мирная птица несла в себе угрозу полного уничтожения крупному промышленному району или военной базе. Все, кроме Барбариски, которая душой и телом не желала отвлекаться на посторонние темы, несущественные для дела. Пока народ любовался на полёт белых лебедей, временно пребывая в невесомости, она пребывала в состоянии приземлённости, в уме прикидывая предстоящие издержки. Проверив укладку в собственном рюкзаке, Лариса оглянулась по сторонам, в поисках забытых вещей. Увидев, как глазеющий в небо Крот пальцами достаёт из банки консервированный ломтик рыбы, она строго его предупредила:

— Витя! Ты что — дебил?! Ты чего антисанитарию разводишь? Ты до этого со свиньями, что ли, столовался?

— А чо? — очнулся Крот от амнезии мечты полёта и спустившись с небес на землю.

— С вилки надо есть, а не руками!

Не дав Виктору опомниться, в нравоучительный диалог вмешался Кот, злорадно ухмыляясь:

— Он умеет пользоваться вилкой, как ёж противогазом.

Упаковав пожитки, сталкеры стали собираться в город. Осмотрев на прощание разрушенное хозяйство, ни у кого не возникло сомнений в том, что они сюда ещё вернутся.

Глава одиннадцатая

Секреты аномального полёта или записки современного сумасшедшего

Мёртвый город жил своей жизнью, оставшись серой каменной сущностью в недалёком прошлом. Хранили унылые коробки домов тепло своих жителей, или нет — неважно. Удивительно другое: строения сохраняются намного дольше при непосредственном соседстве с человеком, даже если не производить никакого ремонта, но, стоит только дому осиротеть, как он начинает стремительно разрушаться. Это при том, что никто не прикладывает к этому руку. Горечь появляется у яблонь, холод у домов. Стены начинают пахнуть ветхостью, хоть прошло совсем немного времени. За этот временной отрезок даже бумага не пожелтеет, находясь во влажной атмосфере. Ворон призадумался. Его не отпускали подобные мысли, давя на сознание неопределённостью, но фактами. Кто заселяет строения; какие эфирные сущности — на это у него ответа не было. Был город, стоящий перед ним, а он стоящий перед входом. Ключей от города не несли. Никто вокруг не шнырял без дела, но Ворону постоянно казалось, что за ними кто-то наблюдает. Препятствовать пока не препятствует, но следит за каждым сталкерским шагом. Наконец-то, отогнав от себя эти мысли, Ворон махнул рукой, как-будто группа брала ненаселённый пункт штурмом...

Поиск в КБО не дал никаких результатов и, как сказал Мастодронт, не мог дать. Всё было бы слишком просто и, даже неинтересно — военные в такие игры не играют. Кошки-мышки со сталкерами в их планы входили ещё на первых этапах строительства. Секретность подразумевает тайну, открытую только для посвящённых и по умолчанию, что под КБО никаких летательных аппаратов нет и быть не может. Исходя из этих выводов, доступ к виману, непосредственно из научного учреждения, не планировался изначально. Вход нужно было искать где-то в другом месте. Не исключено, что даже из другого конца города.

— У кого какие будут соображения? — лениво пробормотал Ворон, рассматривая полуразрушенный асфальт и ковыряя его носком ботинка.

Шмель пожал плечами и скривил лицо в неопределённой гримасе. Остальные предпочли проделать примерно то же самое. Мастодронт единственный, кто попытался выдвинуть своё предположение:

— Стоит поискать в ближайших подвалах, а ещё лучше, в государственных строениях вспомогательного значения, например, в трансформаторных будках.

— А что — это идея! — оживился Терминатор. — В жилых домах и даже в их подвалах вести поиски не имеет смысла. И так ясно, что слишком много глаз видело бы загадочные двери. Обыватель не должен наткнуться на что-либо таинственное.

— Логично, — согласился Ворон. — Пожалуй, начнём с ближайших постов.

Первая вскрытая будка не вызвала никаких подозрений. Запор поддавался легко, несмотря на то, что ржавый; внутри абсолютный стандарт, а вот второй пост оказался значительно интересней — на двери вообще не было никаких замочных скважин. Товарищи немного растерялись. Лис подошёл к трансформаторной будке и приложил ухо к двери, прислушиваясь к возможным шумам внутри. На ухе остался грязный след от старой краски.

— Ну как — гудит? — поинтересовался Бегемот.

— Не-а...

— Тогда сам погуди, — великодушно разрешил Чингачгук.

Кот усмехнулся и поведал коротенькую историю, связанную с подобными явлениями:

— Некоторое время назад посетили мы с приятелем Великую пирамиду в Египте. Кое-как доковыляли по Большому коридору до камеры Царя. Там, группа людей, держась за руки и упёршись лбами в стену, монотонно гудела, пытаясь войти в резонанс с частотой пирамиды. Видок, у тронутых трансом, ещё тот: щёки дребезжат, слюни текут, внося дополнительную влагу в атмосферу постройки, которая и без этого повышенная. Чего они хотели там выгудеть? Мы тоже последовали их примеру, но не стали, как пьяные, держаться за стену, а поискали альтернативные пути. Не придумав ничего умнее, залезли в гранитный саркофаг гипотетического царя, где и стали гудеть. Не выяснено, что именно повлияло на наше состояние: то ли удушающая влажность, совместно с невыносимой духотой, то ли неизвестные энергетические поля пирамиды, действительно усиливающие действие всего подряд, но — нагуделись мы в стельку. Всего с одной поллитры на нос... Подошедший мужик, из русских туристов, попытался нас пристыдить:

— Тут кто-то помер, а вы...

— Как? — спросил я. — Ужо помёр?

Приподняв за волосы голову товарища и заглянув в его стеклянные глаза, я неожиданно для себя всё-таки обнаружил признаки жизни. Так я потерял веру в человечество, ранее доверяя каждому сказанному слову.

Оторжавшись, товарищи разбрелись по ближайшей, к посту, территории в поисках малейших деталей, могущих натолкнуть на след пропавшего входа. Шмеля насторожило странное расположение мусорной бетонной урны, в форме медвежонка и весьма вместительных размеров. Что мусорка делала рядом с ТП? Это обстоятельство заставило задуматься. Серая жизнерадостная морда, в этом месте, было явно не к месту. Он быстро позвал остальных к себе и заявил:

— Не могли электрики, редко здесь появляющиеся, столько намусорить, чтобы для них возводить целую урницу.

— Это точно, — согласился Чингачгук. — Дымящиеся башмаки всё-равно следственные органы заберут, как вещьдок, а не в урну дворник отправит.

Ворон оторвал полусгнившую балясину от перил первого подвернувшегося лестничного марша и энергично шуровал им внутри медведя. За долгие годы в нём скопилось немало прелой листвы, смешанной с пылью и даже занесённой ветром земли. Чёрно-коричневая масса пахла грибами, помойкой и весенним лесом — одновременно. В толще культурного слоя попадались даже предметы современного быта, которыми сознательные сталкеры не разбрасывались где-попало, а повинувшись цивилизованному порыву, отправляли в надлежащее им место. Мишка жрал всё подряд, что ему засунули в пузо, годами переваривая подношения. Под кучей слежавшегося мусора показалась еле заметная крышка канализационного люка. Она намекала на то, что ей здесь так же делать нечего, как бегемоту в Антарктиде. Народ оживился, а Барбариска, от волнения, даже раскраснелась. Прикипевший люк с характерным скрежетом приподнялся, обнажая черную пустоту, ведущую в неизвестность и, с глухим стуком, упёрся во внутренний бок своего бетонного хранителя. Ворон посветил фонарём в открывшийся лаз. Стандартные металлические скобы вели вниз и разогнувшись, он спросил:

— Ну, кто первый?

— Наименее ценный член экипажа, — моментально среагировал Шмель.

Лис отметил себя нервным смешком и предложил Вове стать героем:

— Ты рядом стоишь, так чего же меняться местами — только время зря терять.

— А-а-а, — отмахнулся рукой Ворон и начал спуск.

Не прошло и минуты, как из недр подземного хода раздался его голос:

— Давайте, спускайтесь! Здесь есть где развернуться.

После стандартного колодца, шириной не отличающегося от своих собратьев, разбросанных по всем городам бывшего Союза, перед сталкерами открылся довольно широкий проход. И сам колодец, и стены прохода были выложены красным глиняным кирпичом, устойчивым к влаге. Там, где от белого кирпича через год останется одна крошка, красный простоит ещё лет триста, а то и больше. Факт проверенный, но здесь строители не ограничились обычной процедурой укладки, а заделали швы какой-то чёрной мастикой. Возможно, это был обычный битум, но проверять никто не захотел, так как народу было решительно плевать на такие мелочи. Через несколько метров короткий туннель закончился подъёмом. Откинулась ещё одна крышка и друзья поняли, что они находятся именно в той трансформаторной будке, оказавшейся «без окон, без дверей». Внутри решительно ничего не было, кроме злополучной двери и ещё одного люка. На двери висел механизм запора и Бегемот, осмотрев его, сделал заключение:

— Секретный проход к виману из ТП, это и есть второй люк. А это — электромагнитный замок, исключаящий замочную скважину. Ключ, вероятнее всего, имел автономную систему электропитания. Резервный вход размещён в мусорной урне, из которой, как вы поняли, попадаешь изначально в ТП. Можно приехать под видом электриков или мусорщиков. Что ж — разумно... Не всё в белых халатах рассекать...

— А сходство профессий? — задал Жук глупый вопрос.

— Носы можно подкрасить губной помадой, — не растерялся Мотя. — Красной, естественно... Не обязательно маскироваться под электриков так дотошно. Скорее всего циркуляр регламентировал проделывать эту процедуру ночью. Ну, приехала аварийная бригада... Никто ничего не заподозрит. А с таинственным подвалом действительно могла быть накладка: вездесущие мальчишки, сующие свой любопытный нос во все щели, людская молва, в виде сарафанного радио, сидящего почти круглосуточно на скамейке возле дома и перемывающего кости каждому входяще-выходящему. Мимо проходящему. Вот от бабушкиных взглядов, точно ничего не ускользнёт. Они же криминалисты и психологи — в одном флаконе. Здесь же всё на виду. Известный принцип: хочешь что-то скрыть — положи на видное место. К тому же мало кто захочет лезть под высокое напряжение.

Коридор, в который спустились сталкеры, отличался удивительной чистотой. По расчётному времени прохождения, его протяжённость соответствовала тому, что над ними находится КБО. Вопреки опасениям, металлическая дверь, ведущая в дальнейшие помещения, оказалась не только незапертой, но даже чуть приоткрытой. Видимо, после катастрофы персонал так спешил покинуть опасную зону, что забыл про все меры предосторожности. Возможно, внутри подвалов последствия аварии сказались ещё сильнее, чем на поверхности и какую роль в этом сыграл виман, ещё только предстояло выяснить. К расстройству некоторых членов экспедиции, в подсобных помещениях находился банальный поржавевший инструмент, поступающий на вооружение обычному слесарю. Ножей, кастетов и пистолетов, не говоря уже про пулемёты — не было. Противогазы никто не считал и они валялись грудami прямо на бетонном полу. Причём марки химзащиты были разные, представленные различными предприятиями тогдашнего «совка». Какого-либо

оборудования, в виде компьютерной техники, так же не наблюдалось.

— Практически пусто, так-перетак! — выругался Терминатор, предпочитая золотосодержащие плата ржавым гаечным ключам и массивным слесарным тискам.

— Всё ещё впереди, — обнадёжил его Мастодонт.

На полу валялась одинокая оранжевая аптечка, используемая как военными, так и гражданскими лицами во время чрезвычайных ситуаций. Крот поднял её с пола и открыв, констатировал банальный факт:

— Пусто.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Чингачгук. — Стала бы она полная на полу валяться.

— Чего это пусто? — в недоумении спросил Жук, заглядывая в аптечку из-за плеча Крота. — Вон же таблетки, какие-то.

— Это фуфло, — пояснил Лейб. — Тут нет наркотиков, а эти таблетки, как утверждают знатоки, можно купить в обычной аптеке.

— А тебе-то они зачем? — насторожился Жук.

— Мне наркотики в одно место не упирались! Это ты спросил, а я ответил. Я слышал, что есть военная комплектация. В неё входит препарат, который я называю «Берсерк».

— Почему? — спросил Крот.

— Потому что после укола человек с катушек съезжает, — пояснил Чингачгук. — Бросается на всех подряд, кто первый под руку подвернётся.

— А на хрена такой препарат? — удивился Жук.

— Представь себе картину: с неба сыпется фосфор, поджигая всё вокруг; воздух просто насквозь пропитан отравляющими веществами; ухо горит, кожа лохмотьями свисает и болевой шок вот-вот парализует волю — что делать в такой ситуации? Укол в бедро и моментальная реакция препарата с кровью. С квадратными глазами выползаешь к своим, а там разберутся, что делать: и попить дадут, и ухо потушат — сам-то ты не сможешь.

— Почему? — опешил Крот.

— Потому что, после приёма препарата, тебе по-фиг будет, какой под штанами член тлеет.

За следующей неприметной дверью, лишённой какого-либо видимого грифа секретности, на треноге стоял внушительных размеров виман. Барбариска чуть не заплакала, от нахлынувших на неё чувств. Остальные так же изрядно взопрели от волнения, не в состоянии произнести ни слова. Когда первоначальный шок прошёл, Ворон только и смог, что вымолвить:

— Ё-моё...

— Сверкая чёрным воронёным корпусом, летательный аппарат неизвестного происхождения был абсолютно лишён следов пыли, как-будто уборщица тётя Глаша только что прошлась влажной тряпкой по его бокам и отполировала фланелевой ветошью, предварительно спрыснув политурой. Люк аппарата был открыт, но никто пока не решался заглянуть внутрь. Про то, чтобы туда войти, не приняв успокоительное, не могло быть и речи.

— Груня — пирамидону! — выдавил из себя Бегемот, цитируя известный фильм.

— Давно не выпускают, — ответил за отсутствующую Груню Лис.

— Тогда — водки...

Удачу обмывали долго. Даже если ничего и не работало на борту вимана, то всё-равно

— успех был ошеломляющий. Никто, никогда, ни наяву и не во сне — не видел ничего подобного. А тут — воочию...

Все с опаской поглядывали в сторону аппарата и даже Барбариска не торопилась лезть в его чрево. Посидев ещё немного, любопытство, всё-таки взяло вверх и Ворон, с кряхтением, поднялся на ноги. Вначале он осторожно посветил фонариком в темноту. Ничего не произошло. Осмелев, Вова осторожно полез внутрь. Сталкеры напряглись, с волнением наблюдая за его перемещением в чрево неведомой техники. Скорее всего защиты не было, в виде подлых ловушек, но всё-равно — каждый чувствовал себя неудобно. Ворон окончательно скрылся в черноте проёма и через секунду раздался его голос:

— Забирайтесь сюда, если не лень — тут ничего не работает и током не бьётся.

Осмотр «Вимана» ничего не дал. Даже навскидку было видно, что аппарат изрядно потрепали. Никаких вибраций; ничего... Ворону обстановка внутри аппарата показалась скучной...

— Ни концов, ни колец, полный корпус огурцов! — констатировал печальный факт Бегемот.

— Может быть некомплект? — предположил Лис.

— Ты чо — того? — покрутил Кот у виска указательным пальцем. — Тебе же говорили — он летал!

— Нужно осмотреть все помещения лаборатории, — авторитетно заявил Шмель. — Другого выхода я просто не вижу.

Пока сталкеры рылись по ящикам, многогодичная пыль поднялась настолько, что стало щипать в носу. Серые пожелтевшие папки с документацией, описывающей технические характеристики токарного станка, стоящего у стены, к делу не относились и летели на пол. Куча бесполезного хлама уже скопилась в углу, но нужная информации так и не обнаруживалась. Опять гранёный стакан. Пыльный. Лис хотел было зашвырнуть его в общую кучу, но Чингачгук его остановил:

— Ты чего это посудой разбрасываешься? Токарный станок нам может и не нужен, а вот стеклянный стакан ещё может пригодиться.

— Да, — согласился Ворон. — Думаю, базу нужно организовать именно здесь.

— Где же ещё? — удивился Шмель.

Остальные согласились с железными доводами.

Сталкеры вели планомерный поиск. План был прост, до гениальности — проверять всё подряд. На исследованных ящиках белым мелом ставился крестик. Очередь дошла до металлического шкафа, в котором обычно хранят малозначимые документы. Такие шкафы открываются без проблем и без ключа — одной небольшой фомкой. Зелёный и облезлый, для вскрытия он не требовал динамита. С первой же попытки край двери отогнулся в сторону, обнажая хилый механизм запора. Краска, облупляясь, посыпалась на пол и дверь, под натиском железа, откинулась в сторону. В шкафу хранились личные данные сотрудников проекта, но информации о профессоре не было. Бегемот поднатужился и дверка встроенного ящичка деформировалась в мятый металлический лист. Здесь-то и нашли товарищи искомое. Личные данные ведущих специалистов их не интересовали, а вот адрес профессора несколько обнадежил. Раньше он жил на севере города, в одной из высоток. Эти дома хорошо известны сталкерам и Мастодонт радостно заулыбался. Потом тень сомнения промелькнула по его лицу и он поделился ей с остальными:

— Там уже давно ничего нет. Ликвидаторы вывезли все вещи горожан ещё в первые

месяцы после катастрофы.

— Не думаю, что он прятал что-либо в мебели, — возразил Диплодок. — Для этого есть вентиляции, розетки и прочие тайники.

— Разумно, — согласился товарищ.

Ворон встал в позу полководца и заявил:

— Надо посетить жильё профессора. Сердцем чувствую, что это просто необходимо, иначе наша миссия может зайти в тупик. Мотя — перестань пилить бок вимана напильником! До тебя эту процедуру проделала куча народа... Результат, как видишь — нулевой.

Затем он ткнул в бок Барбариску, заставляя ту очухаться, от свалившегося на неё счастья, и помогая прийти в себя.

До высотки дошли без приключений. Дом находился в приличном состоянии, если не считать разрушенного растительностью асфальта. Она в городе имела статус вездесущности, произрастая из малейшей щели, взламывая асфальтовое покрытие и постепенно начинала справляться с бетонным. Зеленело вокруг буквально всё. Найдя нужный подъезд, сталкеры гуськом поднялись по лестнице на восьмой этаж. Номер на пожелтом дерматине совпадал с данными анкеты и после секунды замешательства, Ворон рванул дверную ручку на себя. Дверь поддавалась легко. После того, как ликвидаторы подчистили территорию, они всё оставили открытым. Как заметил один из участников экспедиции: «Было бы странно, если бы наоборот». Несмазанные петли жалобно скрипнули и взору сталкеров предстала пустая квартира.

— Ну-с, господа — приступим? — спросил Лис, а так как возражений не поступило, он первым вошёл внутрь, запнувшись о нелепый порог.

— Что за? — дальше у него слов не хватило. Он с удивлением разглядывал высокую деревяшку, преграждающую вход и усиленно вспоминал, есть ли у него дома нечто подобное.

В старых домах это явление обычное — высокие пороги. Тужась мозговыми извилинами, он так ни до чего и не додумался. Лис даже сбегал посмотреть на соседнюю дверь. Порог был, но чуть меньше. Не долго думая он схватил пожарную фомку, предусмотрительно захваченную с собой, и снёс деревянное нагромождение.

— Ну чего ты мучаешься? — вмешался в его действия Чингачук. — Советский домострой. Какую деревяшку нашли, ту и пришпандорили.

Комнаты в квартире оказались пусты, в соответствии с требованиями инструкции к ликвидаторам последствий аварии. Дома умирают вместе с хозяевами. Пыль на сморщенных обоях скопилась в таком количестве, что приобрела чёрный оттенок, как ламповая копоть. Крашенные таким способом морщины казались венами, пронизывающими все стены. Предсмертная агония давно прошла и здесь витала смерть. Ворон трезво рассудил, что под обоями искать нечего, кроме денежной закладки, в виде одиноких купюр, запаянных в целлофан и давно вышедших из употребления. С этим заключением не согласился Шмель, заявляя, что таким способом можно закатать под бумагу целый дневник, предварительно разделив его на отдельные листы. Бегемоту было всё-равно, что можно или чего нельзя спрятать под обоями. Он просто прошёл в угол комнаты и поддев край наклеенного рулона, рванул его на себя. Обои с треском отделились от бетона и упали на пол.

— Ищите, а не спорьте, — посоветовал Мотя обоим.

После недолгих поисков, в результате которых был вскрыт даже паркет, был найден

дневник профессора. Он был свёрнут в рулон и упакован в несколько целлофановых пакетов. Всё это укладывалось в пенал размером со стандартный кирпич, а сам пенал занимал место в нише, вместо кирпича. Целлофановые обрывки полетели на пол, и рукопись учёного кое-как удалось развернуть в плоскость. За долгие годы она порядком слежалась и успела задеревенеть. Как оказалось, это был первый фрагмент дневника профессора, касающийся проекта. То, что рукопись не целая и так было ясно всем, кроме Барбариски. Она не желала мириться с неопределённостью и Ворону стоило больших трудов удерживать её от матерных выражений. Он не любил, когда женщина ругается. И напивается. И то, и другое, по его мнению, у них получается из рук вон плохо. Не умеют они делать этого. Нет в женских действиях поэзии. Не для этого рождены...

После возвращения в бункер, вначале нужно было восстановить хоть какую-то часть инфраструктуры. Света не было и Ворон спросил Бегемота:

— Мотя — ты нашёл аварийный генератор?

— Чего его искать-то? Вон он в углу стоит.

— Где?

— Да не здесь, а в подвальном помещении, где находится вся остальная трехаудия: водяной насос, душ с электроподогревом, вместительный сортир на оба пола, ванна и прочая, прочая, прочая...

— Насчёт воды ты это — того! — предостерёг Мотю Лис.

— Чаво таво? — передразнил его Бегемот. — Вода из скважины. А ты думаешь, у проводника откуда водичку пивал? Тоже из скважины. Проверь каждый раз стакан счётчиком Гейгера, раз не доверяешь.

— И ареометром, — добавил Кот. — Вдруг на винзаводе надули. Потом предъявишь претензии.

Генератор затарахтел где-то в глубине подвала и появился долгожданный свет. Несмотря на то, что бункер укомплектовывался лампами дневного освещения, излучающих холодный спектр световых волн, настроение намного улучшилось. Атмосфера сразу же приняла деловую обстановку, а в углах, где ютились нетерпеливые сталкеры — почти домашнюю. Звон бокалов, за успех дела и бульканье жидкости напоминало химлабораторию, где по мензуркам разливались химреактивы. Хлопок пробки «липового» шампанского напомнил о том, что не все опыты проходят удачно, а само содержимое, обещало долгое знакомство с унитазом. Вначале его дразнят, показывая неприличную часть человеческого тела, потом пытаются что-то сказать, широко разинув рот, затем наоборот... И так несколько раз... Хорошо хоть туалет в бункере оказался вместительным — на несколько персон.

Пока несознательные граждане обмывали удачу, Лариса знакомилась с записями профессора. Профессор тоже играл в шпионские игры, пряча дневник по частям. Так же, припрятал кое-что из оборудования. Кроме деловых пометок, в дневнике имелись личные воспоминания учёного, в целом, к общему делу не относящиеся.

15 мая.

Из областного центра вернулся генерал-куратор проекта с веником зелёной полыни. «Почему не чёрной?» — спросил начальника его заместитель. «Народный целитель посоветовал зелёной полынью ноги в бане парить, — ответил генерал. — Ты же знаешь, что у меня с кожей проблема». «Здесь травы мало, что ли?» —

удивился подчинённый. «Э-э-э — нет! — возразил куратор. — Лекарь сказал, что покупать полынь следует только у него, а не собирать её по косогорам. Неправильная она у нас — с осадком, каким-то». Заместитель благоразумно промолчал, а я про себя отметил: «Надули нашего генерала, как дитё малое! Можно даже сказать — наеб... И не боится целитель гнева власть предержажших?»

Для деловых записей профессор выделил отдельное информационное поле, чётко разграничив личные впечатления от профессиональных.

12 июня.

Генерала куда-то перевели, а замены пока не прислали. Исчез куда-то и его заместитель. Без объяснения причин и прощального салюта. Будто и не было его вовсе... Руководство города, пользуясь информацией и полной безнаказанностью, начало потихоньку растаскивать аппарат — кому-что понравилось. Ну и народ... В Москве об этом не знают. В курсе только горстка компетентных товарищей. Сюда они не стремятся, ввиду отдалённости от привычных мест обитания. Глубинка союзной республики у них курортом не считается.

17 июня

В Горком привезли бильярд, выписанный аж из-за границы. Целыми днями руководство города пропадало в кабинете, где его установили. Деталь, снятая с вимана, каким-то образом способствовала развлечению. На зелёном сукне господ градоначальники проигрывали друг другу целые вотчины... Помещики, хреновы!

Лариса, бродя внутри вимана, сверяла данные, руководствуясь прилагаемой к дневнику описи имущества. Ссылаясь на них, теперь стало ясно, что аппарат изрядно потрепали и профессор не врал в своих записях.

— Потерян вихревой тор и все три грооусилителя, — угрюмо и задумчиво цитировала Лариса заметки учёного. — Без них невозможен режим «дельта», с помощью которого виман выходит в открытый космос. С двумя возможен только выход в стратосферу. С одним, конечно, ещё проще: в режиме «омикрон» полёты в атмосфере.

В это время Ворон листал дневник заместителя генерала. Корме личных впечатлений, он содержал записи распоряжений, имеющих курьёзные последствия. Так же рукопись пестрела пометками служебного характера и заметками о неадекватном поведением подчинённых. Вова зачитал вслух некоторые выдержки, имеющие любопытные детали, не вписывающиеся в реальность происходившего:

Личные заметки помощника куратора.

Как сказал главный инженер, профессор, незадолго до трагических событий, заказал себе гранитный памятник. В сельской местности, подобная практика — обычное дело. Поэтому, сей факт не очень удивил коллег. Они просто посмеялись над паникёром и вернулись к своим делам. Есть данные, что пропавший накануне грооусилитель замурован в его постамент, который склеен из гранитной крошки и покрашен в отвратительный зелёный цвет, чтобы расхитители могил не позарились.

— Что-то тут не вяжется! — громко возмутилась Лариса. — Если зам пропал до

катастрофы, то, как он мог зафиксировать это в дневнике?

— А я знаю?! — нервно ответил Ворон, листая пожелтевшие страницы. — Как ты уже поняла, здесь не всё вписывается в общую картину реальности.

Он продолжил читать, временами сдувая жёлто-коричневую пыль со страниц.

Продолжение записей заместителя генерала.

«Нет на месте и ваджры». Каким-то непостижимым образом, сталкерам передалось недоумение зама и настолько реально все почувствовали это, что кое у кого создалось впечатление телепатической связи, а сам заместитель вот-вот появится в помещении, в виде голограммы.

— Ваджра, — задумчиво пробубнил Крот. — А что это за зверь?

— Стандартное лучевое оружие вимана, — пояснила Лариса.

Шмель усмехнулся и всех успокоил:

— Ну, ничего — придётся распотрошить какой-нибудь музей, в котором она демонстрируется. Там и не подозревают, что это такое.

— Почему, — поинтересовался Жук.

— Что почему?

— Почему не подозревают?

— Потому что «лепездричество» кончилось. Подари аборигену Папуа-Новая Гвинея, из самой глубинки, электрическую бритву...

— Но в музее охрана! — предостерёг Чингачгук.

— Пустяки! — хладнокровно парировал Шмель. — Тараним виманом стену; быстро хватаем то, за чем прилетели и валим оттуда, а спишут всё на инопланетян.

Лис радостно вздохнул и пропел:

— Да! Нет повести печальнее на свете, чем повесть о потерянной ракете.

Лариса подозрительно на него посмотрела и продолжила чтение:

— Так же, пропали четыре противоперегрузочных изоморфных кресла. Хорошо что в реактор никто сунуться не решился, а тем более вмешиваться в его работу. Ко всему прочему, пропал комплект «Многофункциональных шаров-нейтрализаторов».

— Сегодня, кажется, не летаем, — тяжело вздохнул Бегемот.

— Да, на ближайшее время — нелётная погода, — подтвердил Кот, вглядываясь в мрачное небо, по которому плыли тяжёлые свинцовые тучи.

— А чего эти шары нейтрализуют? — спросил Жук, про существование которого все порядком забыли или не обращали внимания.

— У Кота — полное погружение! — заржал Ворон, а Шмель разразился гомерическим хохотом.

Барбариска, находясь в повышенном возбуждении и крайнем возмущении, оговорила при попытке осадить Вову:

— Не говори ерундой!

— А очень хочется! — не растерялся Ворон, при этом его смех принял форму удушающего характера. — Но: он стоит, краснеет и молчит...

— Рыбачить не пробовал? — спросил Шмель, держась за живот.

Ещё минут пять Барбариска вынуждена была молчать, пока уляжется нездоровое волнение, переросшее в массовый психоз. Такое состояние, когда нельзя показывать даже

палец, иногда длится весьма продолжительное время, но друзья быстро успокоились. На «дурачину» они не обижались, но беспричинное смехоизвержение стоит порядочное количество калорий. Улетучиваются в никуда пары анестезирующих жидкостей, сводит судорогой мышцы живота и, существует ещё целый ряд нездоровых побочных эффектов. Шмель вспомнил прецеденты, как после подобных веселий психологически неустойчивые граждане шагали в пропасть, внезапно впадая в чёрную апатию. На вопрос Ворона: «Какая пропасть?», последовал ответ: «Вешалка».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лариса бросила усталый взгляд на утомившихся товарищей и продолжила:

— К тому же, неизвестно наличие топлива на борту. С трансурановым горючим будут непреодолимые проблемы...

— Ну а что — уран можно на станции спереть, — предложил Крот.

— При чём тут уран? — не поняла Барбариска.

— Ты сама сказала, что реактор работает на трансурановых элементах.

— Темнота! У тебя по физике пара была, что ли? Трансурановыми, называют элементы, которые стоят в периодической системе Менделеева после урана. То есть, число протонов у них больше девяносто двух. С 93-го по 108-й они весьма стабильны и принадлежат к числу актиноидов. Кстати, самый популярный, как вид топлива — нуклид плутония — 239.

— А-а-а! — понятливо протянул Виктор. — Так нам нужен плутоний?

— Как бы не так! — резко и недовольно возразила Лариса. — Он нам в одно место не упирался! Ваше, кажется, мальчишки...

Ворон со Шмельём с удивлением посмотрели на Барбариску, как-будто первый раз её увидели, да ещё в таком амплуа, про которое и в жёлтой газетёнке-то стыдно написать.

— Что с тобой? — заботливо спросил Вова.

— Ничего! — резко ответила она. — Просто, нам нужен элемент, который в современной науке лежит за пределами понимания умом, даже самими учёными. Короче, элементы с числом протонов более 103 — называются трансактинидами, а более 120 — суперактинидами. Они крайне неустойчивы, имея срок жизни, исчисляющийся долями миллисекунд. Как было сказано, где-то на «Острове стабильности», находится тот элемент, который используют в качестве топлива «Вимана», а может быть и ещё дальше — на другом «Суперострове», если не на «Суперпуперострове». Такие, которые относятся к гиперактинидам. Да ещё, к супертяжёлым элементам или даже к ультратяжёлым... Нам это не по зубам! В ускорителях такие не получали, даже на долю миллисекунды...

— Что же делать? — растерялся Ворон.

— Лезть в реактор, — мрачно выругался Шмель.

— Визуально? — задал глупый вопрос Жук.

— Перорально, мать твою! — заорал Ворон, не выдержав тупизны. — Пробовать на вкус! На ощупь не определить — никак... И вообще — ты мне всю плешь выгрыз. Кто сказал, что реактор не работает?!

— Она, — Жук нерешительно показал в сторону Барбариски.

— Она только предположила, а ты меня уже расспросами задолбал!

Чингачгук долго прислушивался к лекции и робко возразил:

— Головастики утверждают, что остров стабильности предполагает элемент, лежащий между 114 и 126 количеством протонов и в пределах области 186-и нейтронов.

— Это первый остров, — пояснила Лариса. — Не думаю, что на таком элементе, виман

мог демонстрировать такие фокусы с космическим перемещением — слабовата энергия, будет... Тем более, что практика показала действительную устойчивость элемента в реакторе аппарата, как минимум, в четыре — пять тысяч лет.

Шмель устал от бессмысленной полемики и предложил:

— Давайте решать задачи порционно — по мере их поступления. В противном случае мозги распухнут, а черепными коробками, возможно, мы значительно уступаем бывшим хозяевам аппарата. Мозги из ушей выпирать начнут...

Ворон усмехнулся и предположил:

— А может быть, у конструкторов этого агрегата мозги и распухли по той же самой причине?

Глава двенадцатая

Энергия разрушения или, мирный атом — в каждый дом

В ходе изучения дневника профессора выяснилось, что определённый круг лиц интересовал не столько сам летательный аппарат, сколько возможности его аппаратуры. Видимо они быстро поняли, что воссоздать подобную технику не получится ни за какие коврижки и пытались использовать его оборудование по максимуму, с наибольшей пользой для различных государственных целей. В круг этих интересов входило всё: от экспериментов с мозгом отдельного человека до влияние на массы народа. Что-либо другое осталось за пределами современного понимания: и топливо, для реактора, и сам реактор, и материал, из которого был изготовлен аппарат. Способ изготовления корпуса из порошка разнородных металлов при давлении в несколько миллионов атмосфер, даже методом взрыва — не укладывался в голове ни у одного из учёных. Корпус-то цельный, без единого сварного шва... Профессор оставил заметку об этом процессе и на бумаге изложил личные соображения.

20 мая

Сегодня пытались изучить материал, из которого изготовлен летательный аппарат. Металл странный и, по всему видно, очень лёгкий. При этом, его прочность феноменальна. Генерал приволок автомат Калашникова, калибра 7,62. Из АКМ он выпустил целую очередь в упор. На аппарате не осталось даже царапин.

Порошковая металлургия у нас не новость, из-за границы. Её успешно применяют в металлургии, но тут, по выводам одного моего коллеги, создавалось чудовищное давление, при котором слипались атомы самых разнородных материалов. Он ещё предположил, что к металлическим порошкам добавлялись керамические примеси. Когда всё это «слиплось», результат для нас налицо, а вот повторить пока не получится... Ещё он утверждает, что при таком подходе к штамповке, нарушаются валентные связи, уплотняются ядра атомов и прочее, прочее, прочее, но, непонятно тогда, почему материал стал лёгким, а не супертяжёлым, как на умирающей звезде. На каком-нибудь звёздном карлике, где спичечный коробок материала, по земным меркам, имеет массу, исчисляемую тоннами. Загадок стало ещё больше, а вот ответов — ни одного... Сдаётся мне, что корпус аппарата штамповали в недрах супермассивной чёрной дыры. Первое, что приходит на ум — центр нашей галактики. Да уж — близко, нечего сказать... Можно даже сказать — у себя на родине.

Оказывается, что колесо обозрение, которое при жизни города не работало ни минуты, так же входило в какой-то дьявольский план экспериментаторов. Об этом намекали записи профессора, пусть и косвенно. К электросхеме аттракциона были подведены кабели, питающиеся энергией с реактора аппарата. Осталось рвануть ручку переключения напряжения вниз и запустить аттракцион... При чтении этих заметок глаза Ларисы округлились: она никак не могла взять в толк, что хотели проделать с колесом обозрения. У

других сталкеров, на этот счёт, не оказалось своего мнения и Ворон пообещал:

— Как только запустим реактор, сразу же испробуем на аттракционе. Там будет видно, на что рассчитывали экспериментаторы, подводя на мирную забаву электропитание с вимана.

— А точно ли они электричество пытались подать? — усомнился Шмель, а вместе с ним засомневались и остальные.

— Чего гадать, — развёл руками Вова. — Запустим — увидим...

Чингачгук, оправдывая прозвище, не поленился и проследил всю видимую цепочку от вимана до колеса. Силовые кабели, выходящие из трансформаторной будки на щит аттракциона, снаружи видно не было, но на самом посту они выглядели очень толстыми. Сам экспериментальный щит находился несколько в удалении. Скорее всего для того, чтобы не мозолить глаза обывателя и обслуживающего персонала развлекательного комплекса. Он доложил Барбариске результаты расследования и спокойно уселся в углу пить «чай с чаем». «Или наоборот?» — рассуждал он, но это не имело никакого практического значения, кроме демагогии ради демагогии. На это ему намекнул Ворон и уселся рядом. Бегемот крутился неподалёку и тоже не выдержал. Сдавшие нервы требовали подкрепления тела и духа, подистончившихся, за последнее время. Хруст, хлюпанье и выдохи настолько аппетитно раздавались в атмосфере помещения, что импровизированное застолье на троих вскоре переросло во всеобщее. Одна Барбариска, с дневником в руках, продолжала крутиться вокруг аппарата, вникая в технические данные. Но, они были разрозненны и скомканы — одновременно. Разобрать что-либо с каждой прочитанной строчкой становилось всё проблематичней.

Наступил час «Х», в виде официального пробного запуска реактора. Лариса нервничала, да и остальные спокойствием не отличались.

— Надеюсь ты знаешь, что делаешь, — как можно уверенней приободрил её Ворон, придав голосу максимально возможную убедительность, а про себя подумал: «Как бы в штаны не наделать!»

Первая попытка запуска реактора на трансурановом элементе закончилась неопределённостью. Лариса в установленной последовательности дёрнула какие-то рычаги, но, ничего не произошло. Во всяком случае, на слух не определялось: работают какие-нибудь механизмы или нет. В самом реакторе, размещённом под самым куполом аппарата, также не было слышно посторонних шумов, кроме стандартной тишины, которая постепенно начинала реветь. Звон тишины стоял такой, что начинало закладывать уши. Первым не выдержал Бегемот. С размаху ударив разводным ключом по металлическому верстаку, он тихо спросил:

— В конце концов — у нас есть работающий двигатель или нет?

Лариска в ответ только тяжело вздохнула. В глубине вимана, где она в это время находилась, раздался раздражённый плевок, но, именно в этот момент, вокруг корпуса летательного аппарата появилось изумрудное свечение. Окружённый аннигилирующей плазменной оболочкой, вращающийся корпус сиял ионизирующей короной вокруг неподвижной части вимана.

— Завораживающее зрелище, — прошептала Лариса, высунув голову наружу и влюблённо всматриваясь в зелёное сияние.

Лис, пристально наблюдая за вращением внешнего кольца, задумчиво хмыкнул:

— Хм. У него оказывается два корпуса.

— А что? — спросил Кот.

— Хотелось бы три! — раздражённо ответил Константин, теребя на затылке рыжую шевелюру.

— Вот он где — генератор-то, электропитания! — обрадовался Ворон.

Недоверчиво посмотрев в сторону подозрительного ореола, окружающего виман, он взял с верстака гаечный ключ и запустил им в аппарат. Ключ благополучно прошёл сквозь зону свечения, с глухим стуком врезавшись в могучий корпус машины. Ничего не произошло. Ворон понял, что свечение имеет побочный характер работы аппарата и не является защитой от непрошенных гостей.

— Лариска — вылазь! — скомандовал он бодрым голосом. — Всё в порядке.

Озвучив это вслух, про себя Вова добавил: «Заодно ещё на тебе проверим безопасность свечения».

Мастодонт со товарищи до сих пор не могли поверить в происходящее. Они ожидали увидеть виман, но чтобы в рабочем состоянии... Развлечение в виде приключения ради приключения выросло в нечто большее. Никто из них: ни Терминатор, ни Лектор, ни Диплодок с Мастодонтом — не были готовы к такому повороту событий и теперь пребывали в полной растерянности. Вывел их из ступора голос Шмеля:

— Ну, чего вы встали, как вкопанные — будто в штаны наложили? Пошли обмывать — всё-равно ночь на дворе и сегодняшние похождения можно считать законченными. Завтра наденем валенки на свежую голову и... Ну, а дальше по плану. А сегодня я устал смертельно.

Тут только все очнулись, вспомнив про наступившую ночь. С вознёй вокруг аппарата время пролетело незаметно. Измождённые тела требовали отдыха и ужина, на что товарищи согласились единодушно.

Утром, не успев толком проснуться, Барбариска вскочила на ноги и бросилась проверять ненаглядное сокровище. Виман стоял на прежнем месте, испуская мягкое изумрудное свечение, не издавая при этом ни шороха. Всё происходящее напоминало немое кино, в котором даже кинопроектор не жужжит. Счётчик Гейгера продолжал обнадёживающе молчать. Общий радиационный фон оставался в норме и виман, работающим реактором, никак на него не влиял.

— Это радует, — услышала Лариса за спиной голос Ворона, прочитавшего её мысли.

— Ну что — попробуем на колесе? — обратился он к Шмелю.

— Да, пожалуй, — согласился тот. — Чего тянуть резину.

Бегемот уже успел наделать на всех сталкерских бутербродов. Картинку он подсмотрел в интернете и теперь каждый сталкер ел кулинарное изделие, имеющее в своей рецептуре сыр и колбасу, нарезанных и уложенных в виде знака, извещающего об опасности радиационного заражения. Все по достоинству оценили Мотину смекалку, а кое-кто, даже похвалил. В условиях постоянного стресса юмор помогает преодолевать тяготы и лишения не только воинской службы, но и тяжёлые будни ищущих приключений. Наспех позавтракав, сталкеры направились к колесу обозрения, дожёвывая бутерброды на ходу.

Колесо обозрения, казалось, навеки застыло монолитным памятником и успело порядком заржаветь. Краска облупилась, оголив порыжевший металл, а вращающиеся механизмы уже давно утратили последние следы смазки. Теперь их повернуть было не по силам даже бульдозеру. Постояв немного в нерешительности, товарищи всё-таки решились на безумный эксперимент. Подали электроэнергию на колесо. Видимо — многовато... Достигнув несколько сотен оборотов в минуту, несмотря на сгоревший электродвигатель,

колесо сорвалось со своей оси и укатилось прочь, совершая самостоятельное путешествие. Скрежет ломаемого асфальта стоял страшный. Высотка вдалеке вздрогнула и медленно осела, поднимая тучи пыли. Люльки, совершая вместе с «чёртовым изделием» вращение в его плоскости, оборвали крепления и только что начали приземляться. Круша уже и без того развороченное асфальтовое покрытие; ломая деревья и снося крыши пригородных хат, они падали где-то на периферии города. Одна люлька врезалась в ДК «Энергетик», размазавшись об его стену. Стена устояла, но, со звоном, повылетали остатки стёкол в окнах. Витрины будто взорвались... Когда первоначальный шок прошёл, Бегемот растерянно огляделся по сторонам и спросил:

— А Барбариска где?

Кот пожал плечами и как можно равнодушнее ответил:

— Она, кажется, в люльке колеса обозрения сидела...

— Я здесь, — хмуро отозвалась Лариса, исподлобья глядя на автора изречения.

— Ха! — обрадовался Василий. — Не улетела...

— Опустела без тебя, Земля, — пропел Ворон, глядя вслед укатившемуся колесу.

— А без меня? — злобно прошипела Барбариска.

— А без тебя — вдвойне...

Шмель, глядя на ссорившихся, вздохнув, обречённо сказал:

— Как мне надоели эти междоусобные скандалы...

— Кажется, рухнул дом профессора, — мрачно сказал Лис, глядя вдаль, где тучи пыли затмевали солнце.

— Интересное кино получается, — задумчиво промышчал Чингачгук, усиленно о чём-то размышляя.

При этом его лицо приняло грустно-задумчивое выражение.

— Какое? — спросил Терминатор, до сих пор не могущий прийти в себя от увиденного.

— Такое! Тот, кто присобачивал провода к аттракциону, думал о последствиях? Там ведь могли быть дети...

— Я так думаю, — вмещался Диплодок. — Вначале должен быть пробный запуск — без пассажиров.

— Ну и что? — не согласился Мастодронт. — На пробу могли подать обычное напряжение, с простой трансформаторной будки.

— Потом с вимана, — поддержал его Лектор. — В любое другое время...

Он почесал затылок и состроив брезгливое лицо, сделал собственный вывод:

— Хрен поймёшь этих экспериментаторов! Откуда теперь узнать, что у них было на уме? Они могли списать любой неудавшийся опыт на несчастный случай...

Крот, разглядывая расположенный рядом с бывшим колесом обозрения автопарк, на несколько электрических машин, задал вполне уместный вопрос:

— Аттракцион с машинками, наверное, тоже запитан от вимана? Какие на нём хотели провести опыты?

Видимых следов нестандартного подключения не было и сталкеры решили не испытывать судьбу. Решив ничего не искать, они вернулись в бункер. Как сказал здравый голос из толпы: «Хрен его знает, куда поедет машина, подай на сетку электрическое напряжение с летательного аппарата. Не удивлюсь, что машинка может полететь или взорвётся на месте, сея вокруг себя осколки металла».

После возвращения на базу Лариса занялась продолжением изучения дневника

профессора. Остальным в это время решительно нечего было делать: кто маялся от безделья, бесцельно бродя по переходам бункера, кто глазел на изумрудное свечение, кто поправлял пошатнувшееся равновесие, а Ворон страдал от поэтических порывов.

— Я поэт, зовусь Володя,
От меня вам болт в стакане.

— Нескладно, — вяло заметил Чингачгук.

— Нескладно, зато отражает моё истинное, к вам, отношение, в котором нет места лицемерию.

Появившаяся в дверях Барбариска строго спросила, при этом отдав команду:

— Ну, чего расселись?! Подъём! Нас ждут великие дела...

— Куда теперь топать-то, — спросил её Ворон, — и что с собой брать?

— Как раз недалеко, — ответила бандерша. — В центр. Можно не топать, а доползти. С собой почти ничего брать необязательно, кроме стандартного инструмента. Ну, там гвоздодёр и прочее. Сами знаете что. Бутылку не забудь, алкаш...

— А чего это? — не понял Вова.

— Надеюсь, всё-таки, что вам придётся обмывать находку.

Жук шёл по улице, постоянно озираясь по сторонам и блаженная улыбка посетила его чело. Он томно вздохнул и выдал перл, от которого многие поперхнулись:

— А всё-таки красив наш мёртвый город!

— Он такой же наш, как Эйфелева башня, — мрачно одёрнул его Ворон. — С ума тут все сойдём скоро...

В районе гостиницы «Полесье», чёрные картинки на стене заставили вздрогнуть. Всего лишь контур; без подробностей, но несуществующее движение нарисованной игрушечной машинки ощущалось слишком явственно. Ворону даже послышался скрип пластиковых колёс, катящихся по выщербленному асфальту. Девочка, сидевшая в сгорбленной позе возле открытой двери, заставила, даже не вздрогнуть — подскочить на месте. Ворон был готов поклясться, что слышал всхлипывания.

— Давайте-ка убираться отсюда, на хрен — подальше от этой мистики, — предложил он товарищам. — Кажется, нарисованные фигуры начинают жить своей — самостоятельной жизнью.

Последовав его совету, дальнейший путь до Парткома проделали чуть ли не бегом. Ворвавшись внутрь здания, Лис попытался даже закрыть двери на засов, но его не оказалось. Немного освоившись, Барбариска начала вести самостоятельный поиск, а остальные разбрелись по зданию ища то, не знаю чего, но о находке нужно было доложить командирше.

Войдя в просторный актовый зал, сталкеры с удовлетворением отметили, что здесь всё в полном порядке. Белый рояль, как и следовало ожидать, стоял на своём месте. Правда, сейчас, по цвету, он не уступал желтизной унитазу общественного туалета. Бесплатного, естественно. Ликвидаторы, парни хоть и крепкие, но, выносить на себе такую тяжесть, азарта, видно, не было. Крышка рояля была закрыта и на ней отметилось не одно поколение страдающих ностальгией. От этого, она выглядела бугристой, но не пахла. Извечный принцип «Не трожь — вонять не будет!» — работал безукоризненно.

— Ну, что я могу сказать по этому поводу? — задумчиво пробормотал Шмель. — Приходящие сюда люди, тоже, в какой-то степени, эмигранты, пусть и временные...

— Надо на Брайтон Бич поставить такой рояль, — посоветовал Кот, но, как ему самому казалось, сделал ценное рацпредложение, способное поднять мелкий бизнес на небывалые высоты.

— Сдавать в аренду? — уточнил Бегемот.

— Зачем? — возразил Василий. — Сами будем плату брать. Дорого!

— А кто его чистить будет? — усмехнулся Лис.

— Ерунда — брандспойтом смысл и порядок. Если напротив лавка псевдорусского эмигранта — дополнительное моральное удовлетворение...

— Он в полицию заявит! — решительно возразил Чингачгук, и было неясно, за кого он заступает: за эмигрантов-соотечественников или предостерегает друзей от необдуманного шага.

— Думаешь — не поймёт? — спросил Бегемот.

— Думаю, что — да...

Расположившись полукругом, сталкеры отдыхали от трудов праведных, справедливо рассудив, что Барбариска сама справится с заданием. Бронзовый загар Мастодонта способствовал поразительному сходству его носителя с бюстом из Парткома. Федя сидел на полуразвалившемся стуле, а бюст стоял рядом. Причём, греческим профилем и суровыми чертами лица Фёдор больше напоминал Чингачгука, а не лидера Советского движения. Сидящий рядом Чингачгук никого не напоминал. У него даже загара не было. На лице Лейба имелась только грязь, которую он не успел смыть.

Появившаяся на пороге Лариса напоминала, если не разъярённую фурию, то, как минимум, боевую лошадь на взводе.

— Чего расселись?! — недовольно завопила она. — Я без вас всё нашла! Отдыхать сюда приехали, что ли?

— Полковая сирена призывает к общевойсковому сбору, — проворчал Ворон, с кряхтением поднимаясь с места.

Остальные проделали тоже самое, но с различными интонациями в голосе и некоторыми разнообразиями в ругательствах. Последовав за предводительницей, они не ожидали увидеть что-либо интересное. После вимана — не мудрено. Лариса привела всех в подвал и указала на стену, которую, по её указанию, нужно было сломать.

— Зачем? — задал резонный вопрос Ворон, хоть и сам уже начинал понимать, что если за стеной спрятали какое-то имущество, то оно непременно представляет определённый интерес.

— Без кувалды не справиться, — авторитетно заявил Бегемот, простукивая кирпичи пожарным гвоздодёром.

Кирпичи отзывались глухим стуком и свидетельствовали в пользу тонкостенной версии — в один кирпич, не больше. Остальные стены звенели под ударами гвоздодёра. За кувалдой послали Жука, как самого шустрого из компании и пока он бегал, все порядком соскучились.

— Нет ничего хуже, чем ждать, — проворчал Кот и в это время, в дверях появился запыхавшийся Жук с инструментом на плече.

Стенка недолго сопротивлялась ударам и вскоре хрустнула. Рухнув, она подняла небольшое облако пыли, которое вскоре осело на пол и на озлобленные лица сталкеров, которым до смерти надоели подобные ассенуации. Ещё пыль не пощадило одежду, а самое

главное, прочно застряло в волосах на голове. Как сказал Бегемот: «Корячится банный день». Посветив в пролом фонариком, Шмель констатировал банальный факт:

— Кресла.

— Это не простые кресла, — назидательно поправила его Барбариска. — Это противоперегрузочные изоморфные кресла, снятые с вимана. Судя по дневнику профессора, ранее они, как и следовало ожидать, находились в кабинетах Парткома. У Первого секретаря стояло кресло распорядителя-смотрителя, а три остальных распределили по кабинетам, без всякой систематики. Одно досталось руководителю города.

— Вот как используют военно-космическую технику! — воскликнул Чингачгук, хлопая Лиса по плечу.

Поднявшаяся белая пыль опять на время затмила собой свет фонаря, сузив обзор до нуля.

— А материал на них прежний? — для чего-то поинтересовался Крот.

Лариса посмотрела на него критически и, в свою очередь, задала провокационный вопрос:

— К чему ты это спросил?

— Да так. Вспомнил про древнюю Персию, где главный визирь сидел в кресле, обтянутом кожей его проворовавшегося предшественника.

Жук почесал затылок и задал всем свой вопрос, как ему казалось, необычайной важности:

— Меня интересует другое — почему кресла не увезли вместе с остальным имуществом?

— Ты что — дурак? — покрутил у виска пальцем Лис. — Они же были замурованы!

— А зачем? — не унимался Жорж.

Немая пауза ненадолго повисла в воздухе.

— Может быть, что-то пошло не так? — предположил Крот и гадание на кофейной гуще могло бы продолжаться ещё долго, если бы не вмешалась Барбариска.

Она решительно пресекла всякие домыслы, сказав коротко:

— Их замуровали через неделю, после того, как сняли.

— А почему? — поинтересовался Бегемот.

— В дневнике профессора об этом написано, — пояснила Лариса. — Толком никто ничего не понял. Просто — в стенах Парткома стали происходить аномальные явления. Точнее, не в самих стенах, а с участниками посиделок. Тот, кто сидел в этих креслах, начал проявлять неадекватное поведение, непонятное простому советскому обывателю и стены партийной канцелярии, теперь стали похожи на покои жёлтого дома. Кабинет, как отдельная палата. В пору было вешать новые таблички: не «Первый Секретарь Парткома», а «Пожизненный консул — император Франции». Ну, чего встали? Выволакивайте кресла наружу. За одним придётся в Горком тащиться. Впрочем, там должны ещё находиться «шары-нейтрализаторы», так что, возможно, туда придётся не раз наведаться.

— Здрасьте — припёрлись, — недовольно проворчал Кот и молча потащил сидушку к выходу.

Кряхтя под тяжестью кресел, товарищи возвращались на базу, но, тут возникла непредвиденная трудность: кресла в медвежонка залезать отказывались наотрез. Не подходили они по размеру для транспортировки этим путём. Необходимо было открыть дверь трансформаторной будки, а там, другой спуск гораздо шире, чем стандартный

колодец. Как сказал по этому поводу Шмель: «Там и три дивана одновременно просвистят без задёва». Бегемота отправили химичить с дросселем или искать стандартный электромагнитный ключ, затерявшийся где-то в недрах лаборатории.

— Ломать замок изнутри нежелательно, — твёрдо решил Ворон. — Распахнутые ворота, приглашающие всех желающих войти, нам нежелательны.

Мотя скрылся в животе медвежонка, а остальные остались ждать у входа в трансформаторную будку. Через минуту Мотина морда показалась из мусорной урны и пригласила в помощники Крота с Жуком. Как он сам пояснил: «Втроём быстрее найдём и толпой, не будем мешать друг другу».

Чингачгук пощупал кресло и предался мечтаниям:

— Из такого стульчика получится отличный тренажёр, имитирующий летательный аппарат. Кресло качается, воздух из вентилятора обдувает ноги.

— Старо, — вяло возразил Кот. — На таких аттракционах дети уже давным-давно развлекаются в игровых залах.

— Тогда стрелялка. Когда стреляешь ты — ничего не происходит, а вот когда попадают в тебя, срабатывает механизм и гайка из рогатки поражает твою задницу.

— Разряд электрического тока 220 В, — вмешался Лис.

— Да тут полно всяких технических приспособлений, — развёл руками Чингачгук. — Киянкой по голове, горячим утюгом по заднице — полное соответствие реалиям настоящего боя. Киянка: деревянная, резиновая или металлическая — в зависимости от предположительного урона.

— А инъекции предусмотрены? — улыбаясь, осведомился Ворон.

— Чай, кофе...

— Хотя бы водку! — брезгливо поморщился Вова.

— Колом по голове....

Вернулся Бегемот с электромагнитом собственной конструкции и волоча за собой длиннющие провода. Как он сам пояснил: «Для пущей надёжности. Не верю я в аккумулятор от фонаря — уж слишком всё ржавое».

Замок открылся на удивление быстро, видимо, не имея определённого электронного кода. Впрочем, внутри постоянно находилась охрана и несанкционированное проникновение могло закончиться для нарушителя застенками КГБ, с последующим пристрастным допросом. Или пулей на месте...

После того, как кресла установили на свои штатные места, Барбариска проверила их комплектацию и взаимодействие с основными узлами вимана.

— Чего ты там всё мудришь? — поинтересовался Терминатор, не переставая удивляться Ларисину темпераменту и выносливости, которой мог позавидовать даже гепард.

Она оторвалась от своего занятия и выдала короткую справку:

— В шестидесятых годах прошлого века инженеры не обратили внимания на тот факт, что кресла были отключены. Выведены из общей схемы вимана. Сознательно ли кто-то это сделал или по воле случая произошло отключение — теперь не разберёшься. Возможно, их вывела из строя первая авария. Лётчики погибли — это факт. Теперь ошибиться нельзя ни в коем случае — по стенкам размажет...

Подошедший Ворон спросил:

— И как мы это узнаем?

— Разберёмся, — загадочно усмехнувшись, ответила предводительница.

Глава тринадцатая

Экспериментальная демонстрация

Недостающее кресло нашлось в Горкоме. Опять в подвале. Разнообразием решений бывшее руководство города сталкеров не баловало. В определённой степени это обстоятельство радовало, так как играть в знаменитых сыщиков у товарищей не было ни сил, ни желания. Времени, которого, как всегда навалом, одновременно, как всегда — не хватало. Барбариска осмотрела кабинет городского головы и спокойно сказала:

— Многофункциональные шары-нейтрализаторы должны храниться где-то здесь. Если верить дневнику профессора, их покрасили в яркие цвета и пронумеровали. В своё время, шарами играли в бильярд. При игре, они показывали такие фокусы, что в древнюю забаву развлекались все члены парткома — ежедневно. Гостям аттракцион демонстрировать не решались. Даже наоборот — старательно скрывали, чтобы на более высоком уровне не прознали про чудо-шары и не конфисковали их, вместе со столом. В настоящее время игровые принадлежности лежат в огромном сейфе, замаскированном в стене. Надо его искать. Бильярдный стол искать бесполезно — его наверняка выкинули ликвидаторы... Да он, собственно, и не нужен.

После недолгих поисков сейф нашёлся. Он настолько искусно был замаскирован дубовыми раздвижными панелями, что Ворон отдал должное мастерству столяров. Несмотря на прошедшие годы, полированные панели не утратили блеска и создавалось такое впечатление, что хозяин кабинета только что ненадолго вышел и сейчас вернётся. Относились ли мастера к краснодеревщикам или нет, он не знал, а это уже не относилось к делу, в принципе. Какие только дурацкие мысли не придут в голову! Ворон задумался над этим, отметив про себя: «Как много спама лезет в башку, понапрасну забивая мозговые извилины!» Пока он пребывал в своих размышлениях, Лариса понапрасну терзала ручку сейфа. Замок был заперт. Этот очевидный факт Барбариска никак не желала принимать: ни как факт, ни как должное, ни как неизбежность. Подошедший сзади Шмель умерил её пыл, сказав простую фразу:

— Люди придумали замки, чтобы их запирают — вот он и заперт.

Лектор переговорил с Диплодом тет а тет и последний полез в закрома своего выдавшего вида плаща. Пока остальные соображали, что к чему, Алексей нашёл искомое. Им оказался грязный кусок пластилина, который он не замедлил прилепить прямо на замочную скважину. Не давая опомниться окружающим, Диплодок извлёк из кармана маленький пульт дистанционного управления, со словами:

— Пластит направленного действия — советую спрятаться за угол.

Сталкеры едва успели выскочить из кабинета, как раздался глухой хлопок, заставивший Диплодока удивиться. Удивился и Лектор. В недоумении пожимая плечами, он почти прошептал:

— Ничего не понимаю. В прошлый раз так бабахнуло, что у меня уши заложило...

Осмотрев место закладки взрывчатки, остальные сталкеры удивились не меньше ветеранов — на сейфе даже краска не облупилась.

— Что скажешь, Лара? — спросил Ворон командиршу.

Лариса, не переставая пожимать плечами, попыталась прокомментировать события со своей точки зрения:

— При попытке взорвать несгораемый шкаф, multifunctional шары нейтрализовали взрыв...

Шмель, глядя на ужимки своих товарищей, отметил про себя одну особенность в их поведении: «Все пожимают плечами. Прямо — поветрие пошло, какое-то!»

Первым не вынес неопределённости Бегемот. Подойдя к непослушному сейфу, он во всю лужёную глотку рявкнул:

— Сим-сим — откройся!

Кто-то машинально добавил: «Твою мать!»

Неизвестно, какая фраза была кодовой, но электромеханический замок щёлкнул. На свет Божий извлекли шары, покрашенные разноцветной краской на американский манер. На русский бильярд они не тянули размерами и поэтому, в своё время, их приспособили под «американку». К слову сказать, в те времена об американском бильярде почти ничего не было известно, как и о футболе. Подробности знали только дипломаты и те редкие счастливики, которым повезло попасть в капиталистический рай. Собственно, из этого Эдема они могли вынести немного: шмотки, которыми теперь никого не удивишь; жевательную резинку — предел мечтаний советских школьников; импортные сигареты и пластинки — невелико приобретение, чтобы забыть родину. И то и другое, теперь в избытке, а те приобретённые знания об американской культуре заставляют брезгливо морщиться. Но, как было сказано ранее, шары не увеличить в размерах. Не годятся они для русского стола...

— На базе отмоем, — сказала Барбариска, распахивая находку по многочисленным карманам.

На предложение Ворона помочь ей в транспортировке драгоценной ноши, Лариса ответила гробовым молчанием и свирепым взглядом исподлобья. Подобно гарпии, она гневно сверкнула глазами и запрятала последний шар поглубже. «Совсем тронулась подруга», — подумал Вова, непроизвольно отшатнувшись под напором нездорового темперамента, готового вот-вот перерасти в нечто большее.

Когда первоначальное волнение улеглось, Лариса огляделась по сторонам и стряхнув пыль с рукавов куртки, заявила:

— Профессор в своих записях утверждает, что должен быть второй сейф, в котором хранились нательные датчики, необходимые для управления виманом. С ними тоже устраивалась какая-то забава...

Сейф нашли в противоположном углу кабинета, встроенным в пол, против всех законов советской архитектуры. Бетонное перекрытие имело стандартную толщину и по всем расчётам, металлический ящик просто обязан был выпирать всем корпусом на потолке, этажом ниже. Спустившись вниз, Бегемот сразу же обратил внимание на странный выступ, нужный на потолке, как на корове седло: вроде бы лишнее, но почему-то не мешает... Кто сказал, будто бы на крупном рогатом скоте нельзя перемещаться, как на лошади? Поднявшись обратно в кабинет, Мотя быстро сориентировался в обстановке и в итоге, миру явилось искомое. С пластиком, в этот раз, экспериментировать на стали, да и датчики могли оказаться слишком хрупкой вещью, чтобы испытывать на них мощность взрывной волны. Достав из кармана хитроумную отмычку, Бегемот орудовал ей в замочной скважине, от старания высунув язык. С его лица капал пот — с языка стекала слюна. Не успели сталкеры соскучиться, как в замке щёлкнул механизм и Мотя, рванув ручку дверцы на себя, распахнул её настолько сильно, что чуть не оторвал.

— А ларчик просто открывался! — удовлетворённо произнёс Лис, от волнения, нервно

потирая руки.

Сейф оказался пустым... Лишь маленькая пожелтевшая записка, с коротеньким текстом, гласила: «Проверка связи...» Другая, по содержанию, была не менее лаконична: «Условно — датчики». И всё-таки, в двойном дне нашли папку. В ней оказались заметки профессора; продолжение его дневника: о деталях аппарата, о костюме, с комплектом датчиков, а так же личные впечатления от процесса исследований. Описание забавных и не очень случаев с применением костюма, усилителей, шаров и прочих деталей. Подробно описаны эксперименты с виманом и его оборудованием. Дневник, по всей видимости, у него конфисковал особый отдел. Хранить его внутри ведомства, почему-то не решились... Вероятно, сотрудники ведомства опасались проникновения данных в прессу, хоть она, в то время, была полностью под контролем партийных организации. Сам по себе такой шаг, со стороны журналистов, в виде публикаций секретных данных, был бы беспрецедентным. Как и последствия... В то время основная обывательская масса привыкла верить всему, что публикуется в прессе, а те, кто не согласен, просто помалкивали. Это самые благоразумные. Толкинутые — критиковали действующую власть, забыв или, скорее всего не зная, что сказано в Писании: «Не хай начальника, ибо он поставлен над тобой свыше!» Орунов сажали, высылали, помещали в психушки... Так что ни одна, даже самая провинциальная газетёнка, не рискнула бы опубликовать что-либо подобное, без санкции соответствующих органов, но, работа есть работа и теперь профессору приходилось тщательно маскировать свои мысли, изложенные на бумагу. Чтобы записи не конфисковали, учёный был вынужден прятать остальные части дневника в тайниках и никто, кроме него, не знал — сколько их ещё хранится в закромах. Листая пожелтевшие страницы, Чингачгук удивлённо пожимал плечами и постоянно задавал вслух один и тот же вопрос:

— Зачем ему это было надо?

Ситуацию попытался прояснить Лис, тряся над рукописью рыжей шевелюрой. Он постоянно что-то смахивал с головы, во всяком случае, со стороны это выглядело именно так: с волос ржавчину, с ушей — лапшу. Немного подумав, Костя предположил:

— Наверное, он возомнил себя писателем и, как истинный литератор, просто не мог не писать.

Все молча согласились, опять неопределённо пожав плечами. Слов не было — оставшиеся звуки исчерпали свои возможности.

Пока на штатное место устанавливали противоперегрузочное изоморфное кресло, а шары-нейтрализаторы распихивали по своим гнёздам, незаметно подкрался вечер. Первой, об этом явлении, напомнила усталость, свинцом навалившаяся на приключенцев. Бегемота мотало так, что кое-кто стал опасаться, как бы он не снёс ближайшую стенку. Или сам не покалечился, об неё же. На ужин не сажались — просто рухнули. До кроватей было недалеко, но то, что до них кто-то доползёт, твёрдой уверенности не было, даже у самых стойких. В такие моменты нет ничего вкуснее холодной тушёнки. В это уверовали сегодня все. Воткнул нож; один — два поворота и не надо заморачиваться с разогревом. Газовый примус надоед, да к тому же требовал экономии горючего на случай непредвиденных длительных вылазок, а штатная электроплита, хоть теперь и работающая, раскочегаривалась так долго, что про её эксплуатацию, в этот вечер, разговоров быть не могло. Проглотив очередной кусок тушёной говядины, Ворон вынес на обсуждение предложение:

— Надо кого-то назначить на штатную должность повара или составить очередность дежурств на кухне. Так мы рискуем гастрит заработать...

— Баб, обычно, назначают, — хладнокровно заявил Лис, нисколько не заботясь о последствиях.

— А вот на Кавказе готовят только мужчины, — возразила Лариса и в её голосе появились такие металлические нотки, от которых у большинства присутствующих, по коже пробежал мороз.

Обсуждение данного вопроса оставили на потом и, как минимум, до утра. В данный момент глаза слипались, а языки еле ворочались. Решение о том, кто будет кашеварить, осталось висеть в воздухе.

Утром Ворон продрал глаза и поплёлся умываться. Все ещё спали и только Барбариска была уже на ногах, продолжая изучать дневник профессора. Вова сочувственно покачал головой и покрутил у виска пальцем. Лариса этого не видела, полностью пребывая в написанном мире. Рядом стоял виман, продолжая издеваться над присутствующими мягким изумрудным свечением. По спящим лицам скользили зелёные блики, отчего общая картина жутко напоминала кладбище, с которого сбежали могильщики... Неупокоенные тела медленно оживали: кто личем, с красными светящимися глазами, а кто зомби, с расстроенной координацией движения. Но у всех, без исключения, проявились признаки сушняка. Не успев продрать глаза, покойники, как вампиры, искали глазами — чего бы отхлебнуть. Консервированный томатный сок оказался, как нельзя кстати, и символически вписывался в ситуацию. Солёный... Выровняв пошатнувшееся равновесие, сталкеры пришли в себя и многие, из них, задали себе вопрос: «А где это я? Ворон прошёл в туалет и обратил внимание на жёлтую патину, покрывшую некогда белые фаянсовые изделия. Его зычный голос донёсся из сортира:

— Дневальный! Почему дучки нечищены?!

В ответ он получил гробовую тишину, так как никто не успел сообразить, что ответить. Ещё не настало время вступать в полемику, а также, не было сил и желания. Раскачивались сталкеры долго и нудно, раздражая нетерпеливую Барбариску. Пока все определялись со своим местоположением, она уже определилась с дальнейшими планами на сегодняшний день. Подойдя к Ворону, Лариса оповестила того о своих решениях:

— Сегодня придётся по крышам лазить. Нам нужно найти первый грооусилитель. Судя по дневнику профессора, его вмонтировали в репродуктор...

В ответ, Вова только тяжело вздохнул и присоединился к остальным сталкерам, чтобы не бегать по крышам с пустым желудком.

Сдуру, начали поиски с окраин города. Залезли даже на одну из высоток, чудом уцелевшей после крушения аттракциона, пока кому-то в голову не пришла здравая мысль, что аппаратура громкого вещания должен быть неподалёку от мест проведения массовых демонстраций. Ворон согласился: «Зачем размещать громкоговоритель на краю города, в то время, когда он нужен именно здесь?»

После недолгого розыска первого грооусилителя, его нашли в аппаратуре громкого вещания, размещённого перед площадью, прямо на крыше здания Парткома, что, впрочем, было логичным. Репродуктор использовался для массового оповещения гражданского населения о приближении стихийных бедствий, а также во время демонстраций, парадов и народных гуляний. Как технике дал определение Чингачгук: «Загогулина неопишуемой конфигурации».

Кот пытался примерить приспособление к собственным штанам, но его предостерегли от необдуманного шага. Спустившись с крыши на грешную землю, где с распростёртыми

объятиями ждал надоевший до смерти бетонный медведь, проследовали на базу. Лариса долго ковырялась внутри вимана, пока сообразила, куда вставлять непонятный агрегат. Этому обстоятельству очень радовались остальные, которым до смерти надоел не только медведь, но и поиски утерянной комплектации. Предаваясь блаженному безделью, они даже не пытались давать Барбариске бесполезные советы, чтобы не гневить главного инженера. А то неровен час, в помощники заберёт... Лариса выбралась из аппарата довольная и усталая. Нервное напряжение, порой, отбирает силы похлеще лопаты... Кое-что, из записок учёного, она зачитала присутствующим, после чего общая картина прояснилась.

Из дневника профессора:

«Какую роль отвели усилителю механической мощности в технике звука — неясно, но во время Первомайской демонстрации Первый секретарь Горкома партии так рывкнул, что площадь перед зданием Горкома ещё долго пахла, отбивая всякую охоту у приезжих селиться в гостинице «Полесье». Неизвестно, что подумал народ, хоть это была ещё не катастрофа, но городская прачечная, совмещённая с химчисткой, в эти постпраздничные дни работала на износ; пропахла, после провоняла и поспешно закрылась на ремонт. После ряда коллективных жалоб на работу служб быта города, вмешался его глава. После того, как на директора прачечной рывкнул Первый Секретарь Горкома, начальника мочалок пришлось целиком отстирывать в барабане стиральной машины. Хорошо, что в старой конструкции не предусмотрена функция центробежного отжима белья, за счёт огромной скорости, как в современных стиральных машинах.

Впечатлённые эффектом, спецслужбы, совместно с военными и после согласования со своим руководством на самом верху, предложили администрации в приказном порядке повторить опыт, но уже во время массовых гуляний, которые были приурочены к очередному юбилею города ядерщиков. Как предположил главный инженер — усилитель работал на частоте между частотами. Это и предстояло выяснить в последующем эксперименте.

Кто в этот раз рывкнул, осталось неясным. Ясно было одно — агрегат работал. Нарастающий ропот пронёсся по толпе, усиливаясь с каждой секундой. Отдельные возгласы возмущения слились во всеобщее недовольство, грозящее перейти в массовый бунт. Неконтролируемое поведение толпы военные предусмотрели, согласовав действия с милицейскими подразделениями и были готовы к любым неожиданностям. Тем временем, мятежники, поддавшиеся сиюминутному гневу, запутались в определении собственных требований и от этого, беснующаяся толпа галдела на все лады. Лидер, за такой короткий промежуток времени, ещё не успел самоопределиться и выдвинуться на первые позиции. Поэтому, обезглавленная народная масса, выдвигая справедливые, по их мнению, требования, не могла внятно и доходчиво донести их до властей. Те же, в свою очередь, являясь противоборствующей стороной, расценивали подобные заявления, как акт неповиновения. Быстро взвесив всё за и против, со стороны властей, было принято решение открыть огонь по бунтовщикам из оружия усмирения. В ход пошёл весь арсенал милиции, почти никогда не применявшийся в советской

действительности: слезоточивый газ, резиновые пули и свето-шумовые гранаты. Подключили пожарные части города и АЭС, которые водомётами освобождали наступающим милицейским частям путь. Последние не совсем ясно себе представляли — какой, а главное — куда. В ответ, в штурмовиков полетело оружие пролетариата, коим являлись простые камни, а также, уже пустые, от волнения, бутылки, палки и всё, что нашлось на клумбах ухоженного города. На десерт бунтовщики применили приготовленные к вечеру самодельные петарды. В то время Китай ещё не снабжал Россию пиротехникой и народу приходилось выкручиваться самостоятельно. Начальник протокола по производству салюта не выдержал и, не дожидаясь темноты, ответил огнём на огонь.

Впоследствии, особо впечатлительные граждане припоминали моменты, когда над головами мятежников оставляли рубиновый след трассеры. Простые товарищи им доказывали, что резиновые пули по определению не могут оставить такой след, а компетентные доказали. В соответствующих местах свидетелей происшествия убедили в наличии в их мозгах остаточного следа навязчивой галлюцинации и попытались вправить мозги на место. Большинство сразу же согласилось с доводами особого отдела ещё на первых минутах лечения, признав себя излишне впечатлительными, а несогласные, с силу своей природной тупизны и упорства, пополнили армию Гая Юлия Цезаря, томившегося в плену палаты номер шесть... Или семь, что, в общем-то, к делу не относится. Легат Х охренел, безвольно опустив руки, когда увидел такой резерв, доставленный на подмогу регулярным частям. То, что это не настоящие легионеры, а так — недоразумение, он понял. Через минуту — видел. Он не представлял себе, как из новобранцев сделать полноценную когорту... Клавдия и Пенелопа, присматривающие на кухне за томящейся в лагуне кашей, судорожно сглотнули слюну. Самим, блин, мало... Так как своих мощностей не хватало, а палаты оказались забитыми, под завязку, взоры медицинского персонала оказались устремлены в сторону областного центра. Главврач предложил перевести туда весь легион, но, ему, в приказном порядке, посоветовали не выносить сор из избы.

Прошло лето, страсти улеглись и постепенно все стали забывать про инцидент. Многих легионеров уволили и легат вздохнул с облегчением. Жрут много, толку — мало... Главврач чуть сам не пополнил ряды римских солдат... Самому Цезарю не было дела до мелочей — он восседал на кровати, как мраморный бюст в итальянском музее. Наступила осень и с её прохладой мозги зашевелились с новой силой. Охлаждение центрального процессора, после летнего марева, благотворно отразилось на мыслительном процессе, как больных, так и здоровых. Приближались праздники, связанные с Октябрьской революцией и руководство города, совместно с партийной организацией, плотно готовилось к их проведению.

Наступил час «Х», в виде Ноябрьской демонстрации. Плотные колонны трудящихся, с флагами и воздушными шарами, шагали мимо трибуны, с которой их приветствовали отцы города. Нестройные тройки по кустам принимали горячительное, для более полного восприятия действительности. Народ ликовал, приветствуя своих руководителей, пока его не угостили порцией звуковых пилюль. Настроение народа резко переменялось. Толпа как-будто озверела... Глава

местного профсоюза поднял руку вверх и диким голосом заорал, сверкая глазами, как профессиональный революционер:

— К оружию, товарищи!

Товарищи прониклись призывом и стали энергично разбирать цветочную клумбу, обрамлённую разноцветными кирпичами. Кирпичи стояли на боку, опираясь друг на друга, смотря острыми краями в небо. Лидер не унимался и продолжал агитировать толпу:

— Товарищи! Против резиновых пуль у нас есть резиновые бронежилеты!

Те, кому не хватило бронежилетов, экипировались защитой, изготовленной из подручных материалов. Один мужик разрезал поперёк старую автомобильную крышку, найденную на помойке и в итоге, у него получились отличные наплечники. В область груди пошёл толстый кусок очень прочной резины, шедший на электротехнические нужды, куда-то на подстанцию в районе АЭС. Руководство города будто испарилось, разбежавшись по конспиративным квартирам, а колонну бунтовщиков встретили милицейские части, при поддержке военных. Последние пригрозили мятежникам расправой, но их никто не слушал. Под свист пуль резина пищала, а подопытные орали. Повстанцы не рассчитывали, что военные пошутят, насчёт применения настоящих пуль, а те, эти пули — никогда в глаза не видели. Никакой резины. Кукол, кстати, тоже. Откуда такие познания в советской действительности и поэтому, военнослужащие поглядывали на женское население города с особым интересом. При одном воспоминании, о них, в душах солдат срочной службы рождалась буря эмоций, смешав в себе все страсти этого мира: любовь и ненависть, ругательства и серенады... Серенада матом — это что-то... Круче, только — колыбельная по-фене. Это уже нечто...

Штурмовой отряд повстанцев подогнал колесо от трактора «Кировец». Внутри поместили самого пьяного добровольца. Как выяснилось ранее и при совсем других обстоятельствах, резина «Кировца» выдерживала прямое попадание пули 5,45 из АКС. Это колесо и запустили в самую гущу противника, вместе с наездником.

Из официального доклада «Х» для среднего звена руководства. Документ, также, засекречен: «Выяснить причину, по которой произошёл инцидент, теперь не представляется возможным.»

Лицемеры. Этот вывод профессор сделал молча, зафиксировав его только в дневнике.

* * *

Лариса прекратила чтение и решительно заявила:

— Теперь нам нужно найти второй грооусилитель.

Мастодонт неуверенно возразил:

— А нужен ли он нам сейчас? Он был необходим для выхода из тропосферы в стратосферу до Великого Потопа, когда Землю ещё окружал ледяной щит. Вот для преодоления этой глыбы льда и предусматривался номер второй.

Его товарищи с разинутыми ртами посмотрели на него, как на полоумного. Терминатор

недоверчиво смерил его пристальным взглядом с головы до ног, а Диплодок потрогал лоб оратора.

— Холодный, — спокойно констатировал Алексей факт рабочей температуры отдельной части тела.

Лектор вздохнул и задал, по его разумению, вполне логичный вопрос:

— Откуда такие познания?

— О-о-о, — многозначительно ответил Мастодронт. — Я тоже время зря не терял и кое-что изучил.

Тут очнулся Крот:

— А может ли лёд висеть над атмосферой?

— Может, — утвердительно ответила Лариса. — Как раз в этом месте, согласно «Эффекту Мейсера», лёд вполне мог висеть в магнитном поле Земли. Потом, во времена Великого Потопа, водой и градом рухнул вниз.

— Что-то типа того, — подтвердил Фёдор. — Именно в этом меня убеждали знатоки по изучению НЛО.

Второй грооусилитель нашли в кабинете Первого секретаря Горкома партии. Он так и простоял в нём без дела. Почему его не заметили во время первого посещения? Для чего он Секретарю? Наверное, глава местной партии, администрации и прочая, прочая, прочая — не полагался на свой зычный голос, которым он прощался с просителями: «Пошёл вон отсюда!» и хотел придать словам дополнительный вес.

Третий грооусилитель, как выяснилось, прибрали к рукам военные, впечатлённые реакцией толпы на площади после применения устройства. Люди в мундирах планировали приспособить технику в военных целях. Такие войсковые подразделения существуют ещё со времён Второй Мировой войны. Следы грооусилителя терялись и по некоторым сведениям, его пытались применить всё на том же объекте, замаскированным под стройку. Кого там отгонять, ещё предстояло выяснить, но, без третьего номера не выйти за пределы Солнечной системы.

На сегодня, судя по Ларисиной реакции на происходящее, поиски закончились и сталкеры не торопясь возвращались на базу, лениво суя свои носы во все щели. Называли они это — экскурсией... Забрёдя в школу, товарищи не ожидали увидеть там что-либо неординарное. Скорее всего, их должны были встретить пустые стены, но, кое-что мрачное всё-таки попало... Заглянув в спортзал, Жук тяжело вздохнул от увиденной картины. На его стоны подошёл Ворон и заглянул в пустое помещение. Размахившийся снизу канат, свисающий с потолка, приглашал повеситься. «Чего мучиться в мёртвой зоне? — подумал Вова. — Кругом витает смерть».

— Мрак! — высказал свою мысль вслух Жук.

На пути Крота попался кабинет географии. Разбитый глобус на столе учебного класса, недвусмысленно намекал на последствия человеческого безрассудства. Подошедший Жук спросил:

— Это ты его так?

— Если бы я, то разбил бы об твою морду...

Во мраке подвала сталкеров ждал сюрприз. Целый ряд портретов советских лидеров времён СССР, покоились в его недрах. Их, видимо, просто не решились вывести на свалку. Причины известны.

— Странно, — высказался по этому поводу Кот. — Чего это портреты оставили, в то

время, когда вывозили всё — подчистую?

— Чего странного? — пояснил Чингачгук. — Ничего странного нет. На «Большую землю», из заражённого города, ничего нельзя было отправлять, если только — на свалку, находящуюся в пределах зоны отчуждения. То есть — тут же. На свалку! Это, считай — на помойку! Кого?! Сулова, Громыку или кто там, в то время, заседал... Кто на такое решится?! Сие действие, тогда, было равносильно самоубийству. Поэтому и спрятали плакаты, по-тихому, в подвал.

— Да-да! — подтвердил правильность выводов Бегемот. — Я представляю, если бы кто-нибудь, из спецведомства, увидел портрет Члена Политбюро на свалке. Рядом с унитазом...

— Ликвидаторов самих бы ликвидировали, без суда и следствия, — подытожил Ворон результат расследования.

Румяные лица смотрели с портретов, словно немое, но цветное напоминание об ушедшей эпохе. Все в чинах и наградах. В своё время, одно только упоминание любого имени, из представленного бестиария, вызывало благоговейный трепет у населения и животный ужас у проворовавшихся чиновников.

— Эти дяди имели длинные руки, — задумчиво сказал Ворон, направляясь к выходу.

— Ха, — выдохнул Шмель. — У нас в городе стоял, да и сейчас стоит памятник «Излому». Все знают по известной, практически культовой, игре, этого персонажа. У нас в городе его тоже запечатлели в камне. Памятник достойному человеку, поэтому я не буду упоминать его имени: дело не в нём, а в корявом ваятеле. Я понимаю — гидроцефал в скульптуре имеет некоторые преувеличения, для правильного восприятия, при взгляде издали, но тут... Если бы памятнику опустить руку — она бы достала до земли. Отправляли на переделку, причём, спустя много лет.

Направляясь к выходу, он задел ногой портрет и целая куча фанеры посыпалась на пол. Поднявшаяся туча пыли щипала в носу и Шмель смачно чихнул, попав спреевой струёй Барбариске в лицо.

Ворон, оценив по достоинству поступок друга, дал совет подруге:

— Можно попросить сатисфакцию, в виде извинения, а можно без обиняков, сразу канделябром по морде врезать.

— Ну что это за кабинет труда?! — раздался разочарованный голос Мастодонта. — Фанеры нет, чтобы сколотить ероплан. Осталось только уповать на виман, что мы, всё-таки, улетим отсюда, к ядрёной матери.

Глава четырнадцатая

Алхимическая лаборатория

На следующий день, Бегемот, пытающийся с утра кашеварить, громко возмутился: «Яиц нет, зелени нет, хлеб на исходе, главное — тоже»... Он категорически настаивал на походе к Проводнику. Возвращение на хутор за пополнением запасов портило Барбарискины планы, но остальные стояли горой за Мотину мотивацию. Как сказал ей Ворон: «Мы не договаривались здесь с голода подыхать. Один Мотя жрёт за троих, а Кот за двоих!» Лариса возразила, что: «Терминатор с Лектором и на половину не тянут, так что среднее арифметическое значение едоков примерно равно!» «Фигушки!» — яростно отстаивал свою точку зрения оппонент. — «В условиях повышенного стресса, аппетит резко возрастает. Он может, конечно, упасть на первых парах у некоторых индивидов, но потом они будут молотить со стола всё подряд. На нервной почве в мозгу что-то происходит, включая сигнал к поглощению пищи.» Барбариска махнула рукой и смирилась с неизбежностью. За последнее время удача сопутствовала ей, и не стоило пугать фортуна, форсируя события.

При подходе к хутору Проводника, Ворон сразу же отметил лишнюю деталь в обстановке двора, которой в прошлое посещение не было. Подойдя ближе, товарищи увидели люльку с колеса обозрения, закопавшуюся в землю наполовину. Рядом крутился сам хозяин хутора и с удивлением разглядывал, неожиданно свалившийся на него, космический объект. За прошедшее время он успел окопать люльку наполовину и никак не мог взять в толк, что же это всё-таки такое: на самолёт не очень похоже — крыльев нет, на ракету — тоже как-то не очень... Не вяжется ни с чем... С головой забравшись в объект, Дед усиленно искал в нём хоть что-то, могущее пролить свет на его появление в пределах обитания старика. Снаружи остались торчать только ноги в грязных кирзовых сапогах, которыми он забавно сучил в воздухе: постукивал одна о другую, разводил в стороны и сгибал в коленях.

— Гопак танцует, — прокомментировал действия проводника Крот.

— Чего он там делает, — спросил Жук, глядя на своего товарища.

У товарища ответов не было и за него высказался Ворон:

— Двигатель, поди, ищет, работающий на низкоэнергетических ядерных реакциях.

Вынырнув из люльки и увидев сталкеров, дед почти обрадовался:

— Вы не это ищите?!

Бегемот недовольно сплюнул и проворчал себе под нос:

— Мы от этого еле избавились...

Грязно-жёлтая кабинка, покрытая пятнами ржавчины, выглядела так, словно действительно, только что прошла сквозь плотные слои атмосферы. Разве что не дымилась... За неё, эту иллюзию выполнял небольшой костерок, который разжёл Проводник. Зачем он ему понадобился, ещё только предстояло выяснить. Стеклокабины, на люльке, не было изначально, а деду казалось, что она сторела в атмосфере. Отсутствие крыльев смущало ещё больше, но, он успокаивал себя тем, что это не самолёт, а ракета... На немые вопросы Проводника и отчаянную жестикуляцию, выраженную в указании на аппарат обоими руками, Ворон неопределённо пожал плечами, доказывая свою полную непричастность к происшедшему. Пока они, на пару с Вовой, выясняли этот вопрос, Терминатор с Мастодонтом пошли знакомиться с прейскурантом цен на услуги и товары, доступные на сегодняшний день. Остальные присели у костра. Многие успели соскучиться

по этому немудрёному атрибуту быта сталкеров и прочих туристов. В списке товаров, макарон не было, зато Ворон успешно вешал деду на уши лапшу, насчёт свалившегося на него счастья. Он ему доказал, что это потерянный спасательный модуль с бомбардировщика дальней авиации. Искать его не будут, так как до смерти боятся зоны отчуждения. Поэтому, почти готовая беседка Проводнику досталась на халяву. Дед успокоился и даже отбросил лопату в сторону, справедливо рассудив, что ещё успеет выкопать беседку. К тому же, на неё ещё предстояло сделать крышу... Лектор понял, что беседки не будет никогда, зато памятник безрассудству, навсегда останется торчать посередине двора.

Ворон с Проводником проследовали в дом ворошить ассортимент продуктов, а Шмель заглянул в полуоткрытый сарай. Он ему напомнил химлабораторию. Современный алхимик не искал философский камень — он его давно нашёл. Если быть точнее, то уже давно осознал, где «собака зарыта». Нашли камень задолго до рождения деда, а он просто усиленно эксплуатировал золотоносную жилу. На производственном оборудовании дед не экономил с самого начала. Самогонный аппарат гордо возвышался посередине помещения, и по сложности изготовления, выглядел не хуже вимана. Многочисленное количество трубок и змеевиков способно было поразить любого академика. Несусветное количество манометров и всевозможных датчиков, контролирующих процесс перегонки, у Шмеля вызвало подозрение в том, что большинство из них чистой воды бутафория, призванная произвести неизгладимое впечатление и не более того. Но, тем не менее, все стрелки занимали своё место и дрожали, говоря о том, что химический процесс идёт волнообразными скачками, а значит — вся аппаратура задействована. Пока Шмель об этом размышлял, первач ядовитым паром курился внутри охладителя, оседая на его стенках и вонючим ручейком стекал в стеклянную банку, заботливо подставленную дедом под краник. Вливаясь уже полноводной рекой в суровую действительность бытия аборигенов, самогон промывал мозги не хуже политинформации, вымывая одни нездоровые мысли и заливая освободившееся место другими. Горилка... Здесь её любили, ждали, встречали, с распостёртыми объятиями и... уничтожали. Затем, с распостёртыми объятиями, приставали друг к другу, признаваясь в любви и разве что, только иногда усомнясь в уважении со стороны собутыльника.

Повсюду на полках стояла стеклянная посуда разнообразных форм и расцветок: длинная и короткая, пузатая и тощая, как сосиска; огромная и маленькая, стандартная и не очень. Прозрачная, зелёная, жёлтая и коричневая стеклотара была залита всевозможными ингредиентами, столь необходимыми в деле ответственного винодела. Сыпучие компоненты нашли себе место в простых стеклянных банках. Где не хватило крышек, их заменил целлофановый пакет, перевязанный по горловине суровой ниткой. Ёмкости с компонентами, пользующимися повышенным спросом, оказались просто-напросто накрыты обыкновенной фанеркой. На стенах сарая Проводник развесил пучки всевозможных трав, которые служили его делу по разному, в зависимости от природных качеств самого растения. Некоторые играли роль растительных красителей, другие выполняли функции ароматизаторов. И никакой химии. Никаких консервантов. Впрочем, этиловый спирт сам является превосходным хранителем, служа защитой от вредоносных бактерий. Надёжно консервирует лабораторных лягушек, служащих в качестве наглядного пособия в школьных кабинетах биологии. Спирт предохраняет их от разложения, а лягушки, своим видом, разлагают неокрепшие мозги, делая человека циничным ещё на первых шагах во взрослую жизнь. Шмель вспомнил старый фильм, где два немецко-фашистских завоевателя просят лягушку поделиться с ними спиртом и брезгливо поморщился. Оценив рабочий потенциал сарая, он

сделал правильный вывод: «Настоящая алхимическая лаборатория!»

На пороге появились Ворон с Проводником, а за ними следом увязался Диплодок. Мастодонту, внутри сарая, места не хватило и он сиротливо топтался с ноги на ногу в дверях, загораживая дневной свет, позволяющий экономить электрический. Экономя электроэнергию, экономишь топливо для электрогенератора, которое всегда в дефиците. Исходя из этих мотивов, Проводник рявкнул:

— Пошёл вон из дверей — и так ни хрена не видно!

Ворон взял со стола штоф первача. Немного постояв в раздумье, он поставил посуду квадратного сечения на место и взял простую круглую бутылку. Совершая круговые движения рукой, Вова раскрутил её до нескольких десятков оборотов в минуту. Внутри, по центру бутылки, появилась воронка. Она крутилась в строгом соответствии с законами физики и выглядела, как настоящий смерч. Поднимаясь от самого дна, воронка, плавно извиваясь всем телом, стремилась к поверхности.

— Вот он — «зелёный змей», — усмехнулся Шмель, наблюдая за самогоноворотом.

— Качественный, — произнёс Ворон, удовлетворённо качая головой.

В дальнем углу, методом электролиза, Проводник подделывал горилку под виски. Медная шина, опущенная в уже согнанный первач, находилась под напряжением и вся покрылась мелкими пузырьками. Окрашивание самогона в красный цвет только началось и результат пока не дал о себе знать.

— Зачем такие сложности? — удивился Диплодок.

— Затем, — пояснил Шмель. — В Америке виски гонят в самогонных аппаратах, полностью изготовленных из меди. Некий мужик рассказывал, как он попал на маленькую экскурсию на один из таких заводиков. Походив-побродив по его цехам, мужик наслушался всякого и когда хозяин посетовал на быстрый износ медного оборудования, посетитель задал вполне резонный вопрос: «А на хрена такие сложности? Разве нельзя чаны и прочие змеевики сделать из долговечной нержавеющей стали?» На это, хозяин ему заявил, что именно медь даёт тот знаменитый красный цвет. Нарушать традиции, означает, не только в корне менять технологию, но и лишиться расцветки самого пойла.

Рядом стояла вместительная стеклянная ёмкость, в которой, примерно таким же методом, Проводник обогащал горилку серебром. Большая столовая ложка, служащая серебряным электродом, давным-давно почернела, от бесконечных электролитических процессов. Шмель только подивился оборотистости винодела. Такой размах присущ, либо трудолюбивому человеку, либо тому, которому решительно делать нечего. Парадокс...

Чуть поодаль Дед проводил опыты с низкоэнергетическими ядерными реакциями. Решив, что двум смертям не бывать, а радиационный фон в этих местах и так повышенный, он без колебаний включил опыты в производственный план. Пока получалось плохо. Из имеющегося у Проводника профессионального журнала, на отвлечённые темы, ему не совсем ясен был исходный материал. Источник утверждал, что нужен металл в порошке, но дед достал где-то цельный кусок палладия. Самогон был плохим заменителем тяжёлой воде и оставалось только радоваться тому, что не идёт распад, какого-нибудь, синтезированного бериллия на две альфа частицы, пусть и без наличия гамма радиации. Деду-то уже по-фигу, а вот сталкерам как-то неуютно...

На столе, стоящем у правой стены, Проводник работал с твёрдыми ингредиентами, требующими, для их использования в самогоноварении, своего помола. Для этих целей алхимику служили ступка с пестиком. Ступку Проводнику изготовил неизвестный мастер из

твёрдого кварцита, а вот пестик... Пестиком, на удивление окружающих, служил обычный берёзовый черенок от лопаты, измождённый на конце, как мочало. Он был свидетелем того, что мастер, в своё время, устал, чтобы ещё заниматься какими-то палками... Положив все силы на изготовление ступки, он пил прямо из изделия, заодно его и обмывая. Пестик мастеру был до фонаря. Фонарь, после пьяного дебоша, остался у каменотёса под глазом, а Проводник остался без пестика.

Закончив познавательную экскурсию по дедовскому сараю, экскурсанты присоединились к остальным участникам безумной эпопеи, томящихся у костра и коптящимися, от его дыма. Свежие продукты разнообразили сталкерский стол и Кот растолкал Бегемота, успевшего закемарить, от безделья. Открыв сонные глаза, Мотя долго осматривался по сторонам, соображая, где он находится. Определившись со своим местоположением в географическом пространстве, он посмотрел на импровизированный стол из двух досок. С удивлением разглядывая появившиеся продукты, Бегемот задал не вполне умный вопрос:

— А откуда здесь взялись яйца? Их же не было...

— Кукушка сердобольная подбросила, — рассмеялся Лис. — Кушай, Мотенька, кушай.

Колка дров, заготовка воды, для бани и прочие мелочи, заняли остаток дня. Отмывшись, отожравшись и обленившись в корягу, сталкеры коротали вечер у костра. Ворон посмотрел на Ларису, которая задумчиво всматривалась в ночное небо и спросил:

— Чего ждёшь?

— Падающую звезду, чтобы загадать желание.

— Звёзды падают в августе, когда Земля проходит через поток Персеид, Нереид и прочих метеорных образований... Это люльки падают в любое время года...

Лариса медленно повернула голову и, посмотрев на Вову, тихо сказала:

— Ты так много знаешь про астрономию... Зачем тебе это надо?

— Ну, не скажи...

Ворон рассказал Ларисе о пользе изучения звёздного неба, которую ему поведал школьный учитель. Когда ученики задали преподавателю, сходный с Ларисиным, вопрос: «А на кой ляд нам нужна эта астрономия?», он снисходительно покачал головой и пояснил недоумкам: «Идёшь ты с девушкой и посвящаешь её в секреты звёзд и созвездий, недоступных недоученному обывателю. Посмотри туда — это Полярная звезда, посмотри сюда — это Альфа Центавра... Спутница задирает голову, плясь в чёрное небо и тем самым, подставляя себя для поцелуев, вот тут-то ты и не теряйся... Не надо покупать в кинотеатре билеты на последний ряд — они в дефиците. К тому же, места для поцелуев денег стоят, а тут всё на халяву. Между прочим, в темноте кинозала не мудрено перепутать соседку с соседом... Здесь же тебе подсвечивает Луна. За её медленным движением по ночному небосводу можно наблюдать бесконечно... Есть такая примета: если долго смотреть на полную Луну, то можно стать дураком. Влюблённым это не угрожает — они и так, на данный момент, полные идиоты...»

Ночь окончательно опустилась на одинокий хутор. Костерок светил, дымил и кое-кому стало скучно. Именно тогда, когда тебе нужно скрыться от посторонних глаз, тут же ты становишься нужным. Прямо-таки — нужником... В который все, кому не лень, готовы слить свои переживания, сомнения, и прочие отходы... Вот и сейчас Коту приспичило уточнить кое-какие детали насчёт дальнейших поисков. Он огляделся по сторонам и зычным голосом позвал командиршу:

— Барбариска! Где этот леденец отмороженный?

Все неопределённо пожали плечами.

Из глубины хаты появился Чингачгук, с дневником профессора в руках и спросил:

— А где Лариска?

Следом за ним прибежал запыхавшийся Лис и с ходу задал тот же вопрос:

— А где Ворон и Барбариска?

— Ушли выть на Луну, — зло ответил Шмель.

— На полную? — растерялся Лейб.

— Да какая им разница! Тебе и подавно...

— Угу — после таких завываний и появляются толпы «Селенят», — заметил Лис.

Бегемот подбросил в костёр полено и спросил присутствующих:

— Интересно — как Ворон Барбариску уговаривает: разговорами, уговорами или сказочными обещаниями?

— Просто, — очнулся Крот. — Действует, как скунс.

— Да — жестоко, но — действительно, — поддержал его Жук.

— Это как? — поинтересовался Кот, видимо накапливая рабочий опыт.

— Полный паралич нервных окончаний и частично, дыхательных путей — пол-пути к успеху, — пояснил Крот. — Остаётся только взять Барбариску под мышку и унести. Спротивляться она, естественно, больше не сможет, к тому же, слезящиеся глаза видят окружающую действительность сквозь туманную пелену.

— Да ну-у-у вас! — разочарованно протянул Василий, поняв, что повысить квалификацию не получится.

— А всё-таки, — не унимался Чингачгук, — чего они в темноте ищут?

— Местоимения они ищут, — раздражённо ответил Шмель, уже не дивясь на поддатых собутыльников, а устав от их пьяной тупизны.

— В предложениях?

— В кустах!

— Откуда ты знаешь? — удивлённо спросил Лейб.

— Бабушка краем уха сказала, — машинально ответил Шмель.

— Ага, причём шёпотом, а ты уголком рта слышал, — рассмеялся Бегемот.

— Ну, облажался! С вами тут начнёшь заговариваться...

— Значит, она его за грибами позвала, — сделал вывод Лис.

— Какими? — опешил Бегемот.

— За золотистыми стрептококками! Или стафилококками... Или стофаллококками... Запутаетесь тут с вами!

Дальнейший разговор свёлся к обсуждению всех женщин мира, начавшись с банального ракетостроения. Далёкие неизведанные миры отступили под натиском инстинкта, оказавшись ненужными: ни сейчас, ни в перспективе. Кот высказался насчёт противоположного пола жёстко:

— Все женщины — садомазохистски. Задача, в первую очередь — разрушить всё на своём пути: отношения с коллегами, семейные узы и прочее, а потом, с криком «Ура!» и тягостным кряхтением, восстанавливать всё с нуля — балдеют они от этого.

— Да-да, — поддакнул Лис. — И вся, без исключения, любовь — за деньги. Идёшь ли ты к блуднице, живёшь ли с женой — все финансирования требуют.

— Ситуативная любовь, — пояснил Бегемот.

— Это как? — не понял Кот.

— Любовь по ситуации: деньги принёс — балбучок, не принёс — иди отсюда. Или как минимум — ко мне не подходи...

— Значит, дорогая, ты свою очередь отдаёшь другой?

Эта фраза была произнесена глухим голосом, откуда-то из глубины двора.

Вернулись Ворон и Барбариска. С каменными лицами или, по меньшей мере, ничего не выражающими физиономиями. Спокойно усевшись у костра, Лариса обратила внимание на то, как Кот поглощает консервированные помидоры, доставая их ложкой из банки. Банка, почему-то, не заняла своё место на общем столе и красные ягоды пропадали в пасти Василия, минуя остальных сталкеров. На справедливое замечание, Кот только промычал и махнул рукой, как бы отбиваясь от назойливых просителей. Барбариска надулась и Ворон, обратив на это внимание, спросил её:

— Ты чего такая сердитая?

— Кот делиться не хочет.

Ворон усмехнулся и расплылся в ехидной улыбке:

— Ларис, так тебе потом долго лечиться придётся. Целый букет... Ты что — в интим-экстрим клуб вступила?

Под улюлюканье развеселившихся товарищей Барбариска лупцевала Ворона, а Кот, втихаря, доедал помидоры. За междоусобными передрягами, время пролетело незаметно и все, только сейчас, заметили, что Лектор уже довольно продолжительное время нёс какую-то пургу, смысл которой был известен только ему одному. Оставалось удивляться тому, что он до сих пор не сбился, в своих умозаключениях.

Диплодоку это порядком надоело и он перебил товарища, дав тому ценный совет:

— Слышь, Гена, шмаль, хоть иногда, но, всё-таки нужно вынимать изо-рта.

— Да он пьян! — проворчал Мастодронт, махнув рукой в сторону оратора.

— Заканчивай триллер! — добавил Терминатор, обращаясь к Лектору. — Кровь в жилах стынет, вместе с картошкой в тарелке...

— При чём тут картошка? — очнулся Геннадий, растерянно оглядываясь по сторонам.

— От таких рассказов её жрать невозможно — ничего в глотку не лезет, — пояснил Виктор.

Лектор критически осмотрел тощую фигуру Терминатора и, как ему показалось, успокоил собеседника:

— А к чему тебе её жрать? Тебе достаточно картошку понюхать...

Ночь окончательно приняла в свои объятия измученные тела сталкеров. Убаюкивая стрекотанием кузнечиков, надрывающихся в луговых травах, царица темноты освещала спящих мертвенно-бледным светом луны. Тела валялись беспорядочно, как на поле боя — там, где их настиг богатырский сон. Проводник уснул в люльке — ногами кверху... Судя по блестящим гвоздям в подошве, это был кирзовый трофей времён Первой Мировой. Или подарок... Бегемот не исключил версию поощрения и даже — награды...

Утром, растирая большую голову и со словами: «Моя сюда больше не ходи», Ворон поплёлся к умывальнику. Вяло поплескавшись, он протёр физиономию тряпкой, висевшую рядом и дюже напоминающую половую. Со стороны бивака раздавались глухие стоны народа. Очередь к рукомойнику растянулась на несколько метров и стоящие сзади, постоянно поторапливали умывающегося.

На вопрос, что будем делать дальше, Лариса только отмахнулась, оставив все пояснения

на потом. Придя кое-как в себя, народ был готов продолжить приключения. До города брели не спеша, вяло рассматривая местные достопримечательности. Серые здания, с выбитыми стёклами окон, уже примелькались и не будоражили сознание. Разрушенный асфальт, постепенно превращающийся в просёлочную дорогу, стал как родной. Когда сталкеры вышли из-за гаражей, им открылся центр города, до которого было недалеко. Пара девятиэтажек, общежитие... Вывеска «Общежитие №Х», вызвало в памяти Шмеля рассказ одного интеллигента, который познакомился с бабёнкой и намеревался попить в её комнате не только чай, но и кофе.

— «Чаепитие подразумевалось затяжное — до утра, — начал он рассказ. — Китайцам, с их продолжительными чайными церемониями, далеко, по времени, до русских традиций. К слову сказать, в общаге и чаю то не было... Войдя, на пару с новой знакомой, внутрь здания, мужик начал отсчёт дверей. 16 комнат. Номеров на дверях почему-то не было. Приглядевшись внимательно, он понял, что во времена поверхностных ремонтов, которые и косметическими-то назвать нельзя, цифры замазали масляной краской. Ни отмывать, ни восстанавливать нумерацию помещений никто не собирался. Вот и приходилось мужику вести отсчёт по-дверно. Шёл и считал количество дверей от туалета, чтобы ночью, когда приспичит, не ошибиться, по возвращении в номер. Когда ночью начались потуги, пошёл искать сортир, ориентируясь исключительно на запертые двери, считая их в уме и в итоге, пописал в одной комнате — уснул в другой, но только не там, где надо. Всё оттого, что перепутал сено с соломой и повернул не направо, а налево и далее, в том же духе. Утром очнулся в объятиях незнакомой феи, которую видел первый раз в жизни. Ночью она даже не пикнула, не говоря уже про то, чтобы подать возмущённый голос...

— Любопытно не это, а другое: почему из комнаты, куда справили нужду, не доносились недовольные возгласы? — поинтересовался Бегемот.

— Или привыкли, к такому обращению, или соблюдали режим строгой конспирации, — предположил Шмель.

Дойдя до центральной площади, друзья свернули к гостинице «Полесье». У Ворона сложилось впечатление, что Барбариска сама не знает, что теперь делать и бесцельно водит сталкеров по городу.

— Чего ищем-то? — спросил он у неё, не ожидая услышать ответа, но он у Ларисы был. Она растерянно огляделась по сторонам и сказала:

— Судя по записям, профессор запрятал в подвале вихревой тор. Знать бы, как он выглядит, а заодно — как выглядит подвал и где находится...

— Что за зверь?

— Тор нужен для того, чтобы двигатели работали в режиме искривления пространства, кажется... Впрочем, я в этом не уверена. Учёный тут так намутил... Короче, виман может двигаться выше скорости света.

— А разве это возможно? — удивился Вова, скептически поглядывая на подругу.

— Если имеешь отрицательную массу, — утвердительно ответила Лариса. — Такого никто и никогда не видел, но, при отрицательных значениях массы предметы будут вести себя странно — падать не на землю, а вверх...

— Ха! — радостно воскликнул Ворон. — А Мотя не будет похож на слона, потерявшего бревно, которое служило ему грузом, дабы тот не улетел... Ну, дальше матерными словами.

Пока они на пару осматривали подвал, остальные разбрелись по номерам, глаза на пустые стены и редкие элементы декора, которые забыли вывести или не захотели. Подлые

альфа частицы поджидали в каждом углу, и в отличие от эксперимента Проводника, фонили страшно, в тридцать раз превышая мощность бета и гамма излучений. Хотя они и смывались обычной водой, но вот вздохнуть такую штуку... Поэтому, при малейших подозрениях, со стороны ликвидаторов, позволило некоторым вещам остаться на своём месте.

Бегемот, бесцельно шляясь по номерам, постоянно ворчал:

— Тоже мне, гостиница — матрасов нет... Ни хрена нет...

— В матрасах вредители завелись, поэтому их выкинули, — смеясь, предположил Лис.

— Клопы, что ли? — недоумённо спросил Мотя.

— Радионуклиды! — расхохотался Чингачгук. — И вообще — в номере ночевать, как-то стрёмно. На крыше спокойнее.

Зайдя в туалет, Бегемот посмотрел на пожелтевший унитаз и вспомнил одну историю из советского строительства:

— Пускали новый дом в эксплуатацию. Естественно, в те времена комплектовали построенные квартиры самой дешёвой сантехникой. Газовые плиты есть? И то — ладно. Стены оклеивали бесплатными обоями, на которые, даже во времена тотального дефицита, в магазине никто не посмотрит. Привезли унитазы и сантехники установили их на штатное место. Приёмная комиссия приняла дом к эксплуатации и поставила на баланс домоуправления. Сколько халявы они приняли на грудь во время торжественного банкета — история умалчивает. Сколько приняли карманы комиссии примирительных денежных купюр, в виде взятки? Кто его знает. Тогда этими вопросами занимался ОБХСС, Ну, ближе к делу. После заселения квартир жильцами, в одном санузле выявился неприятный дефект. Благодаря пустотам, возникшим при некачественной отливке, унитаз многократно усиливал все звуки, которые ему навязывали и транслировал мелодию в окружающее пространство. Подъезд стонал... Потом привык... Затем, фаянсовое изделие кто-то выкупил... Про то, кто это был — слухи ходили самые противоречивые.

— Ха! — отозвался Шмель. — Вот я знал одного мужика, так у него, от детонации, чуть унитаз не лопнул, а по канализационным трубам пошёл такой резонанс... И всё-таки, он не раскололся.

— Что-то у вас одни разговоры про отхожее место, — вмешался Жук.

— Точно, — поддержал его Крот. — Больше, видимо, разговаривать не о чем.

— Так ведь все наркоманы, — ответил Шмель. — Отсюда и приятные, чуть ли не балдёжные, воспоминания.

— Это в каком смысле? — насторожился Жук.

— Всё просто. Стимуляция процесса шлакоудаления контролируется группой естественных наркотиков из группы эндорфинов, соответственно, вырабатываемых собственным организмом... Наверное, для того, чтобы не жалко было расставаться с имуществом.

— Кровно нажитым, — добавил Чингачгук.

— Потерял! — заорал Бегемот и, заразительно гогоча, сталкеры потянулись к выходу.

К этому времени, Ворон с Ларисой уже выбрались из подвала и никак не могли определиться, откуда начинать поиски. Постепенно подтянулись остальные. Завязалась длительная дискуссия, насчёт того, куда идти в первую очередь. Естественно и, как-всегда, партия раскололась на две, практически непримиримые, стороны. Мастодонт долго слушал ораторов от обоих движений, пока не вник в ситуацию.

— Тут неподалёку есть большая котельная, — тихо сказал он, указывая рукой

направление, в котором стоило идти.

— Чего же ты молчал, морда?! — с укоризной спросил его Диплодок. — Тут уже все собирались друг другу морды бить, доказывая свою правоту.

Котельная, как и все строения, имела запущенный вид. Группа вентилях красного цвета выстроились в ряд, на фоне зелёных труб. Ржавчиной подёрнулись переходные звенья, втулки и прочие места, где когда-то неизбежно подтекала вода. Ворон обратил внимание на странный вентиль. Все вентиля как вентиля, а у этого перемишки торчат наружу, и всем своим видом показывают, что они не из этой котельной, не из этого города и вообще — не из этой оперы.

— Да уж, спрятал, — насмешливо сказал он, пытаясь вытянуть штуковину из неродной конструкции, но не тут-то было.

Тор стоял намертво и Вова уже начал сомневаться в том, что это искомая деталь.

— Пойми этих учёных, — подал голос Лис. — Видимо ему показалось это место наиболее удачным для хранения агрегата.

Мастодонт внёс некоторые пояснения:

— Это котельная старая и её законсервировали ещё до аварии АЭС.

— Вот как, — понятно промурлыкал Кот. — Тогда это многое объясняет.

— Чего там, — сказал Шмель. — Не так уж сильно деталь отличается от остального оборудования. Даже вечно пьяный начальник котельной, имея соответствующее образование, ничего бы не понял. Да и не захотел бы... Мало ли какие новшества поставляли на постсоветское пространство. Его больше интересовало, насколько подорожала водка, чем нововведения из области котельного хозяйства...

— Безусловно, — согласился Ворон и повторил попытку извлечь вихревой тор из капкана стандартного вентиля.

Присев на корточки, он взглянул на тор снизу и злобно сплюнул:

— Блин — профессор его приклеил, каким-то суперклеем!

Пришлось Бегемоту снимать весь вентиль, чтобы на базе спокойно отделить две разнородные детали. Лариса осталась недовольна результатом и ей показалось, что найдено не всё. Слишком бедновато... Этими соображениями она поделилась с Вороном и сталкеры разбрелись по подвалу, ища что-либо неординарное — не вписывающееся в привычное мировоззрение. В кучу снесли всё, что посчитали нужным — пусть Лариска с Бегемотом разбираются. В дверях появился взволнованный Жук и с ходу завопил:

— Нашёл!

Во дворе стоял агрегат, весь обвешанный трубками. Кот посмотрел на виновника шухера и прояснил ситуацию:

— Идиот! Это прохудившийся котёл...

Глава пятнадцатая

Лучевое оружие — массам, рождённым ползать — полёт

На базе кипела работа. Сваленные в кучу подозрительные детали отдали на растерзание Бегемоту, при строжайшем контроле со стороны Барбариски. Избавившись от поклажи, сталкеры опять разделились на два лагеря: те, кто занят делом и те, кто в этом ничего не понимает. Балдели незнайки недолго, потому что праведный гнев разыграл внутри бандерши и она отдала приказ бездельникам:

— Хоть ужин приготовьте, что ли! Нечего без дела слоняться!

Пришлось несознательной части коллектива чистить прошлогодний картофель, который был куплен у Проводника. Радовало то, что картошка была крупная, но и огорчало — одновременно. Кое у кого возникли сомнения насчёт условий, в которых её растили и подозрения, насчёт удобрения, коим с большим успехом могла служить радиация. Счётчик Гейгера молчал и постепенно, сомнения улетучились прочь и, чем меньше оставалось нечищенных корнеплодов, тем меньше одолевали тягостные думы. Заготовив полуфабрикаты на ужин, к его приготовлению приступить, всё-таки, не торопились. Было рано предаваться кревоугодию, от которого, у некоторых членов личного состава, лица стали опухать.

Лариса углубилась в изучение дневника, а Бегемот пытался оторвать вихревой тор от вентиля. Прочный клей намертво держал крестообразную деталь и Моте пришлось изрядно повозиться, прежде чем он отделил одно от другого. Крестовина оказалась только сердцевинной тора и пришлось изрядно порыться в куче принесённого хлама, прежде чем миру явился вихревой тор в первоизданном исполнении. Его установили на место, но ничего не произошло.

— И не могло произойти, — сказала Лариса собравшимся поглазеть на чудо. — Действия искривителя пространства проявятся только при ходовых испытаниях.

Шмель усмехнулся и попытался представить последствия:

— Выйдем из вимана кривыми, хромыми... Кот, у тебя будет отличный «кривой стартер»! Будешь, как в цирке, деньги зарабатывать, демонстрируя чудеса в подземном гараже.

— Почему в подземном, — расплылся в улыбке Ворон.

— В наземном слишкомлюдно. Многовато посторонних глаз, в том числе и детских, незнакомых с ситуацией посаженного аккумулятора у автомобиля советского автопрома.

Барбариска сморщилась, как финик на просушке. Вова понял, что не бестолковые разговоры её гнетут, а грызёт изнутри какая-то неопределённость. Этими соображениями он поделился со Шмелём, но тот усомнился:

— Рановато ещё, грызть-то...

— Тьфу ты, блин, остряки, — сплюнул Ворон и обратился к Барбариске: — Ларис, что-то не так?

— Не хватает антигравитона. В этом хламе его нет. Профессор, в своих записях, намекал на кладбище. И вообще, это не дневник, а ребус, какой-то!

— Чего же ты хотела? — вмешался Лис. — Тайна, на то она и тайна.

— В том-то и дело, — не согласилась Барбариска. — Если учёный хотел, чтобы никто

не нашёл запчасти, мог бы из просто выкинуть всё, куда-нибудь подальше и не оставить никаких записей. А тут создаётся такое впечатление, будто бы он именно желал того, чтобы детали были найдены.

— Умом учёных не понять! — пояснил Шмель. — На то он и учёный. Просто профессор боялся негативного применения обретенным знаниям, а оттого страдал, но и расстаться навсегда с находками не мог — не позволяло образование и определённый склад ума, формируемый в течении всей жизни. Для него выкинуть ваджру в море означало тоже самое, что бульдозером сравнять с землёй три большие пирамиды в Египте. Или стереть с её лица Мачу-Пикчу. Ну, и так далее, в том же духе...

Оглядевшись устало по сторонам, Ворон вперил взгляд в Барбариску, стоящую возле вимана, как монумент погибшим атлантам. Смерив её взглядом, с ног до головы, он, как можно вежливее, спросил:

— Ну, что дальше?

— Дальше отсутствует несущественная деталь, — тоже, как можно мягче, ответила бандерша. — Потеряна ваджра. Без неё летать можно и, даже, с большим успехом. Но...

— Что но? — поторопил её Ворон.

— Ничего, — растерянно промычала Лариса, складывая в уме все плюсы и минусы. — Стрелять-то мы, без неё, не сможем...

— Мы об этом давно догадались, — перебил её Шмель. — Аппарат, без ваджры, поднимется в воздух? Все системы не завязаны в один узел, в котором одна деталь зависит от наличия другой?

— Нет, но...

— Опять но! — не выдержал Ворон. — В кого ты стрелять собралась?

— На Земле — ни в кого, — успокоила его Барбариска. — А вот если на Луне системы безопасности остались в боевой готовности...

Сырой картофель вылетел изо-рта Бегемота, который он посасывал, пытаясь утолить приступы голода. Его лицо приняло крайне глупое выражение, а сам он только и смог, что с хрипом выдать из себя:

— Где?!

— В звезде! — зло ответил Ворон, подозревая Барбариску в попытке осуществить самые бредовые идеи.

— Неправильно, — поправил его Шмель.

— Правильно! — парировал товарищ. — Там может остаться целый флот! Вот тогда нам точно «звиздец». За своих нас не примут — можете даже не обольщаться. При количественном превосходстве нас разнесут вдребезги ещё на подлёте к поверхности спутника Земли, тем более, что никто не умеет управлять этой техникой.

Шмель согласился с доводами друга и, обращаясь к Ларисе, спросил:

— Как тебе вообще могла прийти в голову эта идея?

Она только неопределённо пожала плечами, и тихо прошептала:

— Да я так... Не сразу же к звёздам лететь.

— Честно говоря, я вовсе не собирался никуда улетать, — поделился с ней своими соображениями Ворон, держа руку на сердце. — Я вообще не ожидал того, что мы что-то найдём, а тем более — в рабочем состоянии.

— Ну хорошо, — вмешался Чингачгук. — И где нам искать эту железяку?

— Вообще-то их две, — поправила его Барбариска.

Она представила на всеобщее обозрение нарисованную схему ваджры. Кот оживился и радостно воскликнул:

— Да мы такую видели в Индии — в музее под открытым небом!

На чертеже ваджра выглядела непонятной загогулиной, но присмотревшись внимательней, можно было подметить характерные черты лучевой пушки, в которые входили фокусировка и охлаждение. Чингачгук, внимательно ознакомившись, в общем-то, с незатейливой конфигурацией энергетического оружия, спросил:

— Почему у неё такая странная конструкция — с обеих концов одинаковая?

— Оба конца рабочие, — пояснила Лариса.

— Ваджра что — стреляет в обе стороны, — уточнил Терминатор.

— Ну — да.

— Одновременно? — не понял Гена, прокручивая в уме прецеденты, которые он встречал в компьютерных играх.

Барбариска пожала плечами и равнодушно ответила:

— Можно и одновременно, но, это — необязательно. Хочешь — вперёд пуляй пучком плазмы, хочешь — назад.

— Так что же получается — это не лазер? — удивился Мастодронт.

— Лазер, — подтвердила Лариса. — И мазер. И плазменная пушка. Короче — и то, и другое и ещё куча всяких прикамбасов, созданных для умерщвления всего, что назойливо крутится перед глазами, в том числе — массовое уничтожение живой силы противника. Всё дело в том, какой режим выставлен.

— Любопытно, — промямлил Диплодок, нервно теребя пальцами подбородок.

— Не любопытствуй! — предостерег его Лектор. — Судя по твоему революционному взгляду, в тебе начинает просыпаться маньяк...

— Любопытная конструкция, — сказал Шмель Ворону. — Стреляет в обе стороны.

— Нормальная, — не согласился Вова. — Удар антихвост. До сих пор не понимаю, почему им не оборудуют современные самолёты. Заходит противник тебе в задницу, пытаешься сесть на хвост, а его в лоб встречает шквал огня из пулемёта. Или пара небольших ракет, класса воздух-воздух, уж не знаю с какой системой наведения. Да просто взорвавшийся горшок с гвоздями и тот сойдёт.

Кот, прислушиваясь к разговору, теребил в душе собственные мысли, далёкие от современного самолётостроения. Свои сомнения он изложил в простом вопросе:

— Музейная ваджра точно не подойдёт?

— Да они там бронзовые — монолит, — возразила Лариса. — Аборигены их отлили, как памятник тому, что видели, а те, что стоят под открытым небом — то же самое, только каменное...

— А-а-а, — понятиливо протянул Василий.

«У-у-у», — протянул про себя Ворон, отмечая, что сталкеры, в последнее время, стали отличаться удивительной тупизной. «Уж не радиационные ли поля, причиной тому?» — не отпускали сознание нездоровые мысли. Подсознание терзали другие и никакая поганая метла не справлялась с их изгнанием: «Не засланец ли, Лариска?»

В эту ночь Ворону снился удивительный сон, в котором собралась все мысли и переживания, накопившиеся за прошедшее время совместных походов.

В системе «Сотиса» экспедиция отчитывалась о проделанной работе. Техник с огромной головой, впрочем, как и у всех прочих, осмотрел «Виман» и с удивлением обнаружил на месте лучевого оружия его каменный прототип, в первой фазе конструирования. Он немедленно доложил начальству о странной находке. Прибывший в ангар инопланетный чиновник сурово спросил:

— Почему «Ваджра» каменная?

Подчинённый, с головой напоминающей большой географический глобус Юпитера, растерянно развёл коротенькие руки в стороны и неуверенно попытался оправдаться:

— Наверное, когда нам пришлось долго сидеть в болоте, то под воздействием X-поля, совмещённого с энергией пси-излучения, произошла моментальная минерализация металла.

Начальник не поверил подчинённому. После применения восьмой степени устрашения, глаза первого пилота, и так занимающие пол-лица, стали размером с хороший прожектор. Не перенеся мук допроса, экипаж признался, что пропил оружие, а его каменный прототип стащил с постамента, в каком-то музее под открытым небом.

— Там ещё бронзовая была, — добавил второй пилот. — Мы и её, на всякий случай, тоже прихватили.

Начальник пообещал показать пилотам, где земные раки зимуют и даже попытался схватиться за свою голову обеими руками, выражая крайнее разочарование, но не достал. «Руки коротки», — подумал командир тарелки, а чиновник простонал:

— Своего дерьма мало...

В ходе дальнейшего опроса, временами нисходящего к допросу, экспедиция поведала ещё кое-какие любопытные детали и факты, из жизни земных обитателей. Наибольший интерес, для руководства, представлялось описание приобретенных технических, и не очень, навыков, самим экипажем вимана. Первый пилот делился секретами мастерства охотно, словно с тоской вспоминая прожитые годы на негостеприимной планете. На вопрос начальника, отчего же у вас такая ностальгия, раз на этой планете жить невозможно, экипаж неопределённо пожал плечами, не найдя, что ответить.

— Что ещё можете сообщить? — продолжил чиновник.

— Научились ставить брагу на воде из камеры-контур энергии, — мечтательно просвистел первый пилот. — Она бульбуляторится с помощью гроон-усилителя в сильном энергополе, при улавливании и усилении гравитационных волн.

Второй добавил:

— Научились гнать самогон, с последующим его облучением в темпоральном накопителе тугоплавким силовым кристаллом.

— Ну и как? — с подозрением, осведомился начальник.

Командир вимана тяжело вздохнул:

— Два велосипедиста велосипедами накрылись.

— Это как?

— Не доехали до дома — уснули...

— А что такое — велосипед? — удивился чиновник неслыханному, до сих пор, техническому приспособлению.

— Средство передвижения, работающее на энергии самоистязания, — пояснил третий пилот, до этого времени предпочитавший помалкивать, чтобы не подвергнуться более

высокой степени утрашения.

— А почему они на «Виманах» не летают? — задал каверзный вопрос заместитель начальника, тоже молчавший до сих пор, вероятно, так же опасавшийся попасть под горячую руку непредсказуемого начальства.

— Как тебе сказать? Ну... В общем, не бери в голову.

Ни второй, ни третий пилот ничего не могли добавить к сказанному. Ничего не мог добавить к сказанному и смотритель, он же — распорядитель-сопровождающий вимана. Наблюдатель до сих пор был пьян в стельку. Его не смогли привести в чувство ни восьмая, ни девятая, ни десятая степень утрашения. Электрошок оказался неэффективен, «испанский сапог» — по барабану...

После допроса экипажа, начальник захотел лично проинспектировать виман, после полёта последнего на Землю. Он долго ходил кругами вокруг аппарата, временами морщась и присвистывая. Забравшись под его днище, чиновник долго кряхтел и долетающие оттуда звуки, напоминали стон раненного бизона. Выбравшись из-под агрегата, начальник выпрямился во весь свой небольшой рост и удивлённо пропищал:

— Ё-моё! Так у вас в теплоносителе вместо воды — этиловый спирт. Притом сильно загрязнённый. Как камера-контур энергопотока выдержала?

— Ничего странного, — возразил первый пилот. — Неочищенная сивуха у тамошних аборигенов не успевает пройти даже начальную стадию очистки, а камер-контур и не такое выдерживала. Один раз в неё пришлось залить даже огуречный лосьон, который является на Земле страшным дефицитом. И ничего — камера выдержала, но не выдержали аборигены... Чуть морду не набили! Пришлось в спешном порядке уносить ноги...

Начальник открыл краник, заботливо смонтированный в земных условиях тамошними мастерами и налил в каменную вазу светящуюся жидкость. Отхлебнув, он поморщился и сказал:

— К тому же горячо и противный привкус трансуранового элемента...

Его зам, попробовав эликсир, заметил:

— Я предупреждал о главной опасности, при контактах третьего рода на самом большом материке Земли. Особенно, в центральной его части. Хуже этого, может быть только территория, чуть западнее Уральских гор, как земляне сами их называют.

Вечером, в казармах галактической охраны, происходили странные события. Начальник, со своим замом, не привыкшие к подобным напиткам, после дегустации привезённой жидкости, спали мертвецким сном, зато гулял личный состав всего подразделения. Выплеснутые, в запале, слова инопланетной песни, явно указывали на нецензурный характер спетого. Иноземные частушки поражали своим задором, несмотря на то, что рифма, в понимании землян, отсутствовала напрочь. Прибывшему, с проверкой, инспектору, показалось странным подобное поведение солдат. До этого, их ни разу не уличали в подобных деяниях. В связи с отсутствием прецедентов, проверяющий пребывал в растерянности. Дневальные всех смен повыскакивали из щелей, как тараканы из помойного ведра, во время шухера на кухне. Начав докладывать одновременно, подавляющее большинство сбилось с мысли ещё на первых словах рапорта и в итоге, речь попытался продолжить самый стойкий, но тоже уснул. Докладывал командир вимана:

— Первое ударное звено третьей эскадрильи двадцать восьмого сервиса истребительной авиации охраны Сотиса, под командованием... Этого... Как его...? Ну, имя которого, без наркоза не выговоришь!

— А как его по земному? — задал провокационный вопрос проверяющий.

— Просто! Гораздо проще, чем по-нашему, но, русские женщины, почему-то краснеют...

— Как? — удивился инспектор.

— Прямо на глазах! — пояснил первый пилот. — Инфракрасный спектр, в моём мозгу, зашкаливал и на время выходил из строя.

— А почему охрана Сотиса? Может, всё-таки, Альфа Сотиса?

— Да нет — мы покрываем весь регион, — не согласился командир вимана.

— Знаю я, как вы покрываете, — проворчал инспектор. — От результатов вашего покрытия, уже в глазах рябит: всюду головы, головы, головы. Иногда головищи и глазищи... Кстати, ещё на вас поступила жалоба из созвездия Арагона, а конкретно, из округа Веракруза.

— А что пишут-то?

— Писать у нас перестали около четырёх тысяч лет назад. Телепатическая диппочта донесла, что у тамошних рождающихся детей кожа не синяя, а сине-зелёная.

— Ну и что? — равнодушно просвистел первый пилот. — Ничего страшного нет, на мой взгляд.

— Ничего страшного нет, если не считать мелочей, — поправил его проверяющий. — Кожа у них не просто сине-зелёная, а в полоску. Одна полоса лазурная, как небо над Пратером, а другая — изумрудная, как морской песок на Колондау. Женщины, которые рожали, будучи одинокими, остались без изменения, а замужние — покрылись пурпурными полосами, а под глазами — чернота, будто их кто-то киркорианской глиной перепачкал.

— Может, это — аномалия? — предположил лётчик.

Сам он отлично понимал, откуда ноги растут и прочие члены, но, на всякий случай сказал — вдруг прокатит.

— Не знаю, — сердито ответил инспектор. — Но точно знаю одно — если так будет продолжаться и дальше, ваш аномальный батальон расформируют, к веракрузианской матери, а вас заставят жениться на пострадавших.

— А что это такое — жениться? — не понял первый пилот.

— Семейная ячейка, — как можно мягче, пояснил проверяющий. — В общем, мучаются вдвоём, не полагаясь на коллектив. Это у нас жизнь, как в земном улье... Или муравейнике, что, впрочем, почти не имеет различия.

Инспектор заглянул в соседнюю казарму и обомлел. Личный состав лежал вповалку, кого где застал пьяный сон: у порога, на пороге, за порогом, друг на друге и вплоть до штабельной укладки. Упакованные, как дрова, они напоминали соты улья, до того всё упорядоченно у них получалось. У инспектора комок подкатил к тому месту, где должно быть горло нормального человека, а сам он только и смог, что спросить:

— Что — пятое подразделение тоже полегло?

— Угу — согласно кивнул головой первый пилот. — Полностью.

Крупная слеза выкатилась из его огромного глаза и, проскользнув по щеке, упала на пол. Ноги у обоих стали мокрыми. «Так и до обезвоживания личного состава недалеко», — подумал инспектор, а вслух сказал:

— Весело... Вот если бы я имел чувства, какие имеют земляне, я бы знал, что означает это понятие. Кстати, а что оно означает?

Первый пилот выпучил глаза ещё сильнее, но ответить ему было нечего.

— А что послужило причиной падения? — задал проверяющий каверзный вопрос.

— Тридцать литров этилового спирта, выданных на промывку и протирку оборудования. После его употребления всё подразделение лежит пластом, включая космических пехотинцев. В моменты просветления сознания, цыган, каких-то, требуют... Кстати, смею заверить, что это случилось ещё до нашего возвращения с Земли.

Инспектор не очень-то поверил словам первого пилота, издавна не доверяя членам экспедиционного корпуса. Никто из личного состава даже не догадывался о коварных свойствах этила, пока Совет не угораздило включить планету Земля в план изучения инопланетных форм жизни. Он повернул голову к сопровождающему его лицу, с огромной головой и, отметив про себя, что это не лицо, а морда земного бегемота, спросил:

— Как наказывать будем? Опохмеляться не давать?

— Проще! Сократим им отпуск на время, в три раза большее, чем они тут прохлаждаются. Затем в командировку на Трихансад.

— А это не будет приравнено к садизму? — осторожно осведомился инспектор.

Его помощник пожал бы недоумённо плечами, но они у него отсутствовали, так как голова плавно переходила в руки, минуя стадию богатырского изгиба...

* * *

Где-то в районе средней полосы России, в одной из забегаловок общепита, повар, буфетчица и уборщица стояли около «Титана», глупо улыбаясь. Вместо простенького крана, открывающегося простым поворотом рычага в сторону, в кипятильный аппарат было вмонтировано нечто: с огромным количеством трубок, переходников и мигающих жидкокристаллических индикаторов. Светящаяся красная кнопка по контуру подсвечивалась мягким изумрудным светом, словно приглашая всех желающих её нажать.

— Может, это директор поставил? — предположил повар.

— Сам, что ли? — возмутилась буфетчица, отлично зная про то, что директор сам гвоздя не сможет забить.

— Почему сам? Слесаря вызвал....

— Может — надавить? — робко предложила уборщица.

* * *

Три бомжа ганашились на могиле неизвестного ликвидатора аварии, разливая по стаканам жидкость сомнительного качества. Ничто святое им не чуждо... Неожиданно, зелёный гранитный обелиск засветился мягким изумрудным светом.

— Всё — допились!

Три оборванные личности, немывтые и все в лохмотьях, начинали новую жизнь. Имевшие неосторожность соприкоснуться с могилой профессора, они теперь левитировали. Бомжи забавно барахтались в воздухе, суча руками и ногами, и пытались спуститься на грешную землю. По непонятной причине, сделать этого они не могли. Не могли несчастные: ни улететь, ни спуститься вниз. Они имели возможность, только двигаться по горизонтали. Может быть, когда-нибудь, этот эффект исчезнет. Рассосётся, так сказать. Они погребли в

неопределённом направлении... Спустя некоторое время, сердобольные люди вручили бедолагам вёсла от резиновой лодки с короткими ручками. Вёсла сильно смахивали на ракетки для игры в настольный теннис. Сначала их видели выступающими в балагане, но, видимо, много заработать на этом не пришлось. Во-первых, зачем платить, если можно не платить, так как бомжи волей-неволей не могут остановить представление, а во-вторых, наши люди не верят, ни во что. В крайнем случае — ничему не удивляются. Впоследствии, знающие люди говорили, что бомжей видели на пути в Тибет. Будет переполох у тамошних шарлатанов. Дозаправку летуны производили прямо в воздухе — кто что даст. Голос из ниоткуда сурово произнёс:

— Не хрен, понимаешь, в зону действия «Антигравитона» без защитного экрана лезть.

* * *

Утром Ворон застал Барбариску уже на ногах.

— Путь сегодня предстоит длинный, — таинственно сказала она. — Возможно, не на один день, но, с одной ночёвкой — это точно.

— И куда топать? — настороженно спросил Вова.

— В соседний город. Нам нужно посетить заводик по обработке гранита.

— Что он здесь делает? — удивился Ворон.

— Не здесь, а там, — поправила его Лариса. — Большая разница.

— Да я не про то. Зачем он здесь — в принципе.

— Да ты что, — удивилась Барбариска, — а памятники на кладбище где заказывать? В соседней республике, что ли?

— А-а-а, да-да, — согласился Ворон, совсем упустив подобную деталь из логической цепочки жизненного цикла. — Памятники....

До соседнего города было не так далеко, но и неблизко. В путь решили отправиться все. Никто не захотел оставаться наедине с непредсказуемой техникой, хоть она себя пока никак не проявила, с негативной стороны. Пыль дорог, солнце над головой, а иногда и дождь стеной — вечные спутники странников, с какими бы целями они не шли по этим дорогам. Как известно — их осилит идущий... Как назло, попутного транспорта не попалось и пришлось перемещаться на своих двоих.

Прибыв на место, сталкеры выяснили, что завод занимается тем, чем и должен был заниматься: облицовка зданий, стен, парапетов и полов. Активно потребляют продукцию станции метро. Но, для них, в основном, всё делается на заказ. Производство надгробных постаментов... Это отдельная, но самая стабильная статья заводских доходов. Необходимо было уточнить существенные детали. Ради этого, на самом заводе, сталкеры разыскали главного инженера и, с помощью эликсира болтливости, разговорили последнего. Инженер оказался словоохотливым и кое-кому показалось, что выпитый им эликсир был лишним, в цепочке опроса. Даже ненужным. Технарю постоянно приходилось задавать наводящие вопросы, чтобы во время возникающих пауз, он не запел. Главный инженер, насчёт этого действия, имел твёрдое намерение и упрямо порывался его исполнить. Сталкеры были против и поэтому, вопросы сыпались, как из рога изобилия. Но, к сожалению Барбариски, их запас иссяк, положив начало сольному пению. Сталкеры, на данный момент, испытывали к хоровым выступлениям стойкое отвращение и поэтому, постоянно сбивающийся с ритма

тенор, в гордом одиночестве терзал стены заводской конторы.

— Что мы имеем? — спросил Ворон окружающих, под завывание уважаемого мастера по обработке гранита, работавшего без аккомпанемента.

— Пьяного инженера, — моментально среагировал Лис. — И солиста большого театра. Нахмурившись, Чингачгук посмотрел на поющего и предложил:

— Салом ему рот зашпатлевать...

— Не напасёшься, — недовольно возразил Бегемот.

Делать было нечего и сталкеры пошли другим путём. Путь оказался прост, до безобразия. Они, просто-напросто, опросили местного рабочего, следившего за работой станка. Огромная дисковая пила, с алмазными зубьями, медленно резала гранит. Вода, подаваемая на охлаждение, ручьями стекала на пол, но твёрдая порода неохотно поддавалась современной технике. Слежение за работой оборудования, у самого рабочего, заключалось в том, чтобы просто глазеть на производственный процесс. Лишь иногда он вносил небольшие корректировки, а в целом, страдал от безделья. Исходя из сказанного, а так же благодаря южному темпераменту, сотрудник завода тоже оказался весьма словоохотливым. Кому-что делали, рабочий естественно, не знал. Гранит отправлялся на кладбище без дат и имён и поэтому, особенной тайной являлось то, для кого предназначались памятники и постаменты. Но, всё-равно, кое-что ценное рабочий поведал. Из его пояснения, стало ясно, что об этом знают только директор кладбища да художники, которые непосредственно наносят на гранит физиономии усопших, а так же, даты рождения и смерти. Возможно, кое-что может быть известно кладбищенскому сторожу. Припомнил он и то, что из гранитной крошки один раз делали пустотелый памятник: «Все тогда сильно удивились заказу, но в детали вникать не стали. Зарплату платят, да и ладно. Прессованная крошка, в основном, идёт на облицовочную плитку, существенно облегчая стоимость продукции, но, в данном случае, её пришлось клеить. Так что, погребальный скворечник тогда обошёлся заказчику в копейчку — значительно дороже цельного куска гранита».

«Кладбище, так кладбище», — обречённо подумал Ворон, а Кот, смотря на огромную дисковую пилу, высказал наиболее болезненное:

— Вот у вас пила, метра три в диаметре и толщиной три сантиметра. В районе египетских пирамид есть блоки, имеющие следы пропила не более трёх миллиметров. Аборигены утверждают, что их предки гранитную породу верёвкой пилили.

— Ну, пусть гастарбайтерами приезжают к нам на завод и пилят гранит своей верёвкой. Сколько денег сэкономим на дорогом оборудовании.

Распрошавшись с рабочим, сталкеры направили стопы в сторону городского кладбища, где по предварительной версии был захоронен профессор. Сторож скучал на воротах, не выходя из своей будки. Что он тут делал и что охранял, он уже и сам не помнил. Зелёная сторожка, сильно напоминающая облезлую конуру, покосилась от времени, но ещё держалась, стоя на боку. Сторож давно привык к таким наклонам и для него, самое главное, было не перепутать: в какую сторону наклонен он, а в какую — будка. В противном случае на пост можно было не попасть... Кладбищенский сторож знал намного больше главного инженера завода, но был такой же разговорчивый. Вообще, как выяснили товарищи, в этих местах все поголовно отличаются повышенной болтливостью и неудивительно — места стали глухими. Поговорить абсолютно не с кем. Охранник покойников поведал о том, что похороны здесь — теперь большая редкость. Но, если уж и случаются, то с таким размахом, что мама не горюй. Иногда хоронят бандюков. По рассказу сторожа, один раз братва с такой

интенсивностью стала поминать свежих жмуриков, что чуть не спилась, присоединившись к новопредставленной компании, а количество выпитого с лихвой бы хватило на помывку паровоза. Про обмывку речь просто не шла...

Ворон долго слушал словоизвержения, временами переходящие в плач души и, не выдержав, спросил сторожа:

— Вопрос на засыпку — где могила профессора? Какой памятник ему делали на заказ?

— Из клеёной мраморной крошки, — несколько растерянно ответил дед. — Пустотелый. Как он сам пояснил — чтобы родственники не надорвались, когда хоронить будут. Сердобольный... И ведь не надуешь — не смухлюешь. Будущий покойник сам принимал заказ. Маразматик старый! О, кстати, о памятниках!

Кладбищенский сторож поведал истину, о странных обелисках, которые родственники заказывают в мастерской при заводике по обработке гранита и мрамора:

— Бывали в практике погребения такие случаи, что на могилу заказывали даже голых мраморных баб. Ни в жисть бы не поверил, если бы сам не увидел. Такие шедевры сразу же привлекают лиц нетрадиционной ориентации, или, по меньшей мере, со всевозможными отклонениями, как в психике, так и в сексуальном плане. Хотя на мой взгляд, здесь, на первое место выходят, именно психологические проблемы. После такого несанкционированного паломничества больных на голову, родственники сразу же меняют надгробные обелиски. Бывают случаи, когда заказывают в мастерской на собственных памятниках изображения любимых животных. Или родственники это делают.

— А может быть, усопший эту животину терпеть не мог? — задал провокационный вопрос Лис.

— Ну и что? — равнодушно ответил сторож. — Он возразить уже не может. Такое впечатление, что с ума сходят не просто по-своему, а планомерно — всем населением.

— А работяги из мастерской какого мнения? — поинтересовался Чингачгук.

— А что работягам-то, да художникам? Им по барабану, какие шедевры заказывают — лишь бы деньги платили!

Налив сторожу штрафной стакан, сталкеры таким образом выключили его из оборота. Отделавшись от его болтовни, сторожа оставили у себя в сторожке предаваться воспоминаниям о былых победах, а сами пошли осматривать кладбище. Оно жалось ближе к лесу, плавно извиваясь вдоль опушки. Кое-где могилы вторгались в лесные пределы. У входа в лес стоял плакат, оставшийся со времён СССР, на котором было написана лаконичное предупреждение: «Осторожно — клещи!»

— В клещах первую букву замазать и поближе к реке поставить — пусть рыбаки поволнуются, — предложил Крот.

— В этих местах одна речка — Припять, — возразил ему Жук. — Я не думаю, что местных рыболовов можно чем-то удивить или, того хлеще, заманить сюда на рыбалку иногородних.

Могила профессора вскоре была найдена. Зелёный памятник вызывал стойкое ощущение того, что ты находишься на заводе, а перед тобой стоит фрезерный станок. Такого же тоскливого цвета...

Покрутившись вокруг постамента, Барбариска отдала команду Ворону:

— Разбивай памятник и забирай конструкцию!

— Как-то неуютно...

— Чего? — Лариса, о неожиданности, аж рот раскрыла.

— Неудобно, говорю! — раздражённо повторил Вова. — Могила, всё-таки. Не хочется себя чувствовать кладбищенским вандалом.

— Да-да, — поддакнул Лис. — За это деяние, между прочим, статья имеется.

— Вы мне тут политинформацию не читайте! — зло осадил говорунов Барбариска. — Будем считать, что это не памятник, а простой тайник. Собственно, это так и есть...

Вскоре Лариса торжествовала:

— Найдено!

Вытащенный из памятника агрегат, как и все прочие приспособления вимана, имел странную и непонятную конструкцию. Пока Барбариска любовно тискала антигравитон, рассматривая его со всех сторон, остальные сгрудились у другого памятника, рассматривая его молча. В упор. Не пытаюсь заглянуть в зад. Лариса обратила внимание на молчаливое собрание и поспешила присоединиться. То, что происходило неординарное событие, она почувствовала спинным мозгом. Этот монумент выгодно отличался от остальных. Бронзовый мужик, с гордо посаженной головой, устремил взгляд в небо. Обеими руками он упирался на ракеты, которые напоминали экспонаты из индусского музея. Было странно не то, что ракеты обоюдоострые, с обеих концов, а то, что в ближайших, к кладбищу, городах, никогда не велись работы, касающиеся ракетостроения. Ничего, связанное с космонавтикой... Но кто-то не побоялся отлить изваяние из бронзы. Какой-то таинственный сообщник учёного. Видимо, всё было просчитано заранее. Учтено и то, что сборщики цветных металлов за сто вёрст обходили эти места, боясь радиации, да и на приёмных пунктах все ушлые стали — у всех счётчики Гейгера. Кстати, самый ближайший пункт приёма вторсырья находился ещё дальше, чем сто вёрст...

— Барбариска неторопливо обошла вокруг пьедестала и удовлетворённо кивнула головой:

— Ваджры.

— Ха, — воскликнул Шмель. — Как мы их поволочём отсюда? На Бегемоте?

— Да, — подтвердил Кот. — Не покатит. Или нанимать телегу, или арбу, или непосредственно лететь сюда на вимане. Эти палки, судя по виду, весят немало и на своих плечах мы их не допрём — сломаемся по дороге.

— А вот это идея, — задумчиво промышчала Лариса и все стали собираться в обратную дорогу.

Глава шестнадцатая

Терминатор, или: летают — все!

Пришлось возвращаться, наполовину — не солоно хлебавши. Как не хотелось Ларисе забрать оружие с собой, ноша была явно неподъёмная. На базе она беспрестанно ходила кругами, нервничая и оттого, постоянно находилась в дурном настроении. Сталкеры уже начинали её сторониться, а Кот предложил построить телегу, на паровом ходу, но, случилось непредвиденное. Ворон, прячась в недрах вимана, предавался безделью. Барбариска ворчала снаружи, а он изучал технику изнутри. Тут его внимание привлекла странная деталь, имевшаяся внутри аппарата: кабинка — не кабинка, шкаф — не шкаф...

— Это наверное сортир! — обрадовался Бегемот, сидящий в соседнем кресле.

— Сейчас увидим...

Из этого сортира извлекли робота-смотрителя с пластиковым лицом. Пластик имел белый цвет, с несколько зеленоватым оттенком, а лицо дурацкую улыбку, настолько искусственную, что её можно было и не имитировать. Собравшийся консилиум смотрел на это чудо, глупо улыбаясь. Лариса чуть не упала в обморок. Про это даже в дневнике профессора ничего сказано не было. Робот был предсказуем, но, оказался неожиданным. Барбариска крутилась вокруг терминатора как волчок, ища кнопки переключения и прочие рычаги, могущие привести искусственного человека в движение.

— Да дёрни ты его ниже пояса! — весело посоветовал ей Ворон.

Кнопку командирша нашла в районе седьмого шейного позвонка, если ориентироваться по анатомии обычного человека. Некоторое время ничего не происходило, но потом робот ожил. Он толкнул речь на непонятном языке, в котором Шмель с трудом узнал в ней смесь древнеарамейского и совершенно незнакомого языков. Скорее всего, железный человек пользовался праязыком, на котором разговаривали атланты и который, в их времена, являлся единым, для всех жителей Земли. Быстро поняв, что протоязык им не усвоить никогда, Шмель написал русский алфавит на клочке бумаги и вручил его терминатору — вдруг покатит. Разговаривать научится в процессе общения. К слову сказать, робот оказался способным учеником, но с некоторыми отклонениями в области исполнения команд. При кодовом слове обучения: «Мама мыла раму», он перемыл все окна в КБО, вместе с рамами. Дурак...

Причиной возникших ожесточённых споров, стало желание как-нибудь назвать новоприобретённого механического товарища. Перебрав кучу имён, единодушно остановились на Акакии, а если ласково, то — Кака. Акакий продолжил обучение, а Ворон продолжил думать о том, как бы эта железяка не вышла из повиновения. Робот сразу же привязался к Барбариске: то ли признавая за ней право командовать, то ли по каким-то другим соображениям. Теперь с ней флиртовали два Терминатора... Судя по чертам лица, Акакий больше относился к мужскому сословию, но второе — ласковое имя, представляло пол механического человека в неопределённой форме. Кот крутился вокруг, пытаясь выявить характеристики терминатора, но их не было. Это раздражало и Василий, вопросительно посмотрев на Ларису, начал нести полную чушь:

— Отличный автомат, для элитной... э-э-э... как её... или его...

— Кот — перестань! — зло одёрнула его Барбариска.

— Правильно! — поддержал её Лис, теребя рыжий чуб. — А вдруг он нетрадиционной

ориентации? Или женского рода? Так что, Вася, берегись!

— Помрёшь, в любом случае, — подтвердил Бегемот.

Всю учебную программу Акакий впитал, как губка. Всю писанину, что была найдена в помещениях базы, ему вручили для прочтения. Самыми ценными являлись журналы, так как относились к обобщённым знаниям. Их пыльные стопки покоились в шкафах и тумбочках. Других развлечений, по всей видимости, у персонала лаборатории, в своё время — было мало. Только старый телевизор и видеомагнитофон, с кучей надоевших фильмов. Была ещё целая стопа технической литературы, преимущественно книг и большинство на иностранных языках, но, она у Акакия популярностью не пользовалась. Он сам мог научить любого профессора тому, чего преподавателю университета даже не снилось, а с обилием иноземной письменности и наречий, терминатор сталкивался во времена Вавилонского столпотворения. Это робот проходил. Растерялся он от другого. В его механической голове не укладывалось одно: как седобородые учёные занимаются тем, что в понятии Акакия представлялось, как бесконечное складывание $2+2$. Ответ лежал на поверхности, но его постоянно подвергали сомнению и пытались на неверном результате строить свои теории. Упрямо настаивали на ответе 5, допускали — 6. Всё, что угодно, но только не 4. От возникшего, в голове Акакия, сумбура, после прочтения разнородной писанины, он не скоро избавился. В зависимости от того, какую книгу он только что перлюстрировал, робот начинал разговаривать: то как бухгалтер, то как политик, то как актёр... Ближе к ночи, после прочтения очередного литературного шедевра, он подошёл к Барбариске и предложил ей маленькую штучку.

— Какая скотина Акакию порно подсунула?! — завопила бандерша на всю базу.

Прослушав в ответ полнейшую тишину, она несколько забеспокоилась, от возникшей нестандартной ситуации, но услышав, через некоторое время, ехидные смешки, переходящие в громовой хохот, сразу же успокоилась.

— Где наши, только? — проворчала Лариса.

Через пару дней робот настолько освоил незнакомый язык, что изъяснялся на русском свободно, болтая без умолка. Со сленгом и нецензурными выражениями, пока бороться было бесполезно. Акакий никак не мог взять в толк простой факт: язык есть, есть словарная база, но, не всё из этой базы можно использовать. От этих противоречий, обучение несколько затянулось, но и с этой проблемой, общими усилиями, кое-как справились. Шутки робот отпускал плоские, не совсем ясно себе представляя их смысл. Он никак не мог понять, почему его тёзку называют терминатором. Критически осмотрев тощую фигуру Виктора, Акакий посоветовал Барбариске перевести его из космофлота в службу снабжения и посадить на специальную диету — пусть окрепнет. Витя бы ему врезал, но силы были не то, чтобы неравны, а просто-напросто — несопоставимы.

Настало время первых серьёзных вопросов. Лариса допытывалась у Акакия подробности последнего полёта, когда виман потерпел аварию. Терминатор беспристрастно рассказал о том, как они были сбиты охраной лунной базы: «Во время лётных испытаний новый виман испытывали во всех режимах и увлеклись. Распорядитель-сопровождающий отвлёкся, а первый пилот не заметил, как нарушил границу... До Земли аппарат, кое-как дотянули, но справиться с дальнейшим управлением не смогли...»

Акакий намекнул на профилактический осмотр вимана. Лариса не возражала. Лететь на непроверенной технике и быть сбитым родным ПВО — не улыбалось. Вражеским — тоже. Робот облазил все уголки аппарата и намекнул на отсутствие оружия, комплекта нательных

датчиков первого пилота и третьего грооноусилителя, самого главного.

— Знаю, — вяло отмахнулась Лариса. — Пока всё найдёшь... Ваджры обнаружили, не за ними лететь надо.

— Пока я могу взять управление на себя, — предложил Акакий скрипучим металлическим голосом. — Тем более — в простом режиме.

— Вот и отлично! — обрадовалась Барбариска. — Но как мы покинем бункер?

— Положись на меня! — прогудел Акакий, накануне, только что просмотревший замызганную видеокассету с терминатором два.

Сталкеры, глядя на допотопный телевизор и такой же видеомэгнитофон, не уставали удивляться — как эта техника ещё работает?

Перед выходом на поверхность, робот проверял аппарат во всех режимах: залез во все узлы и пощупал каждый агрегат.

Ворон, сидя в изоморфном кресле, предавался безделью, на пару со Шмельём, сидящим рядом. В это время, довольная рожа Акакия, вся в слипшейся паутине, показалась из отсека реактора. Ворон критически посмотрел на эту идиллию, связанную с торжеством жизни паукообразных и победой их над смертью, которую, в данный момент олицетворяла собой радиация, ютившаяся в реакторе вимана. То, что она не фонит в известном диапазоне, уяснили все, но никто не гарантировал проявление её свойств в неизвестном.

— Интересно — от чего он сияет? — задумчиво спросил Шмель.

— От счастья или от радиации, — ещё задумчивей ответил Ворон. — Идиллия...

Как уже было сказано, в связи с отсутствием нательных датчиков, робот принял управление виманом на себя, подчиняясь Барбарискиным командам. У остальных, это, пока получалось плохо... Предстоял выход вимана из базы и все порядком нервничали. Сталкеры заняли выжидательно-наблюдательную позицию подалеже от КБО настолько, чтобы, всё-таки, кое-что было видно, но и по куполу не настучало... Произошедшее далее напоминало извержение вулкана. Сначала, из крыши КБО повалил чёрный дым, клубами поднимающийся в небо. Через некоторое время дым сменился белым паром, настолько густым, что сквозь него ничего не было видно. Затем появился и сам виман, сверкая по контуру неизменным изумрудным сиянием. Он проделал в научном учреждении аккуратный вертикальный тоннель, с оплавленными краями. как прокомментировал ситуацию Чингачгук:

— Нечего, понимаешь, возводить объект над объектом, не задумываясь над тем, как потом вылетать будешь...

Пока на всех мест не хватало, и в аппарат забрались Барбариска, Шмель и Ворон. Место зрителя занял Бегемот, а остальным предполагалось починить крышу над базой, пока те слетают за ваджрами. Лис, глядя, как аппарат скользит над землёй, недоумённо спросил:

— Чего они идут так низко над клумбами, да ещё на плазменной подушке?

Кот усмехнулся:

— Ха! От воздушной, говорят, почвенный слой разрушается...

— А от плазмы, вообще, безжизненный след на долгие годы, — не согласился Константин.

Стоило ожидать, что виман оставит за собой рубец, из расплавленной породы, но этого не произошло.

— Это холодная плазма, — со знанием дела поведал Мастодронт, глядя вслед удаляющемуся аппарату.

— А всё-равно, — не унимался Лис, — чего низко-то идут?

— Чтобы не привлекать лишнее внимание? — предположил Диплодок, а Терминатор согласно кивнул головой.

Лектор добавил:

— Пока тарелка не укомплектована — лучше не рисковать.

Жук с Кротом ничего не успели сказать. Пока они соображали, виман уже швартовался возле медвежонка.

— Ну, как? — спросил Чингачгук Ворона.

— Этот железный воин и поставил ваджры на своё место, — ответил довольный Вова.

Пора было прощаться с базой, так как она теряла свою актуальность — в принципе. Да и крыши нет... Всего две недостающие детали для вимана и... В тарелку сталкеры набились, как тараканы в помойное ведро. Кресел на всех, естественно, не хватало и поэтому, пришлось их заимствовать в кинотеатре «Прометей». Соединённые, между собой, по несколько штук, они почти гармонично влились в интерьер летательного аппарата, как белый рояль «Станвей» в дореволюционную избу крестьянина. Некоторая группа товарищей, которым предполагалось занять эти кресла, выразила искренние сомнения, относительно безопасности подобных посиделок, особенно — во время полёта. Группу успокоили нецензурными выражениями, намекая на то, что в космос пока никто лететь не собирается, а если пилот не будет делать резких движений, то и они не будут летать по виману, как по сараю воробьи. На всякий случай, Бегемот нашёл толстый резиновый кабель без проводов и сделал из него подобие ремня безопасности — на все группы кресел сразу. Провода из кабеля были давно вырезаны и Мотя, про себя, отметил: «Похоже. что сборщики цветных металлов, нет-нет, да и заглядывают в эти места».

В режиме «стелс» виман держал курс на военную базу, где предположительно хранились недостающие запчасти. Чтобы не пылить, Акакий держал высоту чуть выше деревьев. И то сказать — очевидцы этого явления, всё списали бы на ветер. Сталкеры не спешили, потому что неясны были дальнейшие планы, а особенно, как доставать потерянное оборудование, минуя охрану. Ворон не переставал удивляться аппарату и постоянно высказывал это вслух:

— Вот техника! Надёжная, как торговый флот! И под водой может перемещаться, и над водой. Хоть и сложная...

— Не всё надёжное обязательно должно быть сложным, — сказал ему Шмель. — Вот, во время Великой Отечественной войны летал легендарный учебный самолёт ПО-2, перепрофилированный в лёгкий бомбардировщик — дёшево и сердито. Фюзеляж из фанеры, причём — полностью. Обшивка — перкаль. Лонжероны — деревянные. Приборы — проще не бывает. На этом фоне, пачка Беломорканала выглядела, как сложнейшая навигационная система. Самолёт прощал пилоту любые ошибки, даже самые грубые. Выполнял в воздухе любые фигуры, кроме штопора, в который, кстати сказать, аппарат ввести крайне сложно, но, если свалился, то выйти — проще простого: отпустил ручки управления и порядок. Сбрасывал по ночам бомбы, в режиме планирования — с полностью отключенным двигателем. Не слышно — не видно. Опрыскивал ядохимикатами фашистов, а после войны — колхозные поля... Вот и получил в народе любовное название «Кукурузник».

— А что такое перкаль? — спросил Крот.

— Ты позволил себе спросить, про это, ради повышения самообразования? — вопросом на вопрос, ответил Шмель. — Точно не могу сказать. Кажется, это бумага такая, типа

кальки... Лёгкая, но прочная. С ней всё полетит...

— У наших умельцев и не такое планирует! — вмешался Лис.

— Ты ещё скажи, что резиновые лодки летают! — возмутилась Барбариска, косо поглядывая в сторону ряда кресел и, по её виду, все поняли, что она явно замышляет аварию.

— Летают, — спокойно ответил Константин, ковыряясь в носу, а пальцы машинально вытирая о рыжую шевелюру.

— Угу, — голосом, полным глубокого сарказма, выдавила из себя Лариса. — Низёхонько так, да?

— Нет, почему же? — возразил Лис. — Нам приходилось голову задирать.

— Что — какой-то дурак зимой с трамплина сиганул? — засмеялся Бегемот.

— Нет — летом. И вовсе не с трамплина. К резиновой лодке мужик дельтаплан присобачил и мотор. Взлетал с воды и летал на высоте, эдак, метров сто — двести, а может быть и выше.

— А почему сразу мужик? — усомнилась Лариса. — Может быть, это была женщина?

— Очень даже может быть, что управлял аппаратом орангутанг — снизу не видно, — пробурчал в ответ Константин, давая понять, что эта тема закрыта для дальнейшего обсуждения.

Кот закатил глаза и мечтательно промурлыкал:

— Ну всё — теперь можно девок катать. Это вам не задрипанный мопед, пусть и шестицилиндровый. Это — о-го-го!

— Смотри Кот — поосторожней, — предупредил его Чингачгук. — Лариса на Луну собралась, а вдруг там отыщутся бывшие хозяева аппарата. Говорят, что все они были очень высокого роста. Достанется тебе трёхметровая красавица...

— Нет, это ты перегнул, — не согласился Кот. — Посмотри на меня! Как я с ней общаться буду? Методом ныряния?

— Методом полного погружения! — рассмеялся Чингачгук. — Не волнуйся — там всё предусмотрено, иначе серьёзные нестыковки бы возникли...

— Ну, успокоил! Теперь только осталось пойти найти подходящую кандидатуру...

— Я же сказал — на Луне...

— Каменная красавица высечена в скале, — задумчиво промышчал Шмель, пребывая в раздумьях, и со стороны казалось, будто бы он разговаривал сам с собой. — Метров сорок, в высоту, а вот где — не помню.

Он почему-то тяжело вздохнул и добавил, к сказанному:

— Лучше уж спящая...

Жук наклонился к уху Крота и сказал:

— Знаем мы, как Кот за бабами ухаживает. Один раз читал он стихи, но, в итоге, хозяйство перевесило. Выбрал строфу, далёкую от эфирного идеала.

— Для первого цикла, размер предельный! — возмутился Василий. — И вообще — метраж достаточный, чтобы с тоски заборы не ломать! Им же...

Теперь уже Ворон наклонился на ухо к Шмелю и усмехнувшись, сделал вывод:

— Кот, по всей видимости, обиделся...

Чингачгук о чём-то задумался и выдал свою точку зрения, на прочтение поэтических вирш, во время свиданий:

— Замысловатой рифмой с непонятной формой содержания, если и можно, кого-нибудь соблазнить, то это будет лошадь Пржевальского. Проще надо быть! А объяснять —

доходчиво. Можно без рифмы — руби белым стихом с элементами мата. Брутальность, бывает, лучше прокатывает у зрелых особей противоположного пола. И вообще — с ними надо быть понаглее и построже.

Ворон добавил, к сказанному, видимо из личного опыта; выстраданное и взятое на заметку, что так поступать нельзя:

— Это как правило: один стихи читает, а другой...

— Второй сломался, после общения и второй бутылки, а стихоплёт сломался на втором четверостишии, — засмеялся Шмель. — Перетрунулся...

Барбариска всё время, пока звучали обличительно-обвинительные речи в женский адрес, зло сверкала глазами и по всему было видно — подбирала в уме контрдоводы, но, так как она ничего не высказала, Ворон понял, что ничего на ум толкового ей так и не пришло. Оставалось только сидеть и слушать мужские сплетни.

Продолжая эксплуатировать избитую тему, Бегемот предложил Василию один из вариантов дальнейшего времяпровождения:

— Кот, в ответ на создание женского батальона смерти, организуется набор в мужской аномальный полк. Будем врага из-за угла пугать!

— Рожками?

— Ими тоже...

Аппарат испробовали и он вполне обнадёживал. Голос из народа посоветовал переночевать, где-нибудь у тихой речки, чтобы утром, со свежими силами, снова ринуться в бой... Возражений не последовало, так как все смертельно устали, больше от треволнений, чем от физических нагрузок. Речка серебрилась тонкой ниткой, освещённая полной Луной и терялась где-то за горизонтом. Просторы...

* * *

В эту ночь Шмелю снился странный сон:

Заходит герой в склеп, а в хрустальном гробу лежит спящая красавица. Рядом; полукругом и как-будто бы в почётном карауле, лежат семь спящих гномов. Он поинтересовался у смотрителя: «Гномы что — тоже отравленных яблок обожрались?» «Да нет, — отвечает тот. — Это вовсе не гномы — это её дети.» «Как это?» — удивился батыр. «А так! Ловкачи нынче пошли ушлые! Целовать никто не желает — приступают сразу к делу...» «Почему дети с бородами?» — не унимается посетитель. «Так сколько времени Белоснежка тут валяется! Блин, эта работа здесь никогда не кончится...» Уходя, богатырь обратил внимание на странную особенность в облике одного спящего — он был подозрительно похож на смотрителя...

* * *

На следующий день, встретившаяся на пути обитаемая станица, кое-кого не оставила равнодушным. У Ворона молниеносно созрел грандиозный план, который он предложил назвать «Контакт третьего рода» и на халяву разжиться припасами. Виман сделал несколько кругов над поселением и завис над местным сельпо. К нему сбежалось всё любопытное

население. Осторожное заняло оборонительные позиции в глубине погребов, держа круговую оборону, с вилами наперевес. В итоге, в ответ на посадку вимана возле сельского магазина, инопланетян, хлебом-солью, вышла встречать половина станицы.

— Здравствуйте, гости дорогие! — проорала толпа.

— Привет братьям по разуму! — завизжал местный уфолог.

Инопланетяне, в ответ, только развели руками и благодушно закивали головами. Три румяные девицы возглавляли делегацию. У стоящей посередине, в руках был аппетитный каравай хлеба, лежащий на расписном рушнике. На румянном хлебе возвышалась невзрачная солонка. Покрасивее, видимо, найти не успели, зато соли насыпали с горкой, так что она осыпалась, по краям. На глазах опупевшей толпы, Акакий вышел навстречу и заправским движением, предварительно открыв на животе дверцу, взял каравай и забросил его себе внутрь. Размахнувшись солонкой, чтобы это выглядело, как можно пренебрежительнее, он зашвырнул её содержимое туда же. Затем, Акакий покрутил фаянсовой посудой, рассматривая её со всех сторон и даже прочитал на днище надпись. Немного подумав, закинул в приёмник и солонку...

— В русском пузе всё сгниёт, — шёпотом прокомментировал событие Бегемот, наклонясь к уху Чингачгука.

С предложенной горилкой, Акакий хотел проделать тоже самое, что и с караваем, но, ему не позволили. Сталкеры, с размаха, сами зашвырнули горячительное в плотки. Разговаривал терминатор со станичниками на праязыке, ради пущей солидности. Тут уж Ворон со Шмелём постарались. Сами они так же выдавали, что-то подобие трели со свистом. Звучит убедительно... Неважно, что жители поселения ни шиша не понимают, как и сами носители языка. Селянам и незачем что-то понимать...

Робот глупо улыбался, не имея возможности изменить мимирию своего лица, а ему в ответ проникновенно улыбалась встречающая делегация. Вид у них был такой, что хоть сейчас на запись к легату, жевать казённые харчи, а у местного уфолога даже справка имелась, которую он тщательно скрывал. Выкидывать её он не решался — вдруг пригодится. Известная поговорка: «Там, где над дураком смеются, там умного бьют», могла сработать в любой момент. Только карающая длань занесена над пропагандистом инопланетной культуры — сразу можно предъявить справку. В России грешно, даже смеяться над больными людьми, не говоря про то, чтобы бить... С легатом уфолог познакомился давно — в советские годы, тогда, когда всё непонятное строжайше пресекалось и душилось, будучи ещё в зародыше. Заслужил он эту справку, или выпросил — неважно, но в областном центре уфолог стоял на учёте.

К месту посадки, живым ручейком, люди несли съестные припасы и гора продуктов росла с угрожающей быстротой. Одних только варёных яиц набралось около сотни. Люди, для голодных инопланетян, не жалели ничего, а те — ничем не брезговали...

Во время маленького застолья, устроенного в самой просторной хате, гостей чествовали, как героев, но с уклоном в сторону местных традиций. Из-за двери доносилось нестройное хоровое пение, стимулированное огромным количеством алкогольных напитков. Инопланетяне предпочитали помалкивать. Уфолог, в связи с принятием повышенной дозы горячительных напитков и склонностью к природному скудоумию, неожиданно, для окружающих, запел старую белогвардейскую песню: «И девочек наших ведут в кабинет...» Ему тут же накостиляли, всем селом. Никто не хотел в нём признавать пророка... Даже Кот, мечтающий побыстрее убраться отсюда. По известной причине, душевного разговора не

получилось и толкнув, на прощание, речь занудным свистом, Ворон приветливо помахал рукой, прежде чем скрыться в недрах вимана. При посадке в летательный аппарат, Бегемот остушился и, чуть не грохнувшись на землю, выругался матом на вполне узнаваемом русском языке... Толпа насторожилась, но, когда виман, за секунду, исчез за облаками — разинули рты. Староста потом долго допытывался, кто, из односельчан, произнёс это слово, так понравившееся инопланетным гостям, но все только молча отнекивались. То, что обронённое мимоходом ругательство — результат влияния встречающих, почти ни у кого не вызывал сомнения и все взоры обратились в сторону местного уфолога. «Опять, ни за что, бить будут!» — подумал тот, готовясь к низкому старту.

Дождёвывая в полёте очередное яйцо, Бегемот спросил Барбариску:

— А чего это Акакий хлеб-соль себе в живот засунул? У него там что — склад?

— У него там печка, — усмехнулась Лариса. — Почти водородная...

— Как это? — удивился Мотя.

— Так. Это, можно сказать, питание Акакия. Своеобразный синтез, чего-то с чем-то...

— Чего? — напрягся Бегемот.

— Каравай он разложил на энергетические составляющие, — пояснила Барбариска. —

Предпочтительнее всего, работа интересуется водород. Затем происходит холодный синтез гелия из четырёх атомов водорода. При их слиянии образуется гелий, как на Солнце. Но, в отличии от процессов, происходящих в недрах нашего светила, колоссальная энергия не высвобождается — она аккумулируется. Но, есть и другие способы.

— Так что же получается? — задумался Мастодронт. — Он может потреблять энергию в любом виде, в том числе и человеческую пищу?

— Да.

— То-то я смотрю — куда подевались мои пассатижи, вместе с моими носками? Сало я уже давно не ищу...

— Корми его травой — её до хрена! — посоветовал Ларисе Лектор, а Диплодок глупо улыбнулся, представив себе пасущегося на лугу терминатора.

— Энергетический потенциал не тот, — возразила бандерша и тут же усомнилась в правильности выводов. — Хотя — кто его знает?

— Да, — вздохнул настоящий Терминатор. — Косит бабёнка сено, а ей навстречу... Представляю, как она удобрит полянку!

Тут уже рассмеялся Кот, вспомнив забавный случай:

— Ползали мы, как-то, по одним пещерам, возомнив себя спелеологами. Самые отмороженные, из собравшейся команды, признали нас такими, но себя считали диггерами. Ну так вот: вылезли мы наружу; выходим из ложбины и сталкиваемся, нос к носу, с молодой бабёнкой. Мадам эффектная — вся из себя и с косой...

— Коса у неё была, конечно же, до пояса? — уточнил Ворон.

— Конечно! Девушка держала её в обеих руках. Черенком сельскохозяйственный инструмент упирался в землю возле левой ноги, а жутковатое лезвие лунным серпом поблёскивало над головой матовым серебром.

— Чего? — не понял Жук.

— Чаво-чаво! — передразнил его Василий. — Да сено она косила, а угрожающую позу приняла от испуга, увидев незнакомых людей. Коса, конечно же, серьёзное оружие, но — ближнего боя. Даже метнуть — не у всякого получится, а вот возможное наличие «Парабеллума», у чужинцев, исключить нельзя. Это оружие уже дистанционного

применения.

— Обгадилась, в общем, — сделал вывод Крот.

— Ха! Ты бы видел эти добродушные морды, да ещё перепачканные всякой гадостью, во время перемещения по переходам местной пещеры.

Жук долго складывал в уме все приведённые доводы, но, по внешнему виду, можно было без труда определить, что у него в голове ничего не складывается. Покривлявшись некоторое время, с закатыванием глаз к небу, он всё-таки попытался усомниться:

— Постой! Какая дистанция? Ты же сказал, что вы столкнулись нос к носу?

— Это первые ряды, — пояснил Кот. — Смертников...

Разговор, как всегда, ушёл в сторону, но Мастодонта терзала неопределённость, относительно Акакия. Когда говоруны умолкли, он снова спросил Барбариску:

— Так что же это получается? Жрёт Акакий — жрёт... А у него аккумулятор — выдержит? Он не взорвётся, если переработает соседнюю лесопосадку?

— Вообще-то, он предпочитает ядерное топливо, а всё остальное — это так, когда нет под рукой ничего другого, — пояснила Лариса. — А насчёт аккумулятора — он настолько вместителен, что его изобретение перевернуло бы всю промышленность на Земле и послужило бы поводом пересмотреть подавляющее большинство технологий.

Пока продолжался этот диалог, жрал только Бегемот, налегая на любимые яйца. Белая и красная скорлупа летела Акакию в ненасытный ящик... Весь ненужный мусор перерабатывался в реакторе железного дровосека, отчего терминатор, по роду призвания, стал походить на своего бетонного побратима из мёртвого города. Ворон не раз объяснял Моте про то, что больше двух яиц за раз, организм не усвоит, но тому было до фени.

Диплодок усвоил полученную информацию, насчёт возможностей терминатора, и поделился с товарищами своими соображениями:

— Отправить его на АЭС... Пусть заправится хорошенько. Чего мусором-то питаться?

— А чем он там заправится? — возразил Лектор. — Станция законсервирована.

— Распотрошит четвёртый энергоблок. После взрыва, на «борту» станции осталось 180 тонн урана и полтонны плутония: 240 и 239 — последнего, в два раза больше. Всё это хозяйство залили бетоном, который обозвали «свежим». Смешавшись, эта хрень протекла вниз реактора, предварительно расплавив собой бетон, песок и прочие железяки. Получилось что-то, вроде лавы. Учёные-ядерщики проанализировали получившееся вещество. Результаты микроанализов показали наличие, в этой лавообразной субстанции, кристаллов уран-циркониевого силиката. Стекло, короче говоря, или стеклообразная масса. Учёные с гордостью присвоили ему название — «Чернобылит». Может, рванём за чернобылитом?

— Ты что — дурак?! — взорвался Лектор. — По кой он тебе сдался?

— Заправлять Акакия.

— Идиоты! — взвизгнула Барбариска. — У Акакия движок, работающий на низкоэнергетических ядерных реакциях — без излучения радиации. Так что напрямую, он конечно, может усвоить грязное ядерное сырьё, но это, повторяю — необязательно.

— Тогда сувениров наделаем, — не унимался Алексей. — Можно, даже, целыми кусками продавать.

— Ты что — рехнулся? — устало предположил Геннадий. — Он же радиоактивный! Светится, поди, не дожидаясь темноты и на ощупь, почти горячий. Сам будешь светиться, как свеча Эдиссона! К тому же, чтобы до него добраться, придётся рыть подкоп.

— Да уж — тихой сапой, — подтвердил Мастодронт.

— Ты в этой сапе сгоришь, пока её копаешь, — не согласился Терминатор.

— Где сгоришь? — уточнил Жук, услышав незнакомое слово.

— В подкопе... Где-где...

Ворон покрутил головой и потянув носом воздух, возмущённо воскликнул:

— Что за вонь?! Откуда? Кто испортил воздух?

— Это газы, которые Акакий усваивать отказывается, в связи с их низким энергопотенциалом, — пояснила Лариса, зажимая нос пальцами.

— Как это так? — усомнился Вова. — Они же горючие!

— Просто вонючие... Это другая формула — производная синтеза... Короче — побочный эффект!

— Совсем очеловечился, — пробормотал Шмель, безнадежно махнув рукой.

Бегемот, икая от непомерного количества съеденных яиц, поделился своими соображениями, насчёт полётных возможностей вимана:

— Хорошо путешествовать в этой технике — можно выпить, если захочешь...

— Наконец-то, я слышу от Моти что-то другое, кроме еды, — усмехнулся Лис. — Тогда ответь мне — чем отличается вертолёт от самолёта-истребителя?

— Дурацкий вопрос.

— Ладно — согласен, — кивнул головой Константин. — Это правильно. Поставим вопрос по другому: чем отличается полёт пилота вертолёта, от полёта лётчика-истребителя?

— Ну и чем, — задумался Бегемот, — скоростью, что ли?

— Возможность выпить за штурвалом, — со знанием дела сказал Лис. — Вертолётчик это может сделать запросто, а вот пилот реактивного самолёта — нет.

— Что — вопрос в сложности управления? — спросил Чингачгук.

— Нет — у истребителя на лице кислородная маска.

— Через заднюю дверцу, — рассмеялся Кот.

— Аварийный выход закрыт комбинезоном, — обречённо констатировал факт Ворон.

Виман неожиданно сильно трянуло.

— Что это было? — насторожился Жук.

— Воздушная яма, наверное, — предположил Крот, растерянно оглядываясь по сторонам, как будто ища поддержки у друзей или, ища причину виманотрясения внутри самого аппарата.

— Да нет! — обрадованно воскликнул Мастодронт, оглядываясь на пройденный путь. — Это мы дерево снесли — местную достопримечательность. Правда, дуб давно засох...

— Сам? — для чего-то уточнил Чингачгук.

— Как бы не так! — ответил за Фёдора Лектор. — Партия «зелёных» помогла. Вокруг дуба, помнившего в лицо какого-то местного героя, туристов проходило столько, что земля вокруг дерева утопталась. Её плотность стала походить на асфальт, не пропуская: ни воду, ни воздух. Но, тем не менее, дуб зеленел и пах здоровьем. «Зелёные» землю вскопали и дереву настал трындец... Засохла достопримечательность...

— Как бы нам трындец не настал, за испорченную реликвию, — обеспокоенно прошептал Крот. — Предъявят счёт...

— Ты что — дурак? — возразил Терминатор.

— Да-да, — подтвердил Диплодок. — Ничего страшного — нас видно не было, так что спишут на внезапный порыв урагана.

— Так-то оно так, — согласился Виктор. — Но, дуб дерево крепкое...

— Да хватит тебе! — перебил его Ворон. — Надоел. Крепкое-крепкое... Прямо не засохшее дерево, а «Волжанка», какая-то...

— Точно, — согласился Шмель. — Давно не видел этикетку с якорем и надписью «Волжское».

Чингачгук ехидно ухмыльнулся и выдал:

— Вон у Васи: и руки крепкие, и якорь на них имеется... И название на «В» начинается...

— Похож, — согласился Ворон. — Волжанин...

— У Кота руки крепкие потому, что он по утрам, сам с собой артреслингом занимается, — поведал Бегемот. — Пока его завалишь, чтобы сходить в туалет...

— Кого? — не понял Крот.

— Другого богатыря.

— А чего его заваливать? — подключился к допросу Жук.

— Потому что в прихожей не развернёшься! — засмеялся Мотя. — Да и дети могут увидеть...

Лис мимоходом бросил взгляд на крепкие Васины руки и спросил:

— А ты почему обручальное кольцо не носишь?

— Пропил...

— Если кольца нет, то могут подумать, что неженат, — расплылся в ехидной улыбке Константин.

— Что мне теперь — жену за собой на поводке водить?! — возмутился Кот.

— Боишься, как бы не попросили уплатить членские взносы в общество любителей животных? — подключился к балагурам Шмель.

— Сами вы животные! — не выдержав, возопила Лариска.

— Не совсем! — строго возразил Василий. — Согласно бестиарию, не все из нас относятся к представителям животного царства, а соответственно, к млекопитающим. Есть пернатые, насекомые... Вот Мотя — это да! Ему даже медведь заискивающе в рот заглядывает. Этот анекдот известен всем и нет смысла в лишнем пересказе.

— Какой? — спросил Жук, ковыряясь пальцем в носу.

— Такой бы мордой, да медку хлебнуть... Кстати, я может быть, этого и хочу, чтобы так думали, будто бы я неженат...

Глава семнадцатая

Клубничка, трактор и черноморский загар

На очередной стоянке сталкеры готовились развлекаться, кто во что горазд. Продуктов завалились, выпивки — тоже. Костёр дымил и сегодня ему это прощали все. Сияние синего пламени газового примуса уже успел надоесть и товарищи наслаждались горением настоящего огня. С дымом в душе помирились, единодушно пожелав ему: «Будь он неладен!»

— Что у нас сегодня на ужин? — весело спросила подошедшая Барбариска.

— Пирог с клубникой, Ларис, — равнодушно ответил Ворон, смотря куда-то в сторону.

— У-у-у! Дай-ка, погляжу!

Ища глазами аппетитный пирог, Лариса обнаружила на грязной скатерти нечищенные яйца и сморщенные солёные огурцы. Хлеб. Горилку. Ещё кучу продуктов, но вождельённого деликатеса не было. Был пирог, но далеко не с ягодами.

— Какая клубника?! — возмущённо воскликнула Барбариска. — Пирог же с капустой!

— Угу, — согласился Ворон. — Но, вокруг него сейчас такое будет твориться...

— Да ну вас! — обиделась Лариса.

Она надулась не на глупую шутку, а на отсутствие клубничного пирога.

— Да-да, — подтвердил приговор Шмель. — Твориться будет такое, что даже тараканы попрячутся. Кстати: вот у нас, исконно русские тараканы были чёрными, а вот пришлые — рыжими, почти красными. Их раньше ещё «пруссаками» называли. Якобы, они мигрировали к нам из немецкой земли. Ну, так вот: наши, как я уже говорил — чёрные. Полная адаптация к окружающей действительности и покровительственная окраска. Ночью в избе ни хрена не видно... А вот у немцев всё иначе. У них во всех журналах секс рекламируется, как естественная потребность, что не могло не наложить отпечаток на поведение людей, подвергнувшихся воздействию подобной рекламы. Со светом, так же, проблем меньше... Тараканы насмотрелись и... покраснели. Потом ещё раз и ещё, пока этот цвет не закрепился в наследственных генах последующих поколений насекомых. А если без шуток, то на ужин у нас сегодня пернатый стриптиз.

— Чего?! — возмутилась Барбариска, которой уже начинал надоедать однообразный юмор.

Шмель пояснил:

— Уже общипанная курица с местной птицефабрики, синюшного цвета.

— Замёрзла, — подтвердил Ворон.

— Нормальная окраска, для трупа, — равнодушно пожал плечами Лис.

Лариса смирилась с потерей мечты о сегодняшней клубнике. Постепенно всё вернулось на круги своя и каждый играл отведённую ему роль. Неожиданно стал подниматься лёгкий ветерок, временами переходящий в порывистый, что представляло некоторое неудобство. Оно заключалось в том, что опрокидывалась пластиковая посуда, которую сталкеры временно предпочли стеклянной. Стекло потом мыть надо, а пластик употребит Акакий... После очередного порыва ветра, Бегемот не выдержал и скомандовал Лису:

— Наливай! Не видишь что ли — стаканы разлетаются, как бабочки.

— Невесомость, — согласно кивнул головой Константин.

— Угу, — скептически высказался Кот. — Ты ещё скажи: «Настал гравитационный коллапс и в нашем временном континууме, теперь всё будет летать».

В этот вечер обсудили всё, касающееся будущих планов и не относящихся к планам — вообще. Как всегда, начинался разговор с ракетостроения и проходя стадию изготовления швейных игл, упирался в известное место. Барбариска постоянно возражала, резко выступая против подобных разговоров, но её слушали неохотно. Игнорировали, демонстративно не обращая внимание и в итоге, это стало похоже на то, что все эти разговоры ради неё и затевались. Неожиданно, болтовня скатилась к золотодобывающей промышленности и возможностям вимана, к разработке драгоценного металла. Чингачгук оживился, воспрянув духом, и выдал предложение, в котором предполагал выдавать золотишко на-гора.

— Куда ты собрался сбывать презренный металл? — спросил Ворон.

Рационализатор неопределённо пожал плечами. Об этом, он, естественно, не подумал. Главное предложить, а технические детали, в том числе и проблему сбыта, пусть обдумывают другие.

— Лейб, — сказал ему Шмель. — Золото сначала притягивает, а потом затягивает — наглухо. Так что и про жену забудешь...

— Точно-точно, — подтвердил Ворон. — Засасывает, как тряси́на. Вспомни Дикий Запад. Там сейчас многие ходят с индейскими носами, как у тебя.

— Чего?! — возмутился Чингачгук. — Причём тут носы?

— Притом, — спокойно пояснил Вова. — Когда начиналась золотая лихорадка, все бросали свои дома, закладывали имущество, надеясь, что впоследствии, всё вернётся сторицей; прощались с жёнами и в путь. Пока Джон со своим «Папой Джонсоном» лихорадочно пытался намыть золотишко, настоящий Чингачгук проявил известную долю расторопности. От него не отставали всевозможные Виннету, Оцеолы и «Паровозы мчащиеся на полном ходу по прерии и протяжно гудящие». Короче, все прочие представители коренного населения Дикого Запада.

Лейб только махнул рукой в ответ и предложил поручить золотодобычу Акакию. Все задумались... Прибежавший Бегемот крикнул тревожным голосом:

— Лариска! У нас покойник! Акакий помер...

— Чего?! Как?!

— Помойным ведром подавился...

— Тьфу ты блин — дурак! — возмутилась Лариса. — Этому больше не наливать!

То ли свежий воздух, то ли полная свобода сыграли сегодня свою роль, но, многие нажрались, как свиньи. Пьяный Бегемот полз в сторону вимана. У костра ему показалось прохладно и он мужественно держал курс в сторону аппарата, в котором, на удивление, всегда было комфортно. Только сейчас Ворон обратил внимание на этот факт. Удивляться было некогда, так как Мотя был уже на подступах. При первой же попытке проникнуть внутрь, Вова преградил ему путь, со словами:

— Пропуск покажи!

Бегемот на секунду задумался и полез в карман. Достав хрустящую купюру, он сделал деловое предложение, едва что-либо соображая пьяными мозгами:

— Деньги...

— Заползай!

В эту ночь Ворону снились какие-то идиотофицированные сны. Невозможно стало глаза прикрыть... Сновидение про сломанный дуб заставило умилиться домашним уютom и, почти такой-же, обстановкой. Собравшаяся вокруг могучего ствола пария зелёных, с лопатами наперевес, сгоняла с кроны дуба какого-то знатного мужика. «А этот чего на дерево залез?» — спросил председатель местного совета, подойдя к собравшимся. «Вот, выполняли ваш приказ — отправить домой. Он вначале долго не понимал, чего от него хотят. Пробовали даже с раскачки аборигена на ветки забросить. Затем, когда всем это надоело, позвали его жену. Ну, тут дело пошло и через пару секунд, подопечный уже наотрез отказывался выходить из дома, торчащего в разные стороны развесистыми ветвями. Даже тогда, когда ему бутылку показывали!» Среди увядшей листвы, мужик обмяк и даже притих, от безысходности создавшейся ситуации. Он никак не мог смириться с образовавшимся, в собственном сознании, вакууме. Возникшая искусственная пустота требовала заполнения и в голову лезла всякая ерунда, пытаясь собой заполнить возникшие пустоты. Его жену подобные мысли не слишком терзали. Её планы были диаметрально противоположно планам председателя сельпо: не загнать мужа на дерево, а согнать дубового супруга с дуба, чтобы тот шёл домой. «Робин Гуд, хренов! — категорически высказалась вторая половина. — Опять все награбленные деньги беднякам раздал, скотина! А мне?!» После недолгого обучения, зелёные были готовы ей помочь и на счёт три, так рывкнули, что квартирoсьёмщик грохнулся вниз, с тихим стуком и громким стоном. Кто громче крикнул — вопроса не возникало. Жена мужика давала фору всей партии, а те постоянно твердили: «Зря копали — зря вскопали... Вот — пригодилось, а так бы убился, к едрене-Фене... В опустившейся темноте ещё долго раздавались глухие удары по рёбрам и прочим местам, сопровождающиеся возмущёнными возгласами: «А мне?! А мне?! А мне?!»

Сумерки окутали перелески, а Ворон, с товарищами, держал по ним курс в сторону разрушенного энергоблока, намереваясь разжиться уникальным «Чернобылитом». На станции, партия зелёных уже начала копать подкоп, но, вместо того, чтобы рыть подземный ход в сторону реактора, вскопала вокруг АЭС весь периметр, вместе с газонами, асфальтом и бетонными дорожками. Вместо «Чернобылита», зелёные обнаружили золотые копи, которые теперь усиленно эксплуатировали...

Проходя полем мимо станицы, Ворон готов был поклясться в том, что пугало на огороде, в драном пальто, наблюдало за их перемещением. Воины тени не дремали... Шляпа опустилась на то место, где у пугало теоретически должны быть глаза и силуэт вздрогнул. Следующее пугало щеголяло в наряде Деда Мороза. Рядом стояла живописная снегурочка: соломенные косы и разбитый горшок, вместо головы. Гончарное изделие пугало страшным оскалом, коим являлся пролом в его теле. Из-за этой скульптурной группы, созданной народными умельцами, вышел инспектор по делам безопасности системы Сотис и строго спросил: «Где ваши тревожные чемоданчики? «Дома остались», — растерянно ответили сталкеры. «Будете наказаны переводом на службу в Трихансад. Кстати — почему без штанов? И трусы рваные»... «Успели выбежать, в чём мать родила», — оправдывался, за всех, Ворон. «Да-а-а, — покачал головой инспектор, глядя на Бегемота. — Без штанов, но в шляпе!» «У пугала было только это, — оправдывался Мотя. — Видимо, плащом кто-то уже успел воспользоваться до меня».

Утром, сделав головокружительный кульбит из вимана, Бегемот держал курс в кусты. Не сбавляя скорости, Мотя прошмыгнул мимо Ворона и скрылся за поворотом. Сам поворот он игнорировал, выбрав путь напролом.

— Я тебя предупреждал, насчёт яиц! — крикнул Вова ему вслед.

Хрустел сухими ветками Мотя недолго, затихнув в глубине бурелома. Такой прыти, от Бегемота, никто не ожидал.

— Прямо — «Электроник», какой-то, — рассмеялся Лис, глядя вслед беглецу.

— Один раз меня угораздило забрести в горы, в составе туристической группы, — поделился с ним Шмель своими воспоминаниями. — Был в ней такой персонаж. Его так и прозвали — «Электроник». Представь себе: плетётся группа к вершине сопки; уставшие, взгляды потухшие, а этот вертится вокруг. «Электроник» уже и к вершине сбегал, и к подножию, и вокруг туристов, раз двадцать обежал... Достал! По его словам, он служил пограничником, где-то в горах и каждый день по столько километров нарезал, что... Привык, короче.

Возвращался Бегемот не спеша, на ходу застёгивая ремень, поддерживающий штаны.

— Что, Моть, — подколот его Ворон, — я смотрю, Акакий тебе отказал в утилизации?

— А я об этом и не подумал...

Оправившись, Мотя нацелил стопы к остаткам праздничного стола. Прицелившись к яйцам, он равнодушно тянул к ним руку. Чингачгук обречённо вздохнул и в сердцах высказался:

— Этот гиппопотам всю страну обожрал — морда!

— Да я от голода пухну! — возразил Бегемот.

Лис почесал рыжий затылок и засмеялся:

— Оно и видно — запасу жира акула позавидует!

— При чём тут акула? — возмутился Мотя.

— Притом! Для неё жир является превентивной закуской — энергия...

— Да пошёл ты...

— И всё-таки, — не унимался Лис. — Если...

— Тебя куда послали? — вежливо спросил его Кот.

— Куда обычно посылают!

— А ты куда пошёл?

— Ну, извините — перепутал направление!

Акакий бродил по поляне и подбирал весь найденный мусор. Утилизация проходила успешно, но случались и накладки. Бегемот только собрался отправить в рот недоеденное яйцо, как Акакий расценил ситуацию иначе. Отняв у Моти остатки пищи, робот отправил их в утилизатор. Ворон, наблюдая эту сцену, сказал:

— Мне терминатор напоминает беременную куклу Барби.

— Почему? — удивился Шмель.

— Разработана она была в шестидесятых годах прошлого столетия, но выпущена в продажу только в конце восьмидесятых.

— Извращенцы, — презрительно процедила сквозь зубы Лариса, будучи знакома с этой разработкой.

— Что такое? — удивился Шмель.

— А ты видел, из какого места ребёнок извлекается?

— Неужели... Нет! Не может быть!

— Да нет! — возразила Барбариска. — Не оттуда. И не изо-рта, а прямо из живота. Какой-то тухлый намёк на Кесарево сечение. Дверка открывается и...

— А там помойное ведро! — засмеялся Лис.

— Как у Акакия, — присоединился к всеобщему веселью Бегемот.

В отхожем овраге было сумрачно, сыро и пахло. Всё заросло бурьяном и колючим кустарником. Вернувшийся оттуда Ворон без конца проклинал того, кто первым застолбил делянку, пометив её, далеко — не изотопом... Остальные, уже по неписанному закону, стремились именно туда, в то время, когда вокруг было много, вполне комфортных, мест для посиделок. Сплюнув и пожаловавшись на темноту, Вова спросил сидевших у костра:

— Как узнать — сколько негров находится в тёмной комнате, не включая в ней стационарный свет?

— Ну и как? — вопросом на вопрос, поинтересовался Крот за всех.

— Посветить фонариком и сосчитать.

— А вот тут я ловлю тебя за руку! — не согласился Виктор.

— Не за руку, а на слове, — вмешался Шмель. — Он выражал свои мысли, а не воровал у тебя из кармана печенюшки.

Контрдоводов у Крота больше не нашлось и он умолк, предпочитая пребывать в молчании, а значит — в своём амплуа.

Пора было собираться в путь и Ворон спросил Барбариску:

— А мы можем лететь быстрее?

— Можем.

— Тогда чего же мы плетёмся, как туристы по Бродвею?

— Акакию необходимо проверить ещё кое-какие параметры вимана, — ответила подруга. — Считай, что мы пока проходим ходовые испытания. Сколько времени аппарат стоял без дела, да ещё эта авария...

— Ага! — вмешался Шмель. — К1. Ходовые испытания. Проверка скорости, выведение девиации компаса...

— Примерно, — улыбнулась Лариса.

— Ну, тогда необходимо сдать приёмной комиссии и К2.

— Это как? — насторожилась Барбариска.

— Стрельбы, — пояснил Шмель, ища глазами возможный объект для уничтожения.

— А это идея! — оживился Ворон.

Шмелю не терпелось испытать действие энергетического оружия на какой-нибудь помойке. Железный ящик для мусора, подошёл бы как нельзя кстати, но его поблизости не наблюдалось. Отлетев немного в сторону, нашли подходящую железяку. Когда-то она была комбайном, убиравшим с полей хлеб, а теперь, её даже на металлолом никто не брал. Виман отлетел на порядочное расстояние, а группа наблюдателей, оставшаяся на земле, предпочла занять безопасную позицию ещё дальше, но, чтобы было видно.

Вопреки ожиданиям и предвзятым образам, навязанных кинематографом и компьютерными играми, сорвавшийся с ваджры плазменный сгусток имел не зелёный, а пронзительно голубой цвет. Ворону даже показалось, что заработала электродуговая сварка. Правильной формы шар, выжигая вокруг себя воздух, при полёте оставлял дымящийся шлейф. Вместе с воздухом, испарялась влага, отчего этот шлейф был молочно-белым. После поражения плазмой объекта, пар ещё долго клубился, рассасываясь в окружающей атмосфере. Сам объект, подлежащий уничтожению, даже вспыхнуть не успел. Мгновенно

испарившись вместе с возможным дымом, он не оставил на прощание ничего, что бы напоминало о его существовании, ещё секунду назад. Сама плазма, при соприкосновении с целью, будто взорвалась, осветив напоследок сине-голубым светом вокруг себя всё: деревья, виман, глупые лица сталкеров...

— Самые горячие звёзды голубые, — задумчиво сказал Ворон, сопоставляя в уме возможности оружия.

Чингачгук беззвучно тыкал пальцами в сторону уничтоженного комбайна и, без конца, что-то пытался сказать Вове. Ему это надоело. Шумно вздохнув и также выдохнув, Ворон возразил, в ответ на немой вопрос:

— Золото испарится, вместе с породой и прочее, прочее, прочее...

Следующее встреченное село поразило обилием техники. В основном — тракторов. Ржавый комбайн, как неистребимый символ сельского бытия, стоял посередине механизаторского двора, приглашая к себе мастеров по ремонту. Последние не спешили проявлять расторопность, повинувшись извечному инстинкту лени. К тому же, до уборочной далеко, а в магазине нет пока табу, наложенного председателем на алкогольные напитки. А если бы он и наложил, то механизаторы бы на него положили — горилка всегда имеется в резерве. Повторять опыт с контактом третьего рода не стали. Оставив виман в глухом буреломе, в сельпо отправились налегке, не обременяя себя инопланетными регалиями. В магазине было душно. Воняло керосином, несмотря на двадцать первый век, стоящий на дворе. Пахло хлебом, ради которого и была затеяна эта микроэкспедиция. Он лежал рядом с оцинкованными тазами, покрытыми густой коричневой смазкой. В тазы, продавщица грудой свалила топоры, вместе с колунами и молотками, разнообразных весовых категорий — вплоть до кувалд. Всё это хозяйство, так же тщательно подвергнутое консервации, вносило неповторимое амбре в затхлую атмосферу магазинчика. Хлеб не пропах керосином потому, что его недавно привезли, а вот чай был безнадежно испорчен. Уже без разницы, в чём его заваривать: в чистой посуде или в только что купленном тазу, наплевав на наличие обильной смазки. Барбариска рассматривала предложенные к продаже карамельки и засохшее печенье, к тому же, пропахшее плесенью. Пряники, по твёрдости, соперничали с корпусом вимана, а вот водка, по словам работника торговли, была абсолютно свежей. На вопрос о том, почему столько тракторов стоят в ряд, продавщица ответила просто:

— Кузьмич...

— Чего Кузьмич? — не понял Лис, шныряя глазами по полкам, в поисках того, чего он и сам не знал.

— Тракторист Кузьмич, говорю, — повторила продавец. — Всё норовит на тракторе в речку сигануть. Никакого сладу с ним нет. Председатель уже измучился весь...

Лис посмотрел через магазинное окно на улицу. Загубленная техника стояла рядами, а рядом, с поникшей головой, стоял механизатор, её угробивший. Казалось, что у него был талант не эксплуатировать трактора и комбайны, а планомерно их уничтожать, не церемонясь с ненавистными механизмами. Председатель колхоза уже подумывал о том: «А не диверсант ли, наш Кузьмич?» Остальные односельчане имели схожее, с председательским, мнение, но, до поры, до времени, не выносившие его на всеобщее обсуждение. Что делать, если в этих местах больше никто не желал оставаться. Земля пустовала без заботливых рук...

Отоварившись, сталкеры вышли на освещённую, солнцем, улицу. Кот, подозрительно ухмыляясь, сказал Бегемоту:

— Мотя, ты так смотрел на продавщицу Клаву, что я уже было подумал готовить для неё место в аппарате.

— Ха, — презрительно хмыкнул Чингачгук. — А может быть, его харя, вообще ни к месту, в представлении её бестиария?

— Голова не заднее место, — возразил Кот. — Завяжи и лежи... На крайний случай, можно рюкзак на башку натянуть.

— Я тоже подумал о том, что он заберёт её с собой, — согласился с Василием Жук. — Бывает же любовь, с первого взгляда.

Он вопросительно посмотрел на Ларису, но та демонстративно отвела взгляд в сторону. За неё подрядился отвечать на вопросы Ворон:

— Бывает. Мимолётная любовь вспыхивает, как плазма, которую мы только что испытывали. Частенько случается — весь потенциал, за раз и прогорает. Как вы успели убедиться, даже дыму не остаётся.

— Да это всё Кот, воду мутит, — вмешался Крот. — Он сам попался продавщице в тиски, вот и валит всё на Бегемота.

Шмель подтвердил:

— От свалившейся, в его мечтах, на него Клавдии, занявшей позицию сверху, Кот испытывал давление снизу.

— ?

— Да жена, поди, ушла...

Василий только отмахивался обеими руками. Совсем недавно он играл роль охотника, а теперь сам стал жертвой балагуров.

До вимана товарищи не дошли. Не выдержав напора торжества жизни, в виде зеленеющей листвы и, шумящего кроной, леса, устроились на его опушке. На существующий момент, было всё, но Чингачгуку не хватало светлого взгляда в будущее. Он без конца приставал то к одному, то к другому, задавая дурацкие вопросы, которые он считал наводящими:

— А вдруг, когда-нибудь, придётся демонтировать оборудование? Зачем Акакий приварил болванку намертво плазменной горелкой?

— А если Моте завтра в космос? — спросил Лейба Ворон. — Что ему тогда — в белых тапках ходить? Не снимая...

— В какой космос, — не понял Чингачгук, от этого пребывая в полной растерянности, — мы что — всё-таки полетим?

— На кладбище, я имел ввиду...

— Чего вы меня заживо хороните?! — возмутился Бегемот.

— Не волнуйся, Мотенька, — успокоил его Вова. — На жизнь надо трезво смотреть и проявлять побольше цинизма. Могильщикам это нравится... Сколько их спилось на этом поприще!

Услышав знакомую тему и находясь под воздействием алкогольных паров, Лектор задвинул речь. В ней, церемония похорон у разных народов, вылилась в продолжительное устное эссе. По ходу лекции, ритуал обрастал дополнительными подробностями, пришедшими в большую голову; обогащался новыми и постепенно трансформировался в самостоятельную форму. В итоге, появилось уникальное течение. Кажется, что оно свободно от старых догм, но, это не так. Они тщательно замаскированы, зачастую ненамеренно, в результате игры в «сломанный телефон». Прослушав всю эту белиберду, Мастодонт сделал

простой, но верный вывод:

— Так. Кажется, кормление головных тараканов прошло без эксцессов.

— Пора вытравливать, — согласился Терминатор. — Лёша — налей Гене коктейль «Три пшика».

— Что это? — удивился Крот.

— Эх, молодо — зелено! — снисходительно ответил Диплодок, снизойдя до пояснения. — Во времена сухого закона, конца восьмидесятых годов прошлого века, коктейль «Три пшика» имел хождение на территории СССР. Конечно, это касалось только определённых кругов страждущих граждан. В кружку пива, особо продвинутые и неразборчивые, в питье, дядьки, делали три пшика дихлофоса. Как они умудрялись не отравиться — не может сказать никто.

— А Лектору это поможет? — смеясь спросил Лис.

— Может быть, сделать проще? — предложил Чингачгук. — Просто прыснуть струёй ему в морду...

— Куда? — не согласился Алексей. — В лицо — не пойдёт! В ухо — тоже... Тараканы же внутри головы, а пиво будет — утешительным призом.

— Сдаётся мне, что у Лектора с эликсиром болтливости передозировка вышла, — заметил Терминатор. — Надо накапать ему антидота в стакан с водой, а то не унесём.

— И рецепт знаешь? — уточнил Кот.

— Знаю, но не скажу, а то отравитесь ещё.

— Антидот — антидот, — проворчал Мастоdont. — Вы ещё скажите, что его надо избавить от запаха изо-рта.

— Просто, — откликнулся Шмель. — Пожуй кусок мыла и выплюнь.

— А смысл? — не понял юмора Ворон.

— Да какой смысл? Мыло — щёлочь. Кто перепил, у того во рту водка плещется. Вместо нейтральной среды, ротовая полость приобрела кислотную. Щёлочь и кислота нейтрализуют друг друга, вот только глотать не надо, а то я помню один случай. Подошёл ко мне в хламину пьяный работяга и сказал, что его к начальнику вызывают, а беспокоит мужика — запах изо-рта. Он дыхнул на меня и спросил: «От меня пахнет?» Какой запах? Мужик на ногах не стоял... Я и посоветовал ему откусить маленький кусочек. Пожевать и выплюнуть. Разговор происходил в общественном умывальнике в доке, где мы стояли. Моющиеся средства лежали тут же. Мужик взял огромный кусок чёрного мыла и, со вкусом, откусил от него столько, на сколько был способен. Сморщившись, как урюк под южным солнцем, он проглотил кусман и, покачиваясь из стороны в сторону, убрался восвояси. Мне чуть дурно не стало, а на брикете мыла остался страшный след зубов...

— У меня тоже похожий случай был! — заявил Лектор.

Мастоdont усмехнулся и высказал оратору всё, что он о нём думает:

— Гена! Однажды сказанная ложь, порой, на всю оставшуюся жизнь рождает недоверие.

Лектор аж подскочил на месте:

— Да клал я, с прибором, на ваше недоверие! Мнение двуногих, меня вообще не интересует. Мир плохое место: или уделают тебя, либо уделаешь ты — промежуточных вариантов, почти не бывает, за редким исключением. Эту идеологию, практикуют повсеместно, тщательно маскируя благими намерениями — лицемеры! Каждого интересует собственная рубашка, которая ближе к собственному телу. Не ищите правды, а тем более —

справедливости...

— Лектор — хорош! — поморщившись, осадил его Диплодок. — От нас, ножа в спину, ты можешь не опасаться, если, конечно, не вылопаешь последние запасы праздничного спирта...

Геннадий окончательно окривел, приняв богатырскую дозу на старые дрожжи и размахивая руками, пытался что-то доказать окружающим.

— Ишь, как пальцы гнёт, — восхитился Терминатор.

— Наверное, пытается изобразить из пальцесложения, подобие мудры, — предположил Ворон.

— Мудра — пудра, — сморщился Лис. — Ерунда, всё это...

— Ты ему докажи, — рассмеялся Шмель, показывая пальцем на Лектора. — Вообще-то, их придумали не для медитации.

— А для чего? — спросила Барбариска, некогда занимавшаяся этой ерундой и потому, помнившая кое-что из пройденного материала.

— Во время Вавилонского столпотворения Бог, как известно, смешал языки. Как между собой общаться? Вот и придумали язык жестов, разошедшийся, впоследствии, по всему миру. Нет! Конечно, он не остался неизменным — каждая нация несла свою культуру и язык постоянно претерпевал некоторые изменения. Теперь буддисты не поймут североамериканских индейцев. Наверное... Да, к жестам ещё прилагался целый комплекс дополнительных, или вспомогательных, телодвижений и звуков: ужимки, подмигивание и прочие присвисты.

— Нет худа без добра, — вмешался в разговор Кот. — На подобном языке, между собой, теперь общаются глухонемые.

Геннадий продолжал кривляться и Лариса, смотря на то, как он пытается сложить из пальцев подобие жеста, сказала Ворону:

— Мудра, спасающая жизнь... Кажется, Гена хочет изобразить именно этот знак.

Барбариска показала Вове, как это должно быть на самом деле, сложив мудру из собственных перстов. Ворон критически оценил заложенный в символ потенциал и сплюнул:

— Пока так пальцы загнёшь, за это время, для тебя, наступит гарантированный трындец! Сам загнёшься...

Загрузив пострадавшего в летательный аппарат, сталкеры держали курс на стройку. Акакий оказался безупречным пилотом и виман послушно выполнял все его команды. Внизу мелькали деревья, поля и редкие перелески. Виноградники сменялись садами, а те, в свою очередь, зелёными лугами. Над соломенными крышами курился лёгкий сизый дымок, а курицы клевали прошлогодний навоз. Чего пернатые там искали, поди, и сами не знали, а Чингачгук не переставал удивляться лётным характеристикам атлантской техники.

— Что за гений её строил? — не переставал восхищаться Лейб.

— Почему сразу — гений? — не согласился Шмель. — Может быть, в те времена, все такими были. И чем эта гениальность определяется? Каким критерием? Я работал с одним мужиком, а он рассказал мне про то, как они подкурили преподавателя — кандидата математических наук. Тот, до этого раза, ничего подобного не пробовал и всю ночь мучился гениальностью. Учёный-математик, с его слов, был просто на седьмом небе от счастья и мыслей, которые дуром пёрли в его одурманенную голову. «Гениально!» — всю ночь орал кандидат на всю квартиру. Утром, когда кумар рассеялся, кандидат математических наук

начал просматривать записи, которые он всю ночь заносил в свою рабочую тетрадь. С ней он готовился писать докторскую диссертацию. Листая белые страницы, все испещрённые синими чернилами, он с ужасом читал: « $2+2=4$. Что за херня?! Бред, какой-то!»

Пока сталкеры смеялись, внизу показались знакомые места. Возвращение на стройку, можно было считать успешным. Внизу продолжали бегать дядьки со страйкбольным оружием. Боезапас, при этом, неизбежно расходовался и терялся среди песка, что способствовало переименованию Красной Поляны в Силиконовую Долину.

На стройку, всё-таки, завезли группу строителей в семейных трусах. Они были поголовно покрыты черноморским загаром: хари чёрные, как у негров; торсы — тоже, а ноги белые, как погребальный саван. У себя на родине, гастарбайтеры всегда работали в штанах, но здесь оказалось жарковато... Особенно живописно, рабочие смотрелись на черноморском пляже. Копашась на стройке, они страдали от отсутствия денег и были рады каждому гостю. Лучше, пришедшему не с одной бутылкой, как дурак, а, хотя бы, с двумя. Пришёл прораб. Магарыч, с собой, он конечно не принёс... Рабочие простили бы начальнику длительное вступление, если бы он явился с ящиком водки в руках, или, хотя бы, с бутылкой, но, неумный явился с пустыми руками и нёс, по мнению невольных слушателей, полнейшую чепуху. Прораб курил странные сигареты, со странным запахом, что напомнило, особенно продвинутым, «свежий пых». Когда он ушёл, один из рабочих сказал: «Оратор, хренов!» Да-да! — согласился другой. — Что ни слово, то, перед ним: «а-а-а», да «а-а-а»! Бэ-э-э! Работать нужно над своей речью! Помнишь, как древнегреческий оратор отучался дёргать плечом? Я уже забыл его имя, но это и неважно... Это из уроков: то ли истории, то ли биологии — не помню уже. Ну, короче, повесил он меч над дёргающимся плечом, а тот колол, плечо, колол»... «Отучился?» — присоединился к разговору третий работяга. «Не-а! Но зато, на плече образовалась такая мозоль, что оратору уже были по-фигу всяческие уловки и острие меча, в частности. Дёргаться, от этого, он ещё сильнее стал — обнаглел»... Обратившись к четвёртому рабочему, мешавшему лопатой раствор в большом железном корыте, он попытался его приколоть: «Вот, были сказители, а тебе и рассказать нечего!» «Я, малахольный, считал, что только дураку, философу, да политику — всегда есть, что сказать», — парировал труженик, не отвлекаясь от своего занятия. Похоже, на этой стройке он только один и работал... На объекте завизжала циркулярная пила и разговор трудящихся утонул в её визге. Затем заработал кран и загудела новенькая бетономешалка. Напоследок, из общего гула донеслась последняя фраза того, кто видно упорно не желал приступать к работе, предпочитая философии камня философию речи: «Я не хочу сказать, будто бы я его не понял. Я сказал о том, что не желаю его понимать». «Интересно, — подумал Ворон. — Если черноморец мешает раствор в корыте, то что крутится в бетономешалке?»

Пока сталкеры сиротливо осматривались на силиконовой поляне, косясь в сторону входа, охраняемого военными, к Ворону подошёл солдат срочной службы и предложил неожиданную сделку:

— Я знаю, что вы, сталкеры, интересуетесь подобными вещами. Я предлагал артефакты страйкболистам, но их, кроме пуляния друг в друга силиконовыми шариками, ничего не интересует.

Барбариска, с волнением признала, в предлагаемом товаре, третий грооусилитель и комплект нательных датчиков. Вот так, нежданно-негаданно, всего за ящик водки, остались в стороне: и «мясорубка», и «барбекю», и прочие неприятные неожиданности.

— «Мясорубка» и «Барбекю» отменяются, а жаль, — вздохнул Шмель. — Из Бегемота

получилась бы отличная купата — сочная, такая... А из Терминатора — поджаристый шницель: румяный, с корочкой, для тех, кто любит посуше — с хрустом.

— Какой терминатор? — засмеялся Ворон. — Акакий или Витя?

— Блин! — нахмурилась Барбариска. — Какие-то заметки сумасшедшего каннибала!

Настроение предводительницы заметно улучшилось — открывались ранее недоступные пути. Космос и манил к себе, и отталкивал — одновременно. Пугал своей безбрежностью, в которой, затеряться было не просто раз плюнуть...

От волнения, Лариса без конца напевала себе под нос одну и ту же песню: «Подари мне лунный камень...» Ворон не выдержал и рявкнул:

— Слышь, Лариска — заткнись! Как починим «Виман», я тебе всю Луну отдам на растерзание!

После установки усилителя наступил самый волнительный момент — испытание нательных датчиков. К делу подошли ответственно. В качестве подопытного, единодушно выбрали Лейба, как самого везучего, несмотря на то, что сам себя, он таковым — не считал. Руки, ноги, всё тело — облепили контактами, которые держались, на удивление, крепко. На голове их было аж пять штук... После подключения оборудования к Чингачгуку, его конечности стали подниматься и опускаться по очереди, но, в произвольном порядке. Он напоминал механическую куклу, пытающуюся сымитировать индийский танец.

Крот прыснул от смеха и выдавил из себя:

— Янус многоликий...

— Янус был двуликим! — поправил его Бегемот. — А это Шива, какой-то — многорукий... И многоногий...

— Да, какая разница?!

— Ему осталось только датчик ещё в одно место засунуть! — предложил Жук.

— Бонус Янусу! — заорал Лис.

Ворон согласился:

— В анус...

— Хорош, философы! — оборвал их Шмель и обращаясь к Чингачгуку, добавил: — С этим шоу пора завязывать. Заканчивай, давай, утреннюю гимнастику!

Акакий щёлкнул какой-то тумблер и представление закончилось. Как он сам пояснил, это происходило каждый раз, когда датчики подключали к человеку впервые. «Это — своеобразное тестирование на совместимость гуманоида и пси-механики вимана».

— Что это было? — спросил Чингачгук, когда его отключили от аппарата жизнеобеспечения.

— О-о-о! — воскликнул Шмель. — Это старинная индейская легенда. Грустная и поучительная. В ней нет ни слова — одни танцы...

Барбариска читала записи в дневнике профессора, про забавы с датчиками, в стенах Горкома. Роль шута отводилась, какому-нибудь, персональному шофёру. Сидя в противоперегрузочном изоморфном кресле, подопытный дрыгался на потеху высокопоставленной публике....

Глава восемнадцатая

Колыбельная или блюз оранжевых фуфаяк

Согласившись с тем, что риск, конечно, дело благородное — всё-таки, рисковать не стали. Выполнять протокол режима «Дельта», с выходом в открытое космическое пространство, Акакия отправили одного. Пока робот проверял аппарат во всех режимах, сами сталкеры отправились по памятным местам, в уже знакомый городок. Ворон забеспокоился и, чтобы разогнать терзающие его сомнения, спросил Барбариску:

— А как Акакий нас найдёт?

— Не волнуйся, — успокоила его предводительница. — Он — найдёт.

— А мы его? — засмеялся Шмель.

Лариса ничего не ответила, а только, покачав головой, устало вздохнула. Остальные проделали то же самое. Барбариска, в сердцах, сплюнула.

На небольшом привале разрабатывался план похода. Ларисе нетерпелось разжиться свежими овощами и, по возможности, фруктами, поэтому дальнейший маршрут проходил по памятным местам. Синее небо манило к себе романтической синевой, а где-то за его пределами, Акакий выводил виман в межзвёздный режим полёта. Жук потянулся и лениво спросил Крота:

— А тебе матушка в детстве колыбельную пела?

— Нет. У неё не было пистолета с глушителем.

Жора продолжал предаваться воспоминаниям, будто ничего не слышал, а если и слышал, то только себя:

— А мне пела. Надрывно, так...

— Что — с двух рук? — удивился Ворон.

— Чего — с двух рук? — очнулся Жук, спускаясь на поляну из сладких грёз детства.

Вова, в ответ, только махнул рукой, давая понять, что проехали...

Разговор не клеился, постоянно скатываясь к известной теме, от которой Барбариску плющило, морщило и скукоживало, как определил Ворон характер её состояния. Кот, в своих воспоминаниях, опять вернулся к путешествию в страну пирамид. Он поделился своими наблюдениями, отметив, что некоторые строения, служащие откровенными сортирами, имеют циклопическую кладку:

— Это противоречит здравому смыслу, так как заложенный в них потенциал живучести, по мощности — явно превышает их назначение. Можно было построить поскромнее. И даже со вкусом...

Шмель почесал затылок и высказал свою точку зрения:

— Согласно Библии, все допотопные обитатели планеты были долгожители. Житие, около тысячи лет, накладывает свой отпечаток на сознание и создание, служащих тебе, предметов. Человек всегда подсознательно стремится ничего не терять: от жилья до бытовых мелочей. Возможно, по совокупности этих факторов, атланты пошли не по пути синтеза недолговечных материалов, таких, как всевозможные пластики и силиконы, а обратились к камню и силикату. Камень, он и в Африке камень... Кстати, как утверждают экологи, разложение стекла в земле происходит за период в тысячу лет...

— В чём я, лично, сильно сомневаюсь, — высказался Кот. — Кто проверял? Да и стекло — это расплавленный и застывший кварц. Или что-то в этом духе... Природный материал.

Спорить никто не стал, так как в музеях, действительно, содержится много интересных вещей, выполненных из подобия стекла, переживших не только фараонов всех династий, но и Великий Потоп. Если заглянуть в запасники и секретные хранилища, то у простого обывателя сразу же возникнет много вопросов. Официальную историю придётся переписывать заново. С подобными мыслями Крот долго приставал к Жуку, но тому было некогда. К тому же, Жора был не в духе и поэтому, дружеское послание услышали даже на стройке, которая находилась в значительном удалении.

— Жорж, как тебе не стыдно! — одёрнула его Барбариска.

— А чего? Я его просто послал...

— На хрен? — умилился Лис.

— Ну, нет! — махнул рукой Жук. — Там слово попроще было и не такое длинное — всего из трёх букв...

Возвращение на рынок означало возвращение и на вернисаж. В пыльном воздухе всё перемешалось и, кто чем торгует, зачастую не совсем было ясно. Как только сталкеры вступили на торговую площадь, к Ворону тут же пристала торговка цветами:

— Купите жене цветы!

Вова пристально посмотрел на источник предложения и презрительно хмыкнув, пояснил причину своего категорического отказа:

— Я, конечно, стучался пару раз головой, но, видимо, не до такой степени...

— Какой? — растерялась продавщица.

— Чтобы собственноручно цветы дарить.

Неподалёку, стояли самобытные художники. Они продолжали жить самостоятельной жизнью, повинуясь, раз и навсегда, заведённым правилам данного конгломерата, в котором они и варились. Ютясь около точки базирования, они ожидали чуда и выпивки. Пока не было: ни того, ни другого. Оставалось только предаваться болтовне, что старый художник и делал. Он долго распинался насчёт рыбной ловли, плавно перейдя на неё с охоты. Вспомнил про спиннинг. Рассказ о том, как он с пятидесяти метров блесной попадал в спичечный коробок, всех рассмешил.

— Можно сразу идти в сборную России, по этому виду спорта, — посоветовал ему долговязый коллега.

— Да, Петрович, помню — судака блесной в глаз бил, — ехидно высказался тощий.

Толстый художник имел более критическую точку зрения:

— Да он к снасти-то, поди, не знает, с какой стороны подойти.

Ни к чему не обязывающий разговор прервался приходом покупателей. Пока старый спортсмен брызгал слюной, доказывая реальность спортивных достижений, его соратники, по кисти, заняли выжидательные позиции около своих работ. Его уже давно никто не слушал, а старик всё продолжал убеждать пустоту в своей правоте.

Покупателей заинтересовала работа тощего художника, но она была без рамы. Он их успокоил, что всё будет, как учили и рамами торгуют напротив. Сторговавшись и подобрав нужное оформление, осталось только закрепить картину в раме и отдать деньги счастливчику. Гвоздики, у везунчика, кое-как нашлись, а вот с верёвкой вышел напряг. Тощий, не долго смущаясь, деловито наклонился и резким движением руки, выдернул кусок полипропиленового шпагата из придорожной грязи, валявшегося тут же — под ногами, Протянув её между двумя пальцами, он таким образом, освободил верёвку от посторонних наслоений и деловито стал приколачивать к подрамнику. Грязный, местами ржавого цвета,

полипропилен — умилил покупателя. Когда отоварившиеся клиенты ушли, Толстый сказал:

— Богата наша земля на приобретения...

— Трофеи под ногами валяются, — подтвердил долговязый.

Из-за угла вывернула троица, потрёпанный вид, которых, не оставлял сомнений в том, что они уже не первый день балуются алкогольными напитками.

— Вот и трофейная команда, — угрюмо сказал толстый. — Грязные верёвки им не нужны, а вот спиртом, халявщики — не брезгуют. У нас ничего нет!

Как не приставали прилипалы к художникам, те решительно сбросили их с хвоста. Мотив простой — денег нет и не предвидится. Когда они ушли, тощий облегчённо вздохнул и сказал толстому:

— Не водки жалко! Налей хоть один раз и трындец — хвосты отсюда не уйдут никогда. Такими пропитыми мордами впору танки пугать, а что тогда говорить про клиентов — разбегутся, как от африканской чумы...

— И приходите будут — каждый день, — подтвердил долговязый. — Да один запах изо рта чего стоит...

Глядя на эту картину, Крот обратился к Жуку:

— Кстати, о птичках...

— Да наслышаны мы про этих пташек, — недовольно воскликнул Жора, до сих пор пребывая в плохом настроении и раздвинув, на всю длину, руки в стороны. — У нашего Бегемота такая же. Во! И ни одного пёрышка...

— Если не заткнётесь, у вас у обоих будет такая же! — предупредил говорунов Мотя.

Старый художник, не дожидаясь официального открытия банкета, топтался рядом с неофициальной точкой распития, уже ошарашенный горячительными напитками. Три стограммовых стаканчика. Как сказал один из старожилов, цифра три не случайна: в связи со слабым зрением старичка, два стаканчика необходимы для полноты ощущения и чёткости обзора — по одному на глаз. Третий необходим для равновесия — сбалансировать первые две дозы, сфокусировав разбегающиеся глаза в одной точке, по центру.

Ошарашенные художники партизанили, наливая из-под полы. Морщились, так же, в подкладку, тщательно скрывая мимикрию от окружающих. Выдыхали в рукав... Занюхивали волосами, на голове товарища. Мимо пробежал Робин Гуд, как его здесь называли. Он постоянно стрелял сигареты и приставал к каждому живописцу и не только, с двумя вопросами: дай закурить и дай двадцать рублей. Вечно пьяный, вольный стрелок другими словами старался не разбрасываться. Его лексикон сузился до этих фраз, обеспечивающих ему достаточное общение с вольными художниками и остальными работниками торговли.

Масть пошла и уже от толстого ушли покупатели, обременённые покупкой. Скромный банкетик постепенно переходил в разнузданное застолье. База переместилась в будку торговца сувенирами. Окружающие её давно окрестили чебуречной, а кое-кто добавил и название: «Чёрная дыра». В ней пропадало всё... Мечты, заработки и трезвый образ жизни. Старый, с двух попыток, не сумел попасть внутрь, так как дверь была закрыта. Он готовился к третьей. Неожиданно, узкая калитка открылась и появившийся, в проёме, толстый художник, спросил:

— Турникет ищите?

Старый ничего не ответил. Дверь была открыта и препятствие ликвидировано. Не говоря ни слова, старик исчез за горизонтом событий. В это время группа туристов заинтересовалась сувенирами, желая приобрести на память что-нибудь экзотическое. На их

призыв, из «чебуречной» выглянуло жующее лицо, неприлично больших размеров. «Отец Виталий» продавал среди прочего товара глиняные и пластмассовые свистульки, работающие только на воде. Они то и заинтересовали покупателей. Чтобы игрушка издала пронзительную трель, в её нутро необходимо было налить воды. Перепутав стакан с водой и водкой, он по ошибке плеснул второй ингредиент. Ребёнок свистнул и поперхнулся. От этого он втянул ртом содержимое в рот и собрал глаза в кучу. Дикий рёв, переходящий в плач, разразился на всю торговую площадь.

— Ты ему что — тормозухи плеснул? — испугался толстый, ретируясь из каморки и пытаясь протиснуться в узкий лаз.

— Да нет — водка наверное. Ошибочка вышла...

— Ну я и говорю — тормозуха. После употребления водки почти все такими тормозами становятся...

— Нет — просто пьяный трезвому не товарищ, — не согласился тощий. — На разных языках общаются.

Продолжив банкет на старой стоянке, художники терзали скудную закуску. Ей являлась единственная конфетка, пережившая не одно застолье. Сколько она выдержала подходов, с последующим обнюхиванием карамельки — не мог сказать никто, но, конфетка до сих пор не потеряла своего фруктового аромата. Подошедший ребёнок пристально уставился на кондитерское изделие и тощий не выдержал, сказав толстому:

— Не позорься — отдай конфетку ребёнку. Вон как жалостливо смотрит.

— Ты чё — это же последняя закуска! — оторопел товарищ.

— Ему тоже закусить надо! — не сдавался доброхот. — Да я тебе, за свои носки, их сейчас кило принесу.

— Кто это тебе за твою рвань хоть фантик даст? — не поверил толстый.

— Элементарно! Я носки над дверью магазина повешу с требованием выкупа — сами прибегут...

— Как-будто продавцы их сами снять не смогут...

— Не всё так просто... Некоторые жёны своим мужьям стесняются носки постирать, а тут такой гостинец... К тому же, яд проникает через кожу...

— А как они тебе в них конфеты насыпать будут? — с подвохом, спросил старик.

— Блин! — разозлился тощий. — Через каминную трубу...

Страсти вокруг чебуречной улеглись и можно было возвращаться в элитную распивочную подальше от посторонних глаз и назойливых хвостов. Отец Виталий выглянул из будки и громко крикнул:

— Ну, вы идёте, что ли?!

— Когда вы будете знать текст, скотина?! — сурово спросил его долговязый.

— А это как? — растерялся владелец распивочной.

— Ну, это же так просто! — пояснил визави. — Неужели трудно сказать: «Кушать подано!»

— Да пошли вы!

— Грубо, — сказал старый и опять исчез за горизонтом событий.

Из утробы вместительного деревянного ящика донеслась фраза отца Виталия: «Эта бутылка вбила в мою голову назойливую мысль о том, что в ней плещется жидкость для клизм».

Из овощных рядов вернулась Барбариска с полной авоськой овощей и фруктов. Она

долго и нудно пилила Ворона, который её сопровождал и нёс самую значительную часть покупок. Барбариска на что-то злилась, а Вова крутил головой по сторонам, как-будто что-то выискивая.

— Что высматриваешь? — спросил его Шмель.

— Ищу место послания.

— Чего?

Ворон вздохнул и пояснил:

— Ну, где тут у них место, в котором можно послать, куда подальше?

— Почему тебя заботят эти координаты? — равнодушно спросил Шмель. — Разве нельзя этот вопрос решить прямо на месте?

— Ну, как же... Всё должно быть культурно! Есть же отхожие места, места для курения, так должно быть и место, где можно, на законных основаниях, излить душу собеседнику... К тому же, здесь слишком много посторонних ушей. А вдруг женщины примут это на свой счёт? Тут может такое начаться...

— Это точно...

— Да у него одно на уме! — встряла в разговор Лариса. — Неистребимое желание.

— Желание чего? — спросил Шмель, теряясь в догадках — или, или...

— Одно неистребимое желание выпить, а других грёз, практически, не возникает. Всё, что ни делается, это только побочные поступки, замыкающиеся на основном приобретённом инстинкте.

— Есть контакт! — обречённо произнёс Ворон.

— Не путай контакт с конфликтом, выдавая последний за первый, — недовольно огрызнулась Барбариска.

Она оставила Ворона на попечение компании, а сама опять удалилась в глубину торговых рядов, порешив, что толку от Вовы, как от козла молока...

Пока происходил этот внутриведомственный конфликт, Мастодронт с Диплодом порядочно заскучали. Желание выпить стало назойливым. Насмотревшись на местную богему, которая, как правило, оправдывала своё название — всюду грязь и нищета, сталкеры сами стали искать стаканы.

— Ни одной мишени, — констатировал печальный факт Мастодронт.

— Чего? — не понял Диплодок, с подозрением косясь на товарища.

— Стаканы, я имел ввиду.

— При чём тут мишени?

— А куда ты из бутылки целиться будешь? — не выдержал Фёдор.

Остальных компаньонов уговаривать не пришлось, но, памятуя прецеденты, пришлось применять конспиративную тактику. Разговаривать, с местной пьянью, ни в чьи планы не входило. Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация... Хвосты чуют запах спиртного на таком расстоянии, что ещё акула позавидует. Речь не идёт о километрах. Тут другое восприятие, перед которыми блекнут возможности нательных датчиков управления виманом, с его пси-сенсорным восприятием. Тут телепатия высшего порядка. При полном отсутствии запаха спиртного, оно воспринимается. Такие вопросы, как: кто, где и какое количество — начальный процесс обучения невольных экстрасенсов.

Сомнительные лица, помятые в борьбе с зелёным змием, мелькали с поразительной частотой, как партизаны — появляясь ниоткуда и исчезая в никуда. В данном случае, их смущали абсолютно незнакомые лица, к тому же, не желающие идти на контакт третьего

рода. Наши герои тоже телепаты и посылали молча, на общем — открытом канале телепатической связи. Ожидалось, что Робин Гуд навернётся с дерева, где он сидит в засаде, в ожидании прокола со стороны художников. Одно неосторожное движение; только самый краешек стеклянного тела из рукава гонца, при его неосторожном движении — всё! От зоркого глаза вольного стрелка ещё ничего не ускользало... Прикончив пару бутылок, сталкеры, тем самым, положили конец блужданиям смурных личностей, без определённого рода занятий. Художники, тоже, временно угомонились, переваривая полученную информацию в жидкой форме.

Мимо прошла стройная девушка в платье, подражающем школьной моде восьмидесятых годов прошлого века, то есть в школьной форме.

— Почему в спецовке? — с недоумением спросил тощий толстого.

— С чего ты решил, что это спецодежда?

— Да уж больно похоже на вызов по адресу... «Школьницу вызывали?»

— Ха! — обрадовался толстый. — И правда — похоже.

Этот проулок вёл, вероятнее всего, на какие-то курсы, потому что стройные девушки сновали по нему взад-вперёд. То, что это не покупатели, пришедшие на рынок, было ясно с первого взгляда. Они шли не оглядываясь по сторонам — старой привычной дорогой. Мимо продефилировала престарелая мадам, с лыжными палками в руках. Шла на них она, как на лыжах, но в одних ботинках.

— Скандинавская ходьба, — просветил друзей долговязый. — Прямо поветрие пошло какое-то. Бегают с лыжными палками наперевес...

— Так лыжи, может быть, просто свистнули? — предположил старик, уже плохо что-либо соображая.

— А на палки никто не позарился? — усмехнулся толстый. — Сейчас лето!

— Ну и что? — не сдавался старик. — Есть лыжи с колёсиками — тренируйся — не хочу!

В ту же сторону прошла ещё одна особа неопределённого возраста и невысокого роста. В короткой юбчонке ярко-жёлтого цвета, она напомнила художникам канарейку. От неё за версту разило контрафактными духами, которые парфюмерные магазины выдают за французские. Все машинально заткнули носы, но запах, казалось, проникает в уши...

— Тонкий запах загадочности, — задумчиво промышчал тощий, не решаясь разжать пальцы, тисками сдавившие нос.

— Гарны вонявки! — согласился толстый. — Аж глаза заслезились... А в зобу дыханье спёрло...

— Блин! — возмутился долговязый. — Зачем же в них купаться?

Одному старику было до фени.

— У меня нос будет синий! — пожаловался тощий. — Кстати, а куда подевался Контуженный?

— Он сейчас выполняет роль трассера, — ответил долговязый.

— Чего? — насторожились остальные, хором выразив крайнее недоумение.

— Ну — трассер. Пуля такая — светящаяся. Не знаете, что ли?

— При чём тут пуля? — зло спросил толстый.

— Он, подвизаясь на два фронта, ещё утром попал в обойму жаждущих спиртного, с той стороны забора. Последний раз Контуженный пронёсся мимо нашей толпы в магазин, практически светясь красно-оранжевым светом, от разогрева об атмосферу. Рожа красная,

нос ещё краснее. О глазах и говорить нечего — как у лича, после страшной попойки...

Как говорится, вспомни о... и всё у тебя будет. Контуженный, в дальнем конце вернисажа, лежал в придорожной пыли ничком. Он, вероятней всего, страдал от тяжёлого ранения в голову спиртосодержащей жидкостью, но, не прекращал попытки идти в атаку. Раненый повернулся и подняв правую руку вверх, попытался что-то крикнуть. Получилось несвязное мычание. Долговязый скептически поглядел на поверженного бойца и вежливо спросил:

— Ты определись, что тебе нужно: рому или патронов.

Пока сталкеры ждали возвращение предводительницы, Ворон разглядывал обнажённую натуру, вылившуюся на полотно, вместе со всеми природными недостатками. Личное неумение художника, в связи с этими фактами, оставалось неопределённым.

— Нью, — сказал подошедший Шмель. — Голая баба.

— Я знаю, как называется эта картина, — заявил Вова, внимательно осмотрев неприкрытый зад натурщицы.

— Как?

— Ни концов, ни колецов — полна... эта... огурцов.

— Дешёвая шутка, — вяло отреагировал присоединившийся, к просмотру, Лис.

— А что, — возразил Ворон. — Колец — не видно? Нет. Концов тоже не видать. Остаётся эта... Ну, а уж её содержимое просто не разглядеть, в силу непрозрачности естественного материала.

— Интересно, — усмехнулся Шмель, — огурцы свежие или солёные?

Лис захихикал и высказал свои соображения:

— Ну, свежими они уже по определению быть не могут, да и для засолки, место неподходящее.

— Тогда замаринованные, — решительно заявил Вова. — Для них точно закрытая тара нужна, для пущей консервации.

— А доставать как? — подал голос Бегемот. — Ножницами, что ли?

— Лучше штопором! — авторитетно заявил Кот.

Чингачгук махнул рукой и равнодушно заявил:

— Да ладно — так выйдут, естественным, так сказать путём...

— Правильно, — весело согласился Лис. — Нужно было художнику огурцы друзой поместить — жопками наружу.

Он ещё посмеялся некоторое время и спросил Ворона:

— Чего это тебя Лариска отчитывала?

За него ответил Шмель, подло ухмыляясь:

— У Володи, какая-то треугольная фигня вырисовывается...

— Чего? — опешил Константин, соображая, кто из их компании мог стать заместителем Ворона.

— Ну — любовный треугольник.

— Это я понял! — согласно кивнул Лис. — Между кем и кем?

— Между Вороном, Барбариской и бутылкой.

— А-а-а! — понятно и хором, радостно и слаженно, протянули сталкеры.

— А если в этой геометрической какофонии есть любовник? — задал Кот провокационный вопрос.

Шмель на секунду задумался и высказал свои соображения, по этому поводу:

— Ну, это уже квартет получается и ещё неизвестно, за что на ринге схватка яростнее происходить будет — за бутылку или за бабу...

— Точно! — согласился Бегемот. — Глаза хитрые-хитрые...

— Чего? — напрягся Чингачгук.

— Анекдот не помнишь, что ли, про то, как жена с любовником в постели лежат? Я к заначке... Так и есть — всю брагу выпили!

— Ох уж мне эта любовь! — поморщился Кот. — Вот где сидит!

Он показал рукой на горло, а Шмель ему дал ценный совет:

— В этом случае поможет сказка про любовь и мины.

— Как это? — заинтересовался Василий, на всякий случай внимательно слушая, а вдруг — пригодится.

— Просто, — продолжил учитель. — Пристаёт с любовью? Скажи ей, что ты во Вьетнаме на мину-лягушку уселся. Джон наступил, а ты просто сел, а когда вставал, то только и увидел, как мимо хари собственные причиндалы пролетели... Отголоски чужой войны...

Вернулась Барбариска и сталкеры гуськом потянулись к выходу и, как кому-то показалось — на свежий воздух. Позади остались огурцы, неприличные картинки и прочие баклажаны — нарисованные и настоящие. Вдоль дороги потянулись ангары, в которых разместились склады. От остального мира их отгораживал бледно-серый забор, со следами былой покраски. Исходя их этого, хозяева складов размещали вывески, рекламирующие их продукцию, прямо на крышах ангаров. Чем выше — тем лучше. Этому способствовали длинные деревянные шесты, на которых крепился рекламный плакат. Как правило, шесты ограничивались шестиметровой длиной. Некоторые владельцы были несогласны с ограничением и делали несущую конструкцию составной, но, до первого сильного ветра и так по-новой, в извечном круговороте бытия. В одном ангаре работали, видимо, остряки. На вывеске имелась надпись: «Склад №13», а рядом был нарисован весёлый цыплёнок. Под ним, оформитель написал крупными буквами: «Ваши яйца здесь».

— Категорически не согласен! — возразил Бегемот. — Я их уже съел, а те, что хранятся на складе — не мои.

— И мои на месте! — подтвердил Кот.

— Надо сменить название на «Клиника пластической трансплантологии», — предложил Чингачгук.

— Ты там будешь, конечно же — главврачом? — засмеялся Лис.

Выйдя на центральную улицу, сталкеры окунулись в местную толчею. Все куда-то торопились, суетились и смотрели только себе под ноги. Этому способствовали раздатчики всевозможных бумажек, от которых не стало продыха во всех городах. Это ещё одно поветрие, с которым власти бороться были не в состоянии. Играли музыканты, с детства воспитывающиеся вместе с медведями, мычали не менее талантливые певцы. Талант заключался в том, что при полном отсутствии голоса и музыкального слуха, они не стеснялись побираться на центральной улице города. Наглость — второе счастье... И тем не менее, даже у таких талантов находятся пьяные поклонники. Трезвые, видимо, трезво оценивают музыкантов. На эти высказывания, со стороны Ворона, Мастодонт позволил себе возразить:

— Это таланту важно, чтобы его слушатели имели музыкальный слух. В противном случае — кто оценит? А вот бездарю — наоборот. Он входит в эмоциональный контакт со

своими слушателями, которые по уровню интеллекта, стоят с исполнителем на одной ступени. Соответственно, воспринимают действительность на одной волне...

Мастодонт устал и равнодушно махнул рукой, в гипотетическую сторону, где одни наяривали на музыкальных инструментах, которые видели второй раз в жизни, а другие их слушали, пуская пьяную слезу.

Направо, в ряде стеклянных витрин, промелькнула странная вывеска. Кто-то решил проявить эрудицию и назвал магазин «Колониальные товары», не совсем ясно представляя себе, что это такое.

— А что это за товары? — изумилась Лариса, и не мудрено, так как владеть заморскими колониями, Россия закончила, аккуратно после Октябрьской революции.

Ворон улыбнулся и, хитро прищурившись, пояснил подруге характерные черты вещей, поступающих из далёких и, не очень, колоний:

— Шахматные фигуры, там, из хлебного мякиша — покрашенные табачным пеплом. Если они изготовлены из чёрного хлеба, то и красить не надо. Из белого — дороже. Батон, всё-таки... Ну, что ещё? Рукавицы, лифчики, несуразных размеров — от мечтателей, ну и так далее... Да — про лес, чуть не забыл: брёвна, тес и доски, вместе с брусом...

— Да ну тебя, — вяло выговорила Лариса, уже устав напрягать мозговые извилины.

— Что такое? — обнял её Ворон. — Это правда, а то, что написано на магазине, от скудоумия. Я-то, тут, при чём?

— Это что, — зевнул Шмель. — Вот, в одном месте дали название магазину — Нью-Йорк! Я понимаю, когда крепятся вывески, типа: «Эльдорадо», «Клондайк» — тут всё понятно. Символы супербогатого американского края, но, магазин «Нью-Йорк» в глухом селе Косорылово — это ни в какие ворота не лезет.

— Это, наверное, ответ на америкосовские штучки, — догадался Чингачгук.

— Почему ты так решил? — спросил его Бегемот.

— Потому, — ответил Лейб. — Представь себе, что стоит в пустыне три с половиной дома и это, считается не деревня, а город. Там и деревень-то нет. Называется это поселение просто: «Москва». И таких там несколько. Несколько Парижей и так далее, и тому подобное.

— Действительно — ущербные, — согласился Лис.

На зелёной полянке, какой-то грамотей поставил табличку, приколоченную к небольшому шесту. Надпись лаконично гласила: «Газон засиян», вероятно для того, чтобы на него не ступала нога человека. Ходить не ходили, но, пьяные падали — регулярно.

Крот посмотрел на этот шедевр и спросил сопровождающих его лиц:

— Почему на памятной табличке нет даты рождения. Дата смерти, так же, отсутствует и фамилия написана с маленькой буквы.

По пути попался магазин, на котором, красными буквами, с непонятно-загадочным намёком, красовалось название: «Умная игрушка». Снизу, чуть помельче, было написано: «Чип на 30000 слов в словаре игрушки, несколько сотен энциклопедий и прочая, прочая, прочая»...

— Знаю я такие игрушки, — засмеялся Жук. — У меня знакомый есть, так он купил сыну подобную штучку. Сын остался не у дел, потому что его мать первая решила опробовать изделие на себе. Так сказать — ходовые испытания... Уж время за полночь, а полемика между женой знакомого и умной игрушкой не прекращалась. Наговорив игрушке всяких глупостей, с три короба, женщина обиделась и поджав губы, ушла спать.

Сталкеры порядком повеселились, представив себе эту картину. Они уже начали

уставать от провинциальной непосредственности и стремились побыстрее выбраться отсюда подальше. Терминатор обратил внимание на маленькую студию, которая гордо именовалась: «Студия звукозаписи». Лектор критически оценил заведение, выдав собственную резолюцию:

— То ли в гараже, то ли в сарае...

Мастодонт спросил его, хитро улыбаясь:

— Что самое главное для человека за ударными инструментами, во время исполнения оркестром композиции в тесном помещении?

— ?

— Не перепутать литавры с головой первой скрипки.

— Да, прима будет недовольна, — согласился Диплодок.

— Тёмные вы люди, — вмешался Чингачгук. — Эта одна из студий, где ты можешь записать песню, в собственном исполнении, на лазерный диск и подарить любимой маме на день рождения.

— Я и сам могу! — возразил Фёдор, недоумённо пожав плечами.

— Это понятно, — согласился Лейб. — Но! Тут, какие-никакие, а всё-таки, профессионалы. Пока ты сам всё смикшируешь — опупеешь! Согласен, раньше интересней было. Но, это опять касается, в первую очередь, только Америку или западные страны. Сам Элвис Пресли пришёл в такую студию, где намеревался записать на синюю и гибкую виниловую пластинку свой голос, чтобы преподнести её на память маме. Там его и повязали...

— Меня бы так поймали, — грустно вздохнул Кот.

Барбариска опять пристала к Ворону, напомнив остальным сталкерам лобзик или циркулярная пилу.

Шмель устало вздохнул и шепнул Лису на ухо:

— Что бы ты не сделал, тебя как пилили, так и впредь будут пилить. Органика, лишённая разума — ненасытна.

Наконец-то, центральная улица закончилась и товарищи, сразу же вышли на окраину городка. Вот так...

Как в кино, мелькали оздоровительные комплексы, которым не нашлось места на центральной улице. Грязевые ванны и солярий. Как сказал Бегемот: «Я бы прыгнул в ванну с коптильной жидкостью... Отмочился, обмочился и в солярий... Салон красоты существовал при комплексе, и в него, худо-бедно, всегда имелась очередь. Из открытого окна доносились обрывки разговора, происходившего на повышенных нотах. Кто-то кого-то успокаивал, а кое-кто и обвинял: «За что тебя увольнять? Ты же ничего плохого не делаешь!» «А она вообще ничего не делает! «Слушай, Зин — не успеваем. Сейчас ногти белой краской зафигачим и сделаем хотя бы пару ногтей. Синяя краска вот...

— Зачем такие сложности? — крикнул Кот в открытое окно. — Пару раз промахнулся молотком мимо гвоздя и порядок! Экономия времени на лицо...

Мимо проходили два выходца из Средней Азии. Самый молодой подошёл к сталкерам и задал, вполне безобидный вопрос:

— А где здесь офис дворников?

В ответ, ему махнули рукой в неопределённую сторону, а Шмель шумно вздохнул:

— Вот отстой! Веяние времени... Раньше такие комнатухи, заставленные мётлами и лопатами, назывались просто: дворницкие, кандейки, подсобки, на худой конец. Теперь —

офис. Само по себе — маразм. Офис переводится, как — контора. Теперь озвучим вопрос по-русски: «А где здесь контора дворников?» Бред да и только... Контора пишет. Там: бумага, бумага, бумага... Всё пропахло штемпельной краской, а не старыми валенками Тихона.

За бесцельными разговорами, вышли к месту приземления вимана. День был в самом разгаре и поводов, для паники, пока не было. Пронзительное небо синело манящей бездной и Ворон, лёжа на траве, смотрел на проплывающие редкие облака. Наблюдая за тем, как они величаво шествуют по небесному своду, он пленился их белизной и гипнотической хваткой, которая способна обратить внимание наблюдателя на суетность бытия.

Шмель без конца жаловался на спартанский образ жизни, который ему до смерти надоел. Жук, прослушав по второму разу его стенания, неожиданно сказал:

— Что-то я не помню того момента, откуда спартанцы пацанов брали. Жили-то они, в чисто мужском коллективе.

— По принципу и под девизом: «Лучше нет влагалища, чем очко товарища!» — добавил Кот.

— Пошляки! — возмутилась Лариса.

— Что такое, Ларисонька? — подсуетился Ворон. — Это достоверно установленный факт.

— Я думаю, что раз в год они с амазонками совокуплялись, — вмешался Чингачгук. — Тем нужны только девочки, а Спарте — только мальчики. Полное взаимопонимание. Отбраковку — со скалы...

— Установлен факт чего, — зло переспросила Лариса, — того, что они с амазонками скрещивались?

— Нет — про содержание голубятни, — уточнил Вова.

— Интересно — как определить, в первые месяцы жизни, потенциал малыша и его последующее развитие? — спросил Шмель. — Полная чушь!

— В общем-то, переживать не о чем, — равнодушно подвёл итог Лис. — Спарта, как общество, доказала свою несостоятельность.

— Почему? — не понял Бегемот.

— Потому! Где они сейчас? Сгнили давно, разве что память осталась, да и то, зачастую — недобрая.

Шмель согласно кивнул головой и добавил, к сказанному:

— И вообще, когда я родился меня пристрелить посоветовали... Нестандарт, сплошной... Конечно, времена не те и совет носил чисто рекомендательный характер. То грудь одна другой больше, то ещё какие напасти... Сетки йодовые, компрессы... Потом всё это надоело и на процедуры, просто-напросто, забили. Да, ещё родимое пятно, в форме листа на груди — тоже не понравилось врачихе...

— Где родимое пятно? — спросил Ворон.

— На груди — под свитером.

— У тебя там рубашка...

— Под волосами!

— А-а-а...

Вернувшийся из кустов Терминатор, пропустивший весь разговор, довольно улыбаясь, делал гимнастику. При словах: «Веду спартанский образ жизни!», толпа заржала. Он долго не понимал причину столь бурного веселья, пока Лектор не посвятил его в курс дела.

— Воин должен хорошо питаться, — заметил Бегемот.

— Мы знаем, — глядя на его внушительных размеров живот, ответил Лис.

— Интересно, — размышлял Крот, — пайки всех военных ведомств существуют, а вот есть ли паёк сталкера?

Шмель снисходительно посмотрел на возмутителя спокойствия и сказал, покрутив пальцем у виска:

— Откуда? Я бы порекомендовал пользоваться корабельным НЗ, то есть — неприкосновенным запасом. Там всё самое-самое!

— А где взять? — уточнил Ворон.

— А хрен его знает... Есть одна мысль — вполне реальная. Спасательные плоты на кораблях и судах флота снабжены контейнерами с едой и водой, упакованными в водонепроницаемый прорезиненный материал. В комплектацию входят высококалорийные сухари противного тёмно-коричневого цвета и, примерно, такого же вкуса. Вода питьевая консервированная в банках по двести грамм.

— Для утопающих? — уточнил Жук.

— Для терпящих кораблекрушение, идиот! Для утопающих, как правило, вода на хрен не нужна, особенно в пресных водоёмах. Им не до питья, не до еды... А вот когда заберётся на плот...

— Морскую воду пить нельзя ни в коем случае, — заявил Чингачгук.

— Да ты и не сможешь! — хмыкнул Крот.

— Сможешь... Но, подсчитали погибших при известных кораблекрушениях и выяснилась любопытная деталь — потеря среди потерпевших было больше именно среди тех, кто время от времени отхлёбывал морскую воду, не в силах терпеть жажду. Вот такая вот статистика... Только я не въехал, когда они помирали...

— Не отвлекайся от генеральной темы, — одёрнула его Лариса.

— А что такое? — вздрогнул Лейб.

— Вдруг что-нибудь новенькое скажешь.

— А-а-а, — вяло отмахнулся Чингачгук. — Как известно: всё новое — хорошо забытое старое.

— Ну, что ещё в набор входит? — спросил Ворон Шмеля.

— Естественно — шоколад. Он уже состоялся и не требует доработок по насыщению калориями, как сухари. Гораздо интереснее собирать собственные рецепты, рассказанные людьми, далёкими от сталкерских походов.

— Например?

— Например — сало.

— Ну, этот продукт тоже состоялся и не требует дополнительных доработок, — разочарованно протянул Мастодронт.

— Это как сказать! — возразил Шмель. — А если человек беззубый?

— Пусть сосёт! — обрадовался Кот.

— Соси его! — радостно подхватил Лис.

— Можно и проще, — пояснил Шмель. — Провернул через мелкую мясорубку и порядок. Эту пасту мажь куда хочешь. Хочешь на хлеб, хочешь — на... Можешь просто ложками трескать... Кстати, для этого рецепта подойдёт любая копчёная колбаса, даже самой крепкой засушки, типа татарского «казе».

Наконец-то прилетел долгожданный виман. Акакий вылез наружу и доложил

Барбариске о полном порядке на борту. Все облегчённо вздохнули и полезли внутрь. Каждый, забравшись на своё место, ещё раз осознал тот факт, что внутри летательного аппарата значительно комфортнее, чем снаружи. Пролетая над небольшой речкой в режиме «стелс», сталкеры увидели импровизированный дикий пляж. В настоящее время он был почти пуст. Только два голых женских тела обезображивали природную красоту. Спустившись ниже, можно было послушать, о чём они разговаривают. Усилитель звука позволял проделать этот фокус и на более дальних дистанциях. Кот, для самообразования, во что бы то ни стало, хотел послушать разговор двух дам бальзаковского возраста. Валяясь на песке, возле вонючей речки, они разочаровали Василия.

— Хочу купить для Тотошеньки кошачий туалет с подогревом, — сказала одна другой дребезжаще-писклявым голосом.

Виман повис невысоко над пляжем. Через могучий репродуктор, усиливающий звук до таких пределов, что слышат на Луне, раздался суровый голос Кота:

— Прокладки ему купи, с крылышками, чтобы он мог летать — дура старая!

На пустынном диком пляже запахло. Теперь стало непонятно, откуда больше воняет: от реки или от песка.

Виман держал курс в стратосферу.

— Кошачий рундук с подогревом? — ржал Чингачгук. — Это весело! Насыпаешь в лоток наполнитель и кот, усевшись в него, чувствует себя в пустыне Сахара. Нежный запах ароматизатора, вместе с разогретой мочой, слегка отдаёт палёной шерстью. Ещё неизвестно, что смердит больше...

— Весь мир сошёл с ума, — задумчиво молвил Шмель и оглянувшись на бандершу, спросил: — Ну, куда летим?

* * *

Где-то в районе обильных снегов, где сугробы достигают второго этажа панельного дома, рабочие гребли снег лопатами, большими скребками и прочими приспособлениями. Основную нагрузку на себе несла снегоуборочная техника и, хоть иногда, можно было расслабиться. Дворничиха Клавка и расслабилась, устроив стриптиз по-рабочему. Она воткнула совковую лопату в сугроб и держась за неё вытянутыми руками, встала в театральную позу. Запрокинутая назад голова сладострастно промычала что-то протяжное, выдавливая из себя неопределённые звуки. Трактор заглох, а коллеги по снегоуборочному цеху томно вздохнули. Подошедший бригадир, только и смог сказать: «О-о-о!» Прибежавший начальник участка сказал проще: «Санта-Барбара оранжевых фуфаек... вступает в новую фазу рабоче-сексуальных отношений». Вскоре, к подножию шеста полетела красная жилетка, затем синяя фуфайка и свитер. Лифчик упал под ноги бригадиру. От этого зрелища, тибетейки гастарбайтеров нагрелись. Масса свалившейся на них зрительной информации, оказалась критической для мозгов аборигенов песчаных дюн. Цепная реакция мозговых нейронов перегорела, введя последних в состояние паралича.

Париж. Законодатель моды и родоначальник всех революций Новой и Новейшей историй. Избитая фраза: «Увидеть Париж и умереть», в нём приобретает зловещий символ. Город на костях. В его катакомбах покоятся останки более шести миллионов человек, уложенные штабелями. Увидели, наверное... Витрины фешенебельных магазинов регулярно бьются футбольными фанатиками. Это ж надо так не любить свой город... Над Парижем пролетает не только гипотетическая фанера. Три летящих над крышами бомжа, появившиеся на рассвете, переполошили всю французскую столицу. Освещённые первыми лучами восходящего светила, они величаво проплыли над городом, пару раз обогнув Эйфелеву башню и скрылись где-то в районе пригорода, перемещаясь по воле ветра. Средства массовой информации всё списали на мираж, успокаивая горожан, переполошившихся, не на шутку. Жмотьё — даже воды не предложили...

Свалка.

Свалка — поставщик продуктов для бомжей. Очистка контрафактной копчёной колбасы от плесени с помощью растительного масла. Масло добывается тут же. Почти всё — является НЗ.

От обильной смазки контрафактным подсолнечным маслом палка колбасы с ускорением выскользнула из рук бомжа, угодив прямо в рот его товарищу. Неожиданно нагрянувшая на место происшествия подруга первого персонажа, сразу же набросилась на его друга:

— Тебе что, скотина, «Докторской» колбасы не хватает?! Копоть на продажу пойдёт!

Пищевые конкуренты, жужжащей тучей, вились вокруг. Чёрные, зелёные, с синеватым отливом — мухи занимали свою нишу в этом празднике жизни. Мириться с этим было нельзя, хотя бы в душе, а натурально — невозможно. Бесполезно! Бессмысленно предпринимать какие-либо действия и этот факт портил настроение сборщикам провианта. Наступит зима и эти твари сами исчезнут. Какой бомж не любит русской зимы... И ненавидит... Холодно, однако...

— Рыбаков на них нет! — посетовал первый.

— На кого? — поинтересовался его приятель.

— На мух.

— И на их личинки! — добавила подруга. — Холодильника тоже нет...

— Да заткнись ты! — не выдержал сожитель. — Не трави душу...

Насвистывая себе под нос весёлую мелодию, второй персонаж жаловался на новые времена:

— Рыбаки нынче ленивые пошли — всё динамитом, да электроудочкой промышляют. Даже сети ставить ленятся, не говоря про то, чтобы их плести...

— Свистунов в... Ну, в общем, к началу жизни вести, — передразнил его приятель и перевёл разговор в другое русло.

Он пожаловался на свою подругу:

— Вчерась пришёл пустым, но поддатым, так она мне даже хлеба не дала.

— Гуманный поступок, имеющий светлый взгляд в будущее.

— Почему?

— Потому, — пояснил приятель. — Захочет, когда-нибудь, Дуська попрекнуть тебя куском хлеба, а ничего не получается... А это грех куда больший, на мой взгляд — попрекать.

— Да-да, — добавил чей-то голос из глубины землянки. — Ещё она больше никогда не сможет угрожать: «Придёт голодное время — попросишь у меня кусок хлеба!»

— Это точно! — обрадовался несчастный сожитель. — Уже просил...

Органически слившись с натюрмортом на столе: с бутылкой, со стаканом, со скудной закуской — он переосмысливал своё положение в семейной иерархии. Вспомнил все нанесённые ему обиды. Запустил солёным огурцом в невидимого врага. Чтобы запустить бутылку, такое, несчастному, даже на ум не пришло. Зашедший товарищ спросил:

— А где твоя Дуська?

— Ползают с приятелем по огромной кровати, в поисках компромисса...

— А чего это у тебя уголки рта заклеены пластырем?

— Пасть порвали, пока искусственную улыбку двумя пальцами растягивали... натягивая на угрюмую физиономию... Этикет!

— Должны соблюдать все, — согласился пришедший.

Душа требовала выхода в виде грустной песни пострадавший полез в угол за гитарой. Стряхнув с неё паутину, он мрачно сказал:

— Испанский галстук.

— Шестиструнная гитара, — удивился посетитель, — почему испанский?

— Потому что это их строй — шестиструнный, а так как испанцы народ горячий, то часто гитара оказывалась надетой, с размаха, на голову соперника самым грубым и вульгарным способом. Притом, сильным ударом и заменяла на шее галстук, который грифом упирался в паховую область. Впрочем, сам барабан больше походил на объёмное фанерное жабо.

Средняя полоса России.

Относительная благоустроенность и, в меру, приличные дороги.

В свете фар, на асфальте показалась жирная буква «У», нарисованная белой краской.

— Что-то я первую букву не заметил, — сказал водитель попутчице.

Через несколько метров появилось второе предупреждение — жирная жёлтая буква «В».

— Стоп! — заорала пассажирка. — Я кажется, начинаю догадываться — впереди пост ГИБДД!

— Гоп-стоп...

Подошедший патрульный, остановивший автомобиль для проверки, представился, вытирая пот со лба:

— Инспектор ГИБДД старший сержант Упыридзе. Ваши права и техталон. А почему вдвоём за рулём?

— Как?

— Рядом кто — жена?

— Да...

— Ну, значит вдвоём... Не действием, так ценным советом создаёт аварийную ситуацию на дороге.

Сержант обошёл машину вокруг и подойдя к багажнику, потребовал:

— Откройте аптечку и покажите огнетушитель.

— В аптечке?! — удивился водитель.

— Раз умничаешь — значит пьяный, — сделал вывод инспектор. — Пройдёмте в машину.

В машине сидел офицер полиции, который немедленно представился:

— Инспектор ГИБДД младший лейтенант Вулдараков. Дуй!

— В трубу?

— Не умничай...

Он хищно посмотрел в то место, где должна находиться сонная артерия.

— Может денег на водку не хватает? — подумал водила. — Получают, вместе с кровью...

— Интересный случай — вдвоём за рулём! — не переставал удивляться офицер. — А ведь у женщины за рулём инверсированное восприятие действительности.

— Это как? — не понял задержанный.

— Если она включает правый поворотник, то поедет налево — железобетон!

Система Трихансад. Автозаправка, на одной из дорог.

Летающий робот-заправщик приставал к очередной жертве:

— Суньте деньги в приёмный лоток, расположенный на рулевой панели вашего автомобиля.

— Суют только..., - ворчал водитель, вставляя купюры по одной в ненасытное чрево аппарата. — Не могли до сих пор на карточки перейти. Нал, видите ли, надёжней. Конечно надёжней! Дутые электронные деньги в любой момент могут испариться.

Дрон засунул пистолет в горловину бензобака; там же забрал деньги и залил мазута.

— Сбой в программе, — спокойно проинформировал он клиента и медленно удалился в сторожевую будку. — Счастливого плавания, сухогруз грёбаный! Гребите в северо-западном направлении.

— Ты — железяка долбанная! Верни деньги и заплати за ремонт.

— Это выполнить невозможно, а вот станция техобслуживания будет дальше — по пути вашего следования.

Незадачливый водитель открыл капот и обнаружил под ним инопланетян. Два негра-кочегара подкидывали в топку уголь...

— Что умывайся, что не умывайся... Это сколько же они на мыле экономят?

Средняя полоса России. Полицейское отделение.

Неопределённого возраста человек, в ожидании оформления протокола о появлении в обществе в нетрезвом состоянии, сидел на скамейке и пел мягким густым басом:

— ...Я ж тебя хвирую, аж до хатыноньки, сам на руках отнесу.

В помещение зашла дородная тётя, про которых ходят легенды, связанные с горящими избами и неуправляемыми конями. Она критически оценила потенциал, заложенный в певуне и строго приказала:

— Давай — дерзай...

— Сам напросился, да?

В помещение завели, с разных сторон, по одному задержанному. Каждый удивился неожиданной встрече.

— А ты что здесь делаешь? — спросил первый.

— Не видишь, что ли? Выписываюсь!

— А за что замели?

— Шли мы с корешем по центральной улице, а на ней, в это время, несколько акций проводилось. На первой, нам вручили презервативы сомнительного качества, с пожеланием безопасного секса и содействию в предотвращении распространения венерических заболеваний.

— А СПИД?

— Ну, и его, в том же числе...

— А дальше что?

— Дальше, по пути нашего следования, шла реклама каких-то конфет, которые раздавались детям. Это действие снималось на камеру, а детишек просили помахать фантиками перед объективом.

— И что?

— Мой кореш и помахал, на пару с дитём, только резиновым изделием.

— Ну, не такое это большое хулиганство.

— Да, вот только зачем было махать надетым...

Средняя полоса России.

Лес, в которой бомжам живётся не так вольготно, как на помойке, хоть аборигены свалки и не считают последнюю отхожим местом.

Холодно. Костерок совсем не греет, а большой огонь разводить сил не осталось. Дед Мороз не пришёл, Санта Клаус — тоже...

— Надо разжечь не один, а несколько сигнальных костров, сделав из них коридор, — предложил один из бомжей.

— Зачем? — устало спросили остальные.

— Может примут нас за партизан и сбросят чего-нибудь похавать...

— Да-да! Или сбросят пару авиабомб, подумав, будто бы немцы свиней коптят.

— Тогда пусть не забудут к бомбам прикрутить изолентой пару бутылочек с коптильной жидкостью...

Неопределённое место России. Авиастроительный завод. Испытательный полигон.

На авиазаводе испытывали новый самолётный движок. Прикрученный наглухо

стальными тросами к металлической платформе, он ревел так, что уши закладывало, у местных жителей в соседнем микрорайоне.

— Скрутили орла, — высказался один из испытателей.

— Да... Он так рвётся в небо...

— А может он к родителям стремится, в КБ напротив.

Напротив стояло здание КБ, хоть и далеко, но для возможностей этого двигателя, возвращение в родные пенаты не представлялось проблемой...

Проходящий мимо завхоз хотел сделать какое-то замечание, но его послали, куда-подальше. На это событие отозвался один из конструкторов:

— Чему орла может научить таракан? Как грамотно планировать? Как...

Слов у него не хватило, да их и не требовалось.

Средняя полоса России. Мастерская по ремонту бытовой техники.

Мастер успокаивал клиента, заверяя последнего в надёжности сделанного им выбора:

— Не беспокойтесь, у нас мастер — всё в руках горит!

— Э-э-э... Слущай, вах! Трындец магнитоле...

Далёкий галактический рукав Млечного пути.

— Может быть домой?

— Обратного пути нет...

— Но бывают же возвращения...

— Бывают. Можно свернуть в обратную сторону, а ждут ли тебя там?

— Да-да. Мы нужны и ненужны — одновременно. Иногда кажется, что одиночество — полное, но при этом, к тебе умудряются постоянно приставать...

— И призывать, при этом выгоняя.

— Невозможно, без видимых последствий, склеить разбитую чашу. Трещины, всё-равно, будут виды. Клей постепенно начнёт темнеть, напоминая о результате падения; отравлять содержимое, так, что без опаски пить поостережёшься. Только земля всех помирит, уравнивает, приютит... — Всё со временем стирается из памяти, а вот осадок горечи остаётся навсегда...

Больше книг на сайте - Knigolub.net